

1/6-1/9 Молодой султан. Глюкоза

157-160 Демоя в ои не иду!

102-123

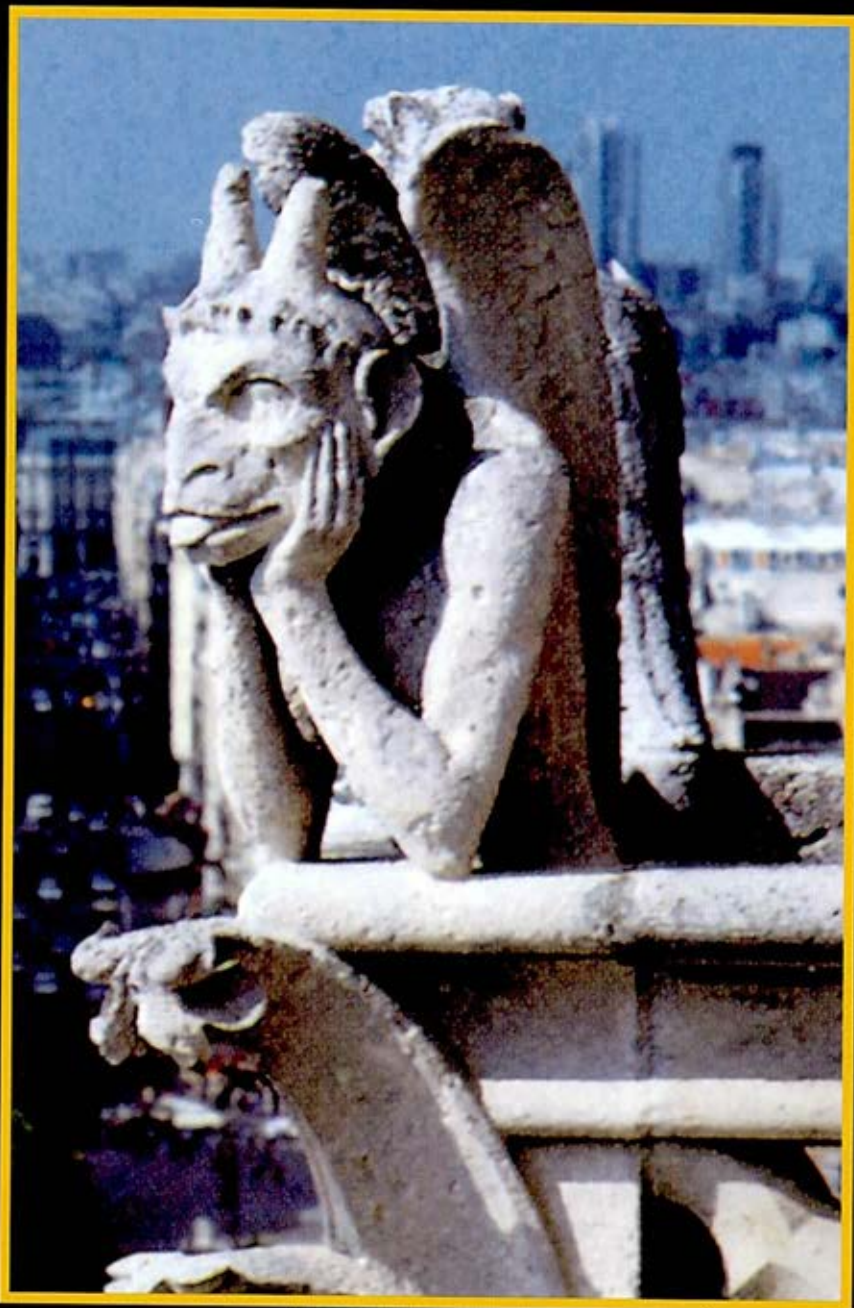
Смертельный Чебурашка

СМЕНА

ИЮНЬ '04

36-75 Как любить королеву?!

легенды **Нотр-Дама**
стр.4-9

главный редактор

Михаил
Кизилев

редколлегия

Николай
Левичев

главный художник

Виталий
Федоров

зам. главного редактора

Тамара
Чичина

6
2004
ИЮНЬ (1676)

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Сдано в набор 15.04.2004.
Подписано к печати 19.05.2004.
Печать офсетная.
Заказ № 7946
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,
sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Пер. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"
Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2004.

ИЮНЬ '2004

наследие веков

Людмила Тарасова

4 Легенды Нотр-Дама

Софья Пискун

10 Владимир
Маковский

музыкальная антенна

Алла Люден

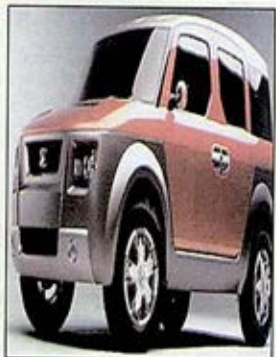
130 Голос русского
романса

▼ стр. 26

стр. 138 ►

стр. 160 ►

стр. 10 ►

издалека

Любовь Русева

26 Феномен Литке

расследование

Леонид Шаров

124 Разрушенная тайна

Love story

Алексей Михеев

92 Мартиролог

криминальная повесть

Иосиф Гольман

36 Любить королеву

детектив

Светлана Бестужева

102 Смертельная игрушка

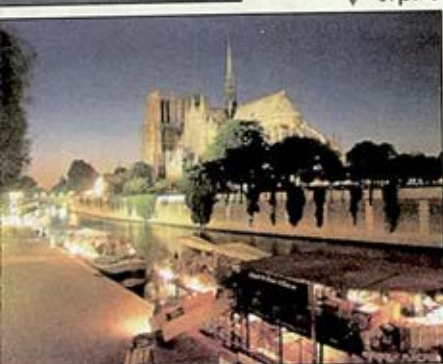
зарубежный рассказ

Мюриэль Спарк

76 Портобелло-роуд

◀ стр. 176

▼ стр. 4

молодой бульвар

Алла Пустынова

138 Сто одежек и застежек

Виктор Маньков

144 Мальчишки, достойные погон

Марина Фетисова

152 Жизнь в Шишкином лесу

Екатерина Постникова

157 Старики в бой не идут

Мансим Башкеев

160 Молодняк на колесах

Полина Теслер

166 Имею честь не предлагать себя в супруги

Николай Нуракин

172 Доска над волнами

Ольга Быстрых

176 Глюк'оза

Олег Новгородов

180 Северный вход

Рассказ

Дональд Уэстлейк

"КТО ПОХИТИЛ ЭССИ МАНУН?"

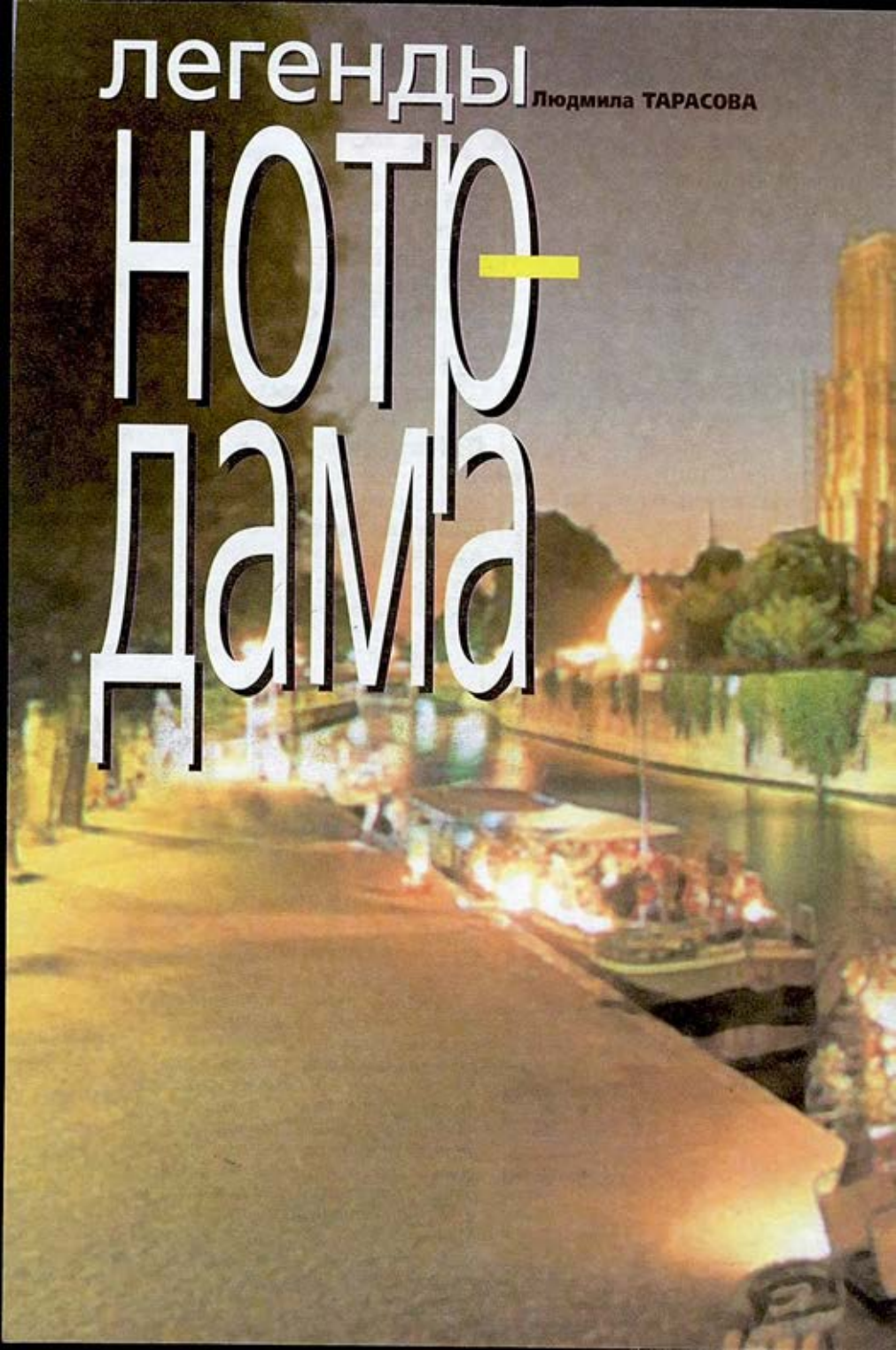
Американский писатель Дональд Уэстлейк очень популярен как автор авантурных романов, в которых захватывающий детективный сюжет переплетается с легкой иронией. В романе "Кто похитил Эсси Манун?" тоже все начинается серьезно. Молодому человеку Келли Брэму очень нужны деньги для его научных работ, и он решает добыть их путем похищения известной голливудской звезды Эсси Манун...

ИЮЛЬ '2004

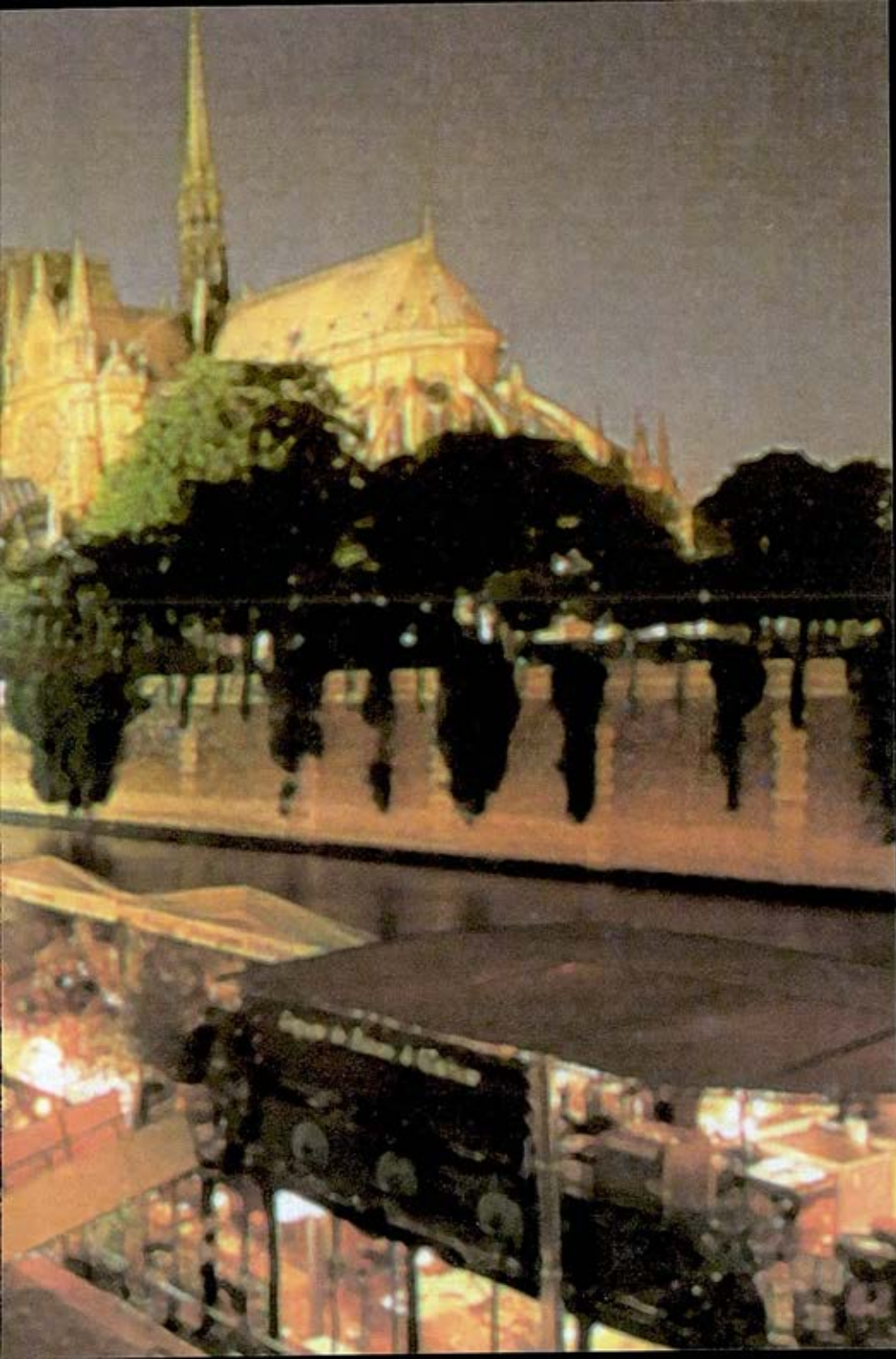
АНОНС: 7

легенды Людмила ТАРАСОВА

НОТЮ ДАМА

The background of the cover is a photograph of a canal at night. Several gondolas are visible, some with people inside, illuminated by warm lights. The canal reflects the lights from the buildings and street lamps. In the distance, a tall, illuminated building is visible against the dark sky. The overall atmosphere is romantic and atmospheric.

История и легенды, реальное событие и нереальные подробности, которыми оно обрастает, порой трудно различимы даже для современников, а чем далее в глубь веков, тем труднее отделить одно от другого. Парадокс в том, что собирают и спасают от забвения легенды именно историки, которые, казалось бы, призваны быть объективными и отсекают вымысел от реальности.

Огромное количество таких "спасенных" легенд связано с парижскими соборами и, прежде всего, с собором Нотр-Дам де Пари, архитектура и символика которого, как утверждают приверженцы эзотерических учений, — это своего рода зашифрованный свод оккультных учений. Виктор Гюго, создавший роман "Собор Парижской Богоматери" — одну из самых замечательных легенд Нотр-Дама, называл его "кратким справочником оккультизма".

Уроки аббата Эгже

В 1802 году собор Нотр-Дам был вновь освящен после того, как во времена Французской революции оказался под угрозой сноса. Спасло его превращение в "Храм Разума", так стали называть собор революционеры.

В том же, 1802 году во Франции в семье наполеоновского генерала Гюго родился мальчик Виктор, которому было суждено стать самым читаемым в мире французским прозаиком.

Особенно часто Гюго посещал собор в 1828 году во время прогулок по старому Парижу со своими друзьями — писателем Шарлем Нодье, скульптором Давидом д'Анже, художником Эженом Делакруа. Гюго увлекался старинной архитектурой, штудировал исторические сочинения и многое делал для защиты памятников средневековья.

Но не только история привлекала писателя. Нотр-Дам, как ни один другой собор Франции, овеян легендами. Первый викарий собора аббат Эгже, послуживший писателю прототипом для Клода Фролло, настоятеля собора в романе, был известен как автор мистических сочинений, впоследствии признанных официальной церковью еретическими, он и помог Гюго понять архитектурную символику здания. Кто знает, может, без этих уроков, после которых Гюго и назвал "Собор Парижской Богоматери" "кратким справочником оккультизма", не было бы и самого романа?

Остров Сите

Считается, что Париж возник на крошечном островке Сите посреди Сены, где и сейчас расположен Нотр-Дам. Когда-то здесь обитали кельтские племена. От имени племени паризиев, возможно, и произошло в дальнейшем имя французской столицы — Париж. Собор построен в западной части острова на месте, где в I веке нашей эры находился древнеримский алтарь, посвященный Юпитеру.

Остров Сите по форме напоминает, по словам Гюго, "громадное судно, завязшее в тине и отнесенное ближе к середине Сены". Скорее всего, благодаря этому сходству, а вовсе не вследствие осады нормандцев, на древнем гербе Парижа изображено судно.

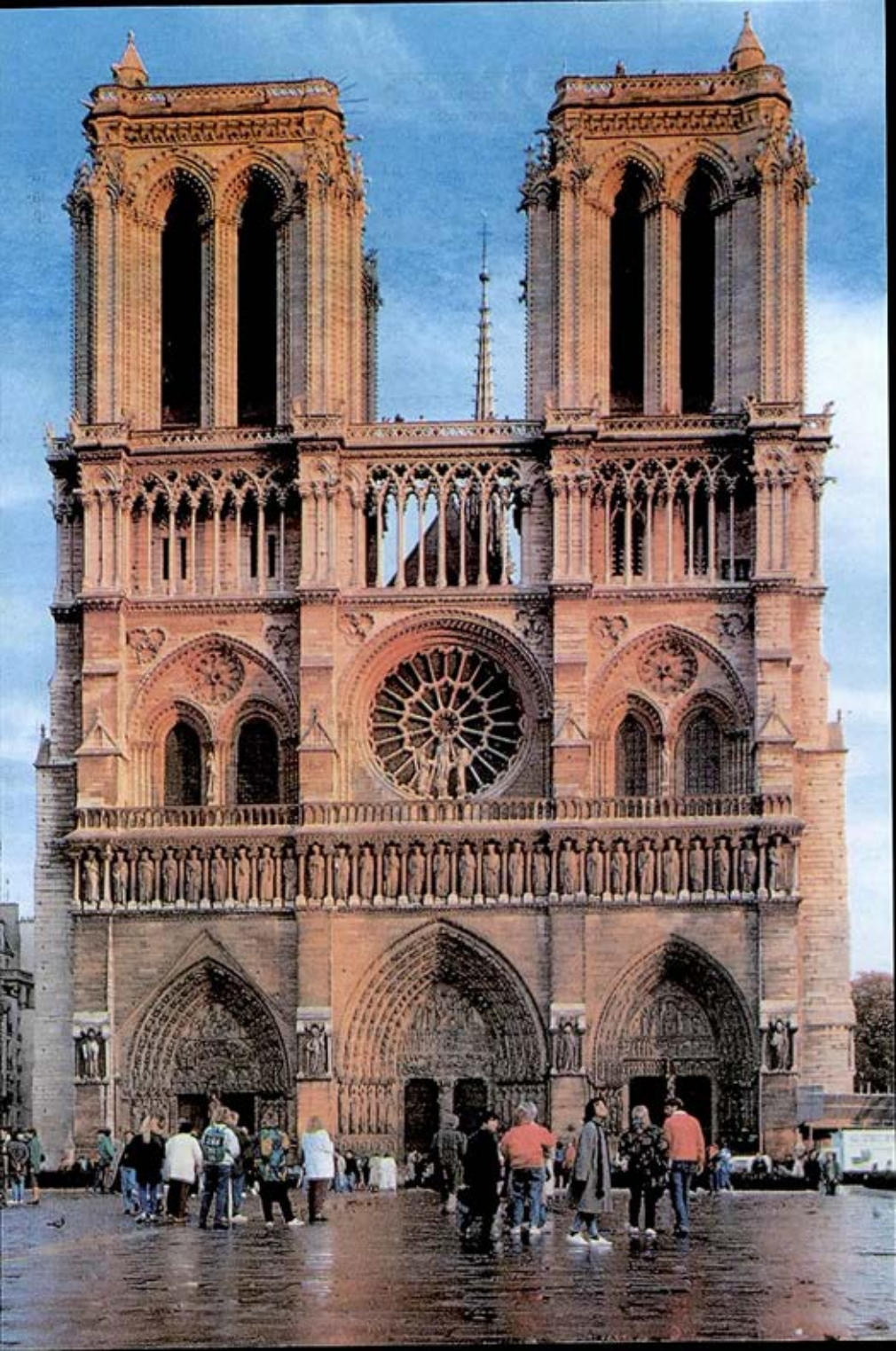
Сите и сейчас остается "сердцем Парижа". Отсюда начинается отсчет расстояния по всем дорогам Франции.

История не сохранила имя первого архитектора собора. Известно лишь, что строительство по планам, составленным епископом Морисом де Сюлли, начато в 1163 году, когда королем Людовиком VII и специально приехавшим в Париж на церемонию папой Александром III был заложен первый камень фундамента. Главный алтарь собора освятили в мае 1182 года, а к 1196 году неф здания был почти закончен, работы продолжались только на главном фасаде. Во второй четверти XIII века возвели башни. Около двухсот лет архитекторы и каменотесы трудились над постройкой и лишь к 1345 году завершили работу.

Несмотря на грандиозность здания (высота 35 м, длина 130 м, ширина 48 м, высота колоколен 69 м, вес колокола Эммануэль, который находится в восточной башне — 13 тонн, его язык — 500 кг), собор выглядит очень легким. Огромное внутреннее пространство поражает каждого входящего великолепием убранства. Собор стал местом проведения церемонии королевских бракосочетаний, императорских коронаций и национальных похорон.

Мощный и величественный, в идеальной гармонии стиля и формы, фасад собора разделен по вертикали пилястрами на три части, а по горизонтали — галереями на три яруса, из которых нижний имеет три глубоких портала. Над ними идет аркада, называемая Галереей Королей, с двадцатью восемью статуями, представляющими царей древней Иудеи. Народ, который видел в них образы ненавистных французских королей, низвергнул их в 1793 году. Ограб-

ленный во время Великой французской революции, Нотр-Дам сначала был превращен в "Храм Разума", а позже служил винным складом. Наполеон вернул его церкви в 1802 году. Полвека спустя архитектор Виллеле-ле-Дюк отреставрировал здание и скульптуры, заменил исчезнувшие статуи и соорудил знаменитый шпиль, без которого сейчас трудно себе представить Нотр-Дам де Пари. В эти же годы сломали постройки, примыкавшие к нему, а перед его фасадом образовалась существующая ныне площадь.

Легенда о кузнеце-дьяволе

Строительство собора, конечно же, тоже обросло легендами. Например, дошедшая до нас история о дьяволе-кузнеце. Створки ворот Нотр-Дама, которые могут увидеть и современные туристы, украшены замечательным узором из кованого железа со столь же удивительными железными замками. Выковать их поручили кузнецу по имени Бискорне. Когда кузнец услышал, что ему нужно будет выковать фигурные замки и узоры для ворот самого красивого собора Парижа, струхнул не на шутку. Подумав, что ему никогда с этим не справиться, он попытался призвать в помощь дьявола. Когда же каноник Нотр-Дама пришел поглядеть на работу, он застал кузнеца без чувств, но взору его явился настоящий шедевр: фигурные замки, накладные кованные узоры, представлявшие собой ажурные переплетающиеся листья — словом, каноник остался доволен. В день, когда отделку ворот закончили и врезали замки, ворота оказалось невозможно открыть! Пришлось их окроплять святой водой.

В 1724 году историк Парижа Анри Соваль уже высказывал некоторые мысли относительно загадочности происхождения узоров на воротах Нотр-Дама. Никто не знал, как они были сделаны — то ли литьем, то ли выкованы. Секрет был утерян со смертью Бискорне. И Совалью ничего не оставалось, как заявить: "Бискорне, уязвленный угрызениями совести, погрузился, стал молчалив и в скором времени умер. Тайну свою он унес с собой, так и не раскрыв ее — или чтобы секрет не был украден, или из опасения, что, в конце концов, выяснится: никто не видел, как он ковал ворота Нотр-Дама"...

Экскурсия "по Фульканелли"

Так что же такое особенное в символике собора помог понять Виктору Гюго первый викарый Нотр-Дама аббат Эгже, автор мистических сочинений, впоследствии признанных официальной церковью еретическими?..

Не только аббат, но и многие другие исследователи обращались к символике собора в разные времена. В XVII веке — Гобино де Монлюизан и Камбриэль, и уже в XX — один из самых загадочных авторов, скрывающийся под псевдонимом Фульканелли, о котором до сих пор ходит столько легенд, и известный французский историк Робер Амбелен. С большей или меньшей убедительностью они пытались раскрыть тайный смысл символики Нотр-Дама, будучи убежденными, что средневековые алхимики закодировали в геометрии собора Нотр-Дама секрет философского камня. Фульканелли видел немало алхимических символов в архитектурной отделке собора. "Если, подталкиваемые любопытством или просто ради праздной прогулки, погожим летним днем вы подниметесь по витой лестнице, ведущей к верхним этажам собора, пройдитесь затем неторопливо по узкому проходу галереи второго яруса. Дойдя до угла, образуемого колонной северного свода, вы увидите посередине вереницы химер удивительный барельеф старца, высеченный из камня. Это он — Алхимик Нотр-Дам", — пишет Фульканелли.

Не меньший интерес вызывают знаменитые статуи химер на фасаде Нотр-Дам де Пари, замечательно описанные в романе Гюго. Они установлены на верхней площадке собора у подножия башен. Разрушенные от времени скульптуры были восстановлены во время реставрации в 1850—1860-х годах Виллеле-ле-Дюком, который дал волю своей фантазии и воссоздал ирреальный мир химер — демонов, иронично и задумчиво рассматривающих раскинувшийся далеко внизу город; фантастических и чудовищных птиц; гротескных монстров, выглядывающих из самых неожиданных точек. Спрятавшись за шпилем или повиснув над выступом стены, эти каменные химеры, существующие здесь целые века, кажется, погружены в раздумья о судьбах человечества, копошащегося там, внизу. Возможно, это аллегорические изображения человеческих грехов...

Окна-розетки

Как и в других готических храмах, в Нотр-Дам де Пари нет настенной живописи, и единственным источником цвета в однообразном интерьере являются многочисленные витражи, вставленные в переплеты высоких стрельчатых окон. Солнечный свет, проникая через них, заливаает храм целой радугой оттенков. В некоторых частях храма преобладает чистый фиолетовый или голубой цвет, в других — жаркие оранжевые или красные тона. Эта игра света смягчает однотонность и придает интерьеру собора феерическую роскошь и вместе с тем таинственность.

Изображения на витражах выполнены в соответствии со средневековыми канонами. На окнах хора изображены сцены из земной жизни Спасителя, на витражах боковых стен — фрагменты из житий святых. Витражи высоких окон центрального нефа изображают патриархов, библейских царей, апостолов. В окнах боковых капелл представлены сцены из земной жизни Девы Марии. А витражи огромного, диаметром 13 метров, окна-розы включают в себя около восьмидесяти сцен из Ветхого завета.

Особенно интересно толкование символики центрального круглого витража на фронтоне собора, создание которого относят к 1220 году, так называемой "Западной розетки". Зодиакальные знаки этого витража, а также символы Зодиака, высеченные из камня на центральном портике с фигурой Девы Марии, обычно толкуют как символ годичного цикла.

Другой астрологический символ воспроизводит Галерея Королей на фасаде собора. Считается, что 28 скульптурных фигур изображают царей Иудейских, но по Библии их было 18, тогда как лунный месяц имеет 28 дней...

Терновый венец

В Соборе Парижской Богоматери хранится одна из великих реликвий христианства — Терновый венец Иисуса Христа.

До 1063 года Терновый венец находился на горе Сион в Иерусалиме. В 1063 году его перевезли во дворец византийских императоров в Константинополе. В 1204 году священную реликвию захватили ворвавшиеся в Константинополь западноевропейские рыцари-крестоносцы, с неслыханным варварством разграбившие христианский город.

Терновый венец Спасителя в X веке был перенесен из Иерусалима в Константинополь,

где хранился в храме при императорском дворце до взятия города крестоносцами. В 1238 году король Франции Людовик IX, прозванный Святым за свою веру и благочестие, приобрел венец у императора Константинополя. С величайшими предосторожностями, чтобы избежать подмены и не потерять святыню, венец переправили из Константинополя сначала в Венецию, а оттуда — в Париж. 18 августа 1239 года сам король вместе с братом внесли венец в собор Нотр-Дам де Пари. В рекордные сроки, с 1243 по 1248 годы воздвигли Сент-Шапель (Святую часовню) при королевском дворце на острове Сите в центре Парижа специально для хранения Тернового венца, который находился здесь вплоть до Французской революции. После закрытия Сент-Шапель по настоятельной просьбе парижского архиепископа венец передали в сокровищницу Нотр-Дам де Пари.

Пророчество Гюго

В начале романа Гюго рассказывает о том, как, осматривая Собор Парижской Богоматери, "обнаружил в темном закоулке одной из башен начертанное на стене слово: "РОК". Он спрашивал себя, он старался постигнуть, чья страдающая душа не пожелала покинуть сей мир без того, чтобы не оставить на челе древней церкви этого стигмата преступлений или несчастья. Это слово и породило настоящую книгу.

И далее: "Несколько столетий назад исчез из числа живых человек, начертанный на стене это слово; исчезло со стены собора и само слово; быть может, исчезнет скоро с лица земли и сам собор".

Печальное пророчество Гюго о будущем собора пока не сбылось. ■

Владимир М

Софья ПИСКУН

ЯКОВСКИЙ

На бульваре. 1886—1887.

Его творчество можно сравнить с творчеством писателей Боборыкина и Гиляровского, описавшими жизнь и быт России II-й половины XIX века. Его предшественниками были Перов, Пукирев, Прянишников... После смерти Василия Перова Владимир Маковский стал самым известным русским жанристом того времени. И в истории русской живописи он навсегда оставил яркий след как непревзойденный мастер бытовых картин-новелл.

Родился Маковский 26 января 1846 года в Москве в семье, где все жило и дышало искусством. Отец его, Егор Иванович — умный и образованный человек (служил бухгалтером Экспедиции Кремлевских строений) — собрал редкую коллекцию гравюр и картин, около трех тысяч. Среди них — первые оттиски гравюр Рафаэля, Рубенса, Рембрандта, рисунки Брюллова, Федотова, Кипренского, картины старых мастеров. Он добился значительных успехов в искусстве, был одним из организаторов первого натурального класса в Москве, превратившегося в Московский художественный класс, а затем в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. И первую награду Московскому художественному классу — серебряную медаль за рисунок "Два натурщика" принес он, Егор Иванович, художник-любитель. Мать Владимира Маковского (урожденная Моленгаузэр) Любовь Корнилиевна слыла красивой женщиной и обладала прекрасным тембром голоса. Художник Брюллов сделал ее карандашный портрет, начал и большой — маслом, но заболел и не успел закончить. Основатель Московской консерватории Рубинштейн даже пригласил ее преподавать пение. Квартира Маковских находилась на набережной Москвы-реки с видом на Кремль. В доме отца собирались известные люди: Глинка, Гоголь, Пушкин, Щепкин, Брюллов, Тропинин... Устраивались литературные, рисовальные и музыкальные вечера. В семье было четверо детей (трое сыновей: Константин, Николай, Владимир и дочь Александра), все они стали известными художниками. "Искусство — вторая религия... искусство облагораживает человека, делает его гуманным", — часто любил повторять отец.

Владимир унаследовал от него любовь к искусству, а от матери — красивый голос, учился играть на гитаре и скрипке, довольно рано начал рисовать. Друзья отца — художники, особенно Тропинин, сыграли огромную роль в становлении личности Маковского.

Имея довольно хорошую домашнюю подготовку, Владимир в 1861 году поступил в Московское училище живописи и ваяния, где его учителями были продолжатель Венециановской школы Зарянко С.К., замечательный мастер по рисованию Сорокин Е.С. и, конечно же, Тропинин В.А., внимательно следивший за Владимиром. В этом же году он написал свою первую картину "Мальчик, продающий квас", сильно напоминавшую портретно-жанровые тропининские полотна (например, "Кружевница"). А через три года написал портрет отца, где юный художник сумел передать уже внутренний мир модели, создал образ серьезного, вдумчивого, погруженного в себя человека. В 1866 году Владимир закончил Московское училище с серебряной медалью и званием классного художника III степени за работу "Литературное чтение". Сюжет настолько характерен для того времени, что, видимо, молодой Маковский поэтому его и выбрал. Так называемые "домашние вечера" занимали важное место в жизни всей творческой Москвы второй по-

ловины XIX века, собственно говоря, на их основе и создавались художественные, литературные и музыкальные объединения.

В этой картине тщательно, с любовью, выписаны все детали интерьера квартиры отца: камин, часы, ковер, мебель и, конечно же, картины из его коллекции. Работа несколько статична и суховата, возможно, потому, что была экзаменационная, и художник не смог себя проявить как хотелось бы. Так же тщательно выписаны и персонажи, известные в то время лица. И среди них девушка, сидящая возле чтеца. Эта девушка, Анна, — невеста Маковского, дочь архитектора Московской дворцовой конторы Петра Герасимова. Она была пианисткой, ученицей Рубинштейна. Вскоре молодые люди поженились. Маковский жил с семьей в доме отца, а чтобы не зависеть от него, подрабатывал: расписывал плафоны, писал иконы. Серьезный и целеустремленный Владимир обладал неимоверным чувством ответственности. Вот что он сам писал о себе: "Репин говорит, что нужно семь раз умереть, прежде, чем написать картину. Это, конечно, так... А я семь раз умираю после того, как напишу картину... Ведь картина по России ездит, что Россия скажет, вот что главное, вот где суд!"

В 1869 году за конкурсное полотно "Крестьянские мальчики в ночном стерегут лошадей" Петербургская академия художеств присудила Маковскому золотую медаль и звание классного художника I степени за экспрессию. Тема картины созвучна с рассказом Тургенева "Бежин луг". Действительно, глядя на картину Маковского, чувствуешь, что сюжет ее словно навеян поэзией тургеневского рассказа, даже ощущаешь аромат летней ночи, слышишь потрескивание костра и голоса мальчиков, пугающих друг друга всяческими страшилками. Все как у Тургенева: "Ну и что ж, ты так и видел домового?" Или "Вот и здесь должны быть русалки..."

Детская тема волновала Маковского на протяжении всей его творческой жизни. Возможно, интерес к детской тематике у Маковского проявился с рождением первенца в 1869 году, сына Александра. Он создает милые детские образы: "Крестьянские мальчики", "Пастушки", "Ночное", "Возвращение с ночного". В картине "Игра в бабки" художник подмечает характерные черты каждого мальчика: в одном — озорство, в другом — спокойствие, в третьем — лукавство... Картина написана живо, динамично, позы мальчиков естественны. Хорошо передан сельский пейзаж, но ощущается грусть, беспокойство художника за дальнейшие судьбы этих крестьянских детей при виде деревенской нищеты. "Игра в бабки" понравилась и зрителям, и критикам. Это первая картина Маковского, купленная П.М. Третьяковым для своей галереи, что означало признание его как прекрасного мастера-живописца. Он жил и работал в то время, когда русская бытовая живопись уже миновала пору бичевания, обличительства, но в своих произведениях не оставался равнодушным ко всему происходящему, в его картинах — сочувствие к слабым, обездоленным людям.

Маковский хорошо знал характеры, особенности, странности людей, вникал в их истории, чтобы затем изобразить жизнь простого человека с мягким юмором, сочувствием и грустью. "Он посещает все, — писал критик Н. Александров, — все богадельни, где его стали величать "Ваше превосходительство". Знает все закулисья Москвы, все труппы: его встретите на рынках, на народных гуляньях, на всех толкучках и тут же на балах, в театрах, концертах, в маскарадах, на бульваре и т.д."

В этот период появляются такие картины как "Любитель-старьевщик", где персонаж — бедный завсегда московских толкучек и антикварных магазинов, человек фантастически преданный своему делу. А вот картина "В приемной у доктора" — сценка затянувшегося ожидания в приемной у врача, где художник живо и

выразительно передает состояние людей. Особенно впечатляет старушка со скорбным выражением лица от сильной зубной боли, и тут же несколько ироническая фигура священника. Тот, вероятно, дает "верный" рецепт от боли. В картине настолько хорошо выписаны все детали, даже шаль, накинутая на плечи старушки, одежда священника, что В.В. Стасов оценил эту работу как одну "из примечательных и типичных картинок современной русской школы".

Картина "Любители соловьев" — одно из лучших произведений Маковского. В небольшом полотне художник показывает будничную обывательскую жизнь маленьких людей: обычная комната, за столом с самоваром расположились гости, купцы или лавочники, и вслушиваются в пение соловья, а хозяин горделиво смотрит в окно, потому что у него есть такой замечательный соловей, хотя видно, что он намного беднее своих гостей. А те, заслушавшись сладкими трелями, сидят, как замороженные, с просветленными лицами. Художник, вероятно, хотел подчеркнуть, что только в общении с природой человек может обрести душевный покой. Не зря эта картина, выставленная в 1873 году на Всемирной выставке, привлекла всеобщее внимание. Так, в одном из номеров журнала "Гражданин" в статье о культурной жизни Москвы рассказывалось, что "истинно русский художник" Владимир Маковский в своей небольшой работе сумел выразить общечеловеческое и могучее самозабвение, в которое впали выставленные им лица, и сумел очаровать вас, при этом вы забываете всю бедность... обстановки". Достоевский, увидевший эту картину на Всемирной выставке в Вене, писал в статье: "...если нам есть чем-нибудь погордиться, что-нибудь показать, то уж, конечно, из нашего жанра... в этих маленьких картинках, по-моему, есть даже любовь к человечеству, не только к русскому в особенности, но даже и вообще". Не случайно общество поощрения художников отметило картину первой премией за 1873 год, а Академия художеств удостоила Маковского звания академика живописи.

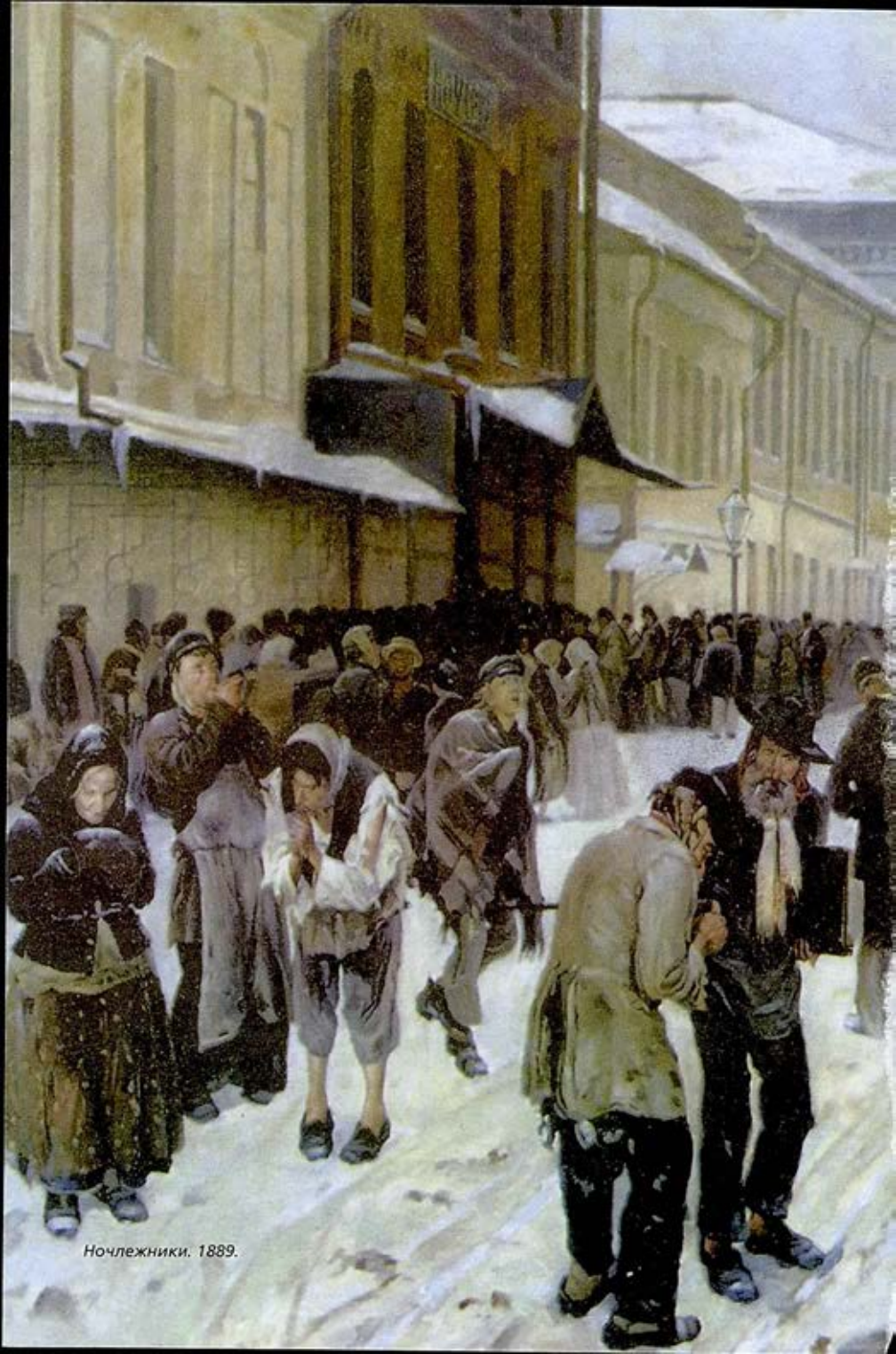
В это же время он работает над картинами для альбома "Эпизоды Севастопольской жизни 1854-1855 годов". Идея создания альбома возникла в связи с предстоящей в Москве выставкой, приуроченной к 200-летию со дня рождения Петра I. Маковский написал 21 картину. Причем, интересно, что он выбирал не батальные сцены, а жанровые, предварительно изучив историю Севастопольской эпопеи. По своему решению эти картины у Маковского перекликаются с литературными произведениями Л.Н. Толстого "Севастопольские рассказы".

В 1872 году Маковский вступил в Товарищество передвижных выставок, а с 1874 года его избрали членом правления, причем, в отличие от своего старшего брата Константина, вскоре покинувшего товарищество, Владимир оставался верен ему до конца жизни и участвовал почти во всех выставках. От картины к картине творчество художника становилось совершеннее, но его взгляды не менялись. Он по-прежнему старался не просто подметить в жизни что-то забавное или, наоборот, показать какую-то озлобленность, а как можно больше отобразить на полотне все многообразие человеческого бытия. И уже во второй половине 70-х годов создает целый цикл коротеньких живописных новелл. Одна из них — "Варят варенье", где любовно выписаны залитый солнцем дворик небольшой усадьбы и милые старички, муж и жена, для которых в этот момент нет ничего важнее, чем это нехитрое дело. В картине, в сравнении с ранними работами, художник мастерски передал солнечное освещение, тени, она более светлая, и это большая удача в живописном отношении.

Маковского волновала не только своеобразная поэзия повседневной жизни, но и серьезные социальные проблемы, хотя юмор и иронию он по-прежнему использовал в своих картинах. К примеру, "Посещение бедных", где изображен

Ночлежники. 1889.

жалкий быт бедняков. Художник с симпатией относится к этому семейству и высмеивает надменную, богато одетую даму, явившуюся в убогий дом и брезгливо, сквозь лорнет, смотрящую вокруг себя. Это, пожалуй, единственная картина, где художник не использует присущий ему легкий юмор... Или "Крах банка" — в ней отражена типичная для того времени (да и для нашего тоже) ситуация. "Лопнул" банк, и люди разного возраста и социального положения разорены, они в отчаянии. И Маковский по-своему с мягкой иронией передает их состояние, не стараясь драматизировать ситуацию. Вот шумно возмущается почтенная дама, около окна сидит старушка в обмороке, и ее стараются привести в чувство, в центре — остолбенелая фигура купца. Поспешно убегают ловкие дельцы, один из которых засовывает что-то в карман. И только полицейский — блюститель порядка — спокоен. Вот что писал художник и критик А.А. Киселев по этому поводу: "Образ полицейского, блюстителя общественной тишины и порядка, спокойного олимпийца из участка... бесстрастного и неподвижного, как статуя, принадлежит к числу самых удачных типов Маковского".

В Москве существовала знаменитая толкучка, куда часто захаживали писатели и художники. Посещал ее и Маковский, внимательно наблюдая за происходящим. Ее любили рисовать и Василий Перов, и Петр Шмельков. Ее описывали Владимир Гиляровский, Иван Слонов... Об этой толкучке Слонов вспоминал:

"Между Владимирскими и Ильинскими воротами в Китайской стене с внутренней ее стороны лепятся маленькие, низкие и узкие лавочки, торгующие разным старым хламом. Эта местность называется Старой площадью. Здесь ранее помещалась знаменитая толкучка. Это был один из оригинальнейших уголков старой Москвы. С самого раннего утра и до поздней ночи толпилось различно-го люмпен-пролетариата. Это сборище бывших людей похоже было на громадный муравейник... тут были князья, графы, дворяне, разночинцы, беглые каторжники, дезертиры, отставные солдаты, монахи, странники, пропившиеся купцы... и прочие". После многих наблюдений у Маковского возникла мысль написать большую картину "Толкучий рынок в Москве". Писал он ее шесть лет, начиная с 1875 года. Предварительно сделал много зарисовок, этюдов, эскизов. Первый этюд — "Обед", через четыре года пишет этюд "В полдень", наиболее удачный. На полотне "Обед" художник воспроизводит ту часть толкучки, где бедные люди устраивались у стола, за которым торговка съестным кормит их своей нехитрой стряпней. Торговки приносили горшки, завернутые в рваные одеяла, в них находились горячие щи, похлебка, вареный горох и каша, около каждого горшка стояла корзина с черным хлебом, деревянными чашками и ложками. Это место называлось "обжорка". Многие критики прекрасно отзывались об этих этюдах и считали их намного интересней, динамичней, чем сама картина "Толкучий рынок в Москве".

К периоду расцвета Маковского можно отнести 1880-е — начало 1890-х годов, когда он создает свои лучшие произведения. В 1882 году сбылась давняя мечта Маковского, его пригласили вести натурный класс в Московское училище живописи, ваяния и зодчества на место ушедшего из жизни Перова. Он с удовольствием преподавал, относился весьма требовательно к своим ученикам, главное внимание уделял тому, что "колорит и рисунок связаны между собой". Но между ним и его учениками понимания так и не возникло. Молодые художники постоянно находились в поисках новых средств в передаче цветового и светового эффекта. Маковский же, хотя и не был консерватором, чувствовал, что ученики обгоняют его в мастерстве, и это его раздражало.

В 1892 году Маковскому присвоили звание профессора. Вплоть до 1894 года он жил и работал в Москве в доме Дворцового ведомства у Каменного моста близ Храма Христа Спасителя, для росписи которого сделал несколько эскизов. Это были плодотворные годы, картины его приобретались как музеями, так и частными коллекционерами. Дом его, как когда-то во времена отца, притягивал к себе художников, артистов, музыкантов, ученых. В семье подрастали трое детей: сыновья Александр, который стал художником, Константин — в будущем архитектор и дочь Елена. По воскресеньям устраивали музыкальные вечера, на которых живой и общительный Маковский играл на гитаре, но особенно он любил скрипку, даже купил уникальный инструмент работы Гварнери. "Я не знаю, какое искусство люблю больше — живопись или музыку, — говорил художник. — Каждый день я, бросая кисть, берусь за смычок и играю, один для себя". Маковский устраивал и званые обеды, частенько приглашались художники-передвижники, они его любили, он был душой общества. Об одном из таких обедов Василий Polenov рассказывал своей жене: "...Потом Маковский петь стал под аккомпанемент гитары малороссийские песни. Я ужасно люблю его слушать... Всех охватило настроением любви и красоты, и все лучшее в жизни вспомнилось каждому. Чудная минута".

Да, Маковский был веселым и очень музыкальным человеком, но это не мешало ему глубоко чувствовать страдание и боль других людей. Так, в его работе

"Ночлежный дом" сюжет построен настолько естественно, проникновенно и живописно, что возникает чувство сострадания к несчастным людям. А холодное зимнее утро с туманной дымкой над городом еще более подчеркивает безысходность. На картине — толпа бедняков у дверей ночлежки, а в центре — замерзший старик, с опухшими от мороза руками, с папкой под мышкой дает прикурить босяку. Старик этот — Алексей Саврасов, известный пейзажист, доживающий свой век в глубокой нищете, спившийся и больной. "Ночлежный дом" написан в пери-

Обед. Эгод для картины
"Толкучий рынок в Москве". 1875.

од подъема творческих сил, в 1889 году, и уже чувствуется зрелое мастерство в передаче образов в многофигурной композиции, а также в передаче городского пейзажа.

В 1894 году Маковского пригласили на должность руководителя жанровой мастерской в Высшем художественном училище Петербургской академии. Произошло это только благодаря реформе и принятию нового устава Академии, потому что прежде Маковский, как и все передвижники, считался непримиримым

В избе лесника. 1886—1887.

мым противником Академии. И с 1894 года до конца своих дней Маковский жил и работал в Санкт-Петербурге, но часто возвращался в Москву, совершал поездки по стране и за границу. Так, в середине 1890-х годов он уехал на Волгу, работать на пленэре, и сделал множество зарисовок, акварелей и этюдов маслом. Но все же его душе ближе были жанровые сценки, зарисовки босяков, бродяг на фоне волжских просторов.

На проходящей XXV выставке передвижников Маковский представил более 30 своих работ, в том числе из "волжского" цикла. На этот раз они не вызвали никакого интереса ни у критиков, ни у публики, а художник Нестеров даже назвал его картины "товаром", хотя, в общем-то, и неплохим. А вот молодое поколение считало Маковского уже "изживающим" художником. И они, увы, оказались правы. Большую часть своей творческой деятельности Маковский был весьма преуспевающим, востребованным, знаменитым. Он быстро разбогател, построил для себя прекрасную мастерскую, считавшуюся лучшей в Москве. Но в то время, когда молодые художники находились в постоянных поисках новых средств выражения в живописи, Маковский не менялся, продолжал писать все те же знакомые сюжеты на бытовые темы: "Бабушка и внучка", "У доктора", "Пьяная улица"... И может, дело даже не в сюжетах, а в том, что он успокоился на достигнутом и перестал развиваться творчески. Художественные приемы его были примитивны, и, по рассказам некоторых современников, он стал часто писать картины по фотографиям или делал раскрашенные зарисовки. Вот за это его и критиковали современники. Александр Бенуа называл его картины довольно уничижительно — "ничтожный рассказик". В свою очередь, живописцев из "Мира искусства" — Врубеля, Сомова, Малютина и Александра Бенуа — Маковский именовал "нелепыми и недоучившимися". Это был спор художников разных направлений и разной степени талантов.

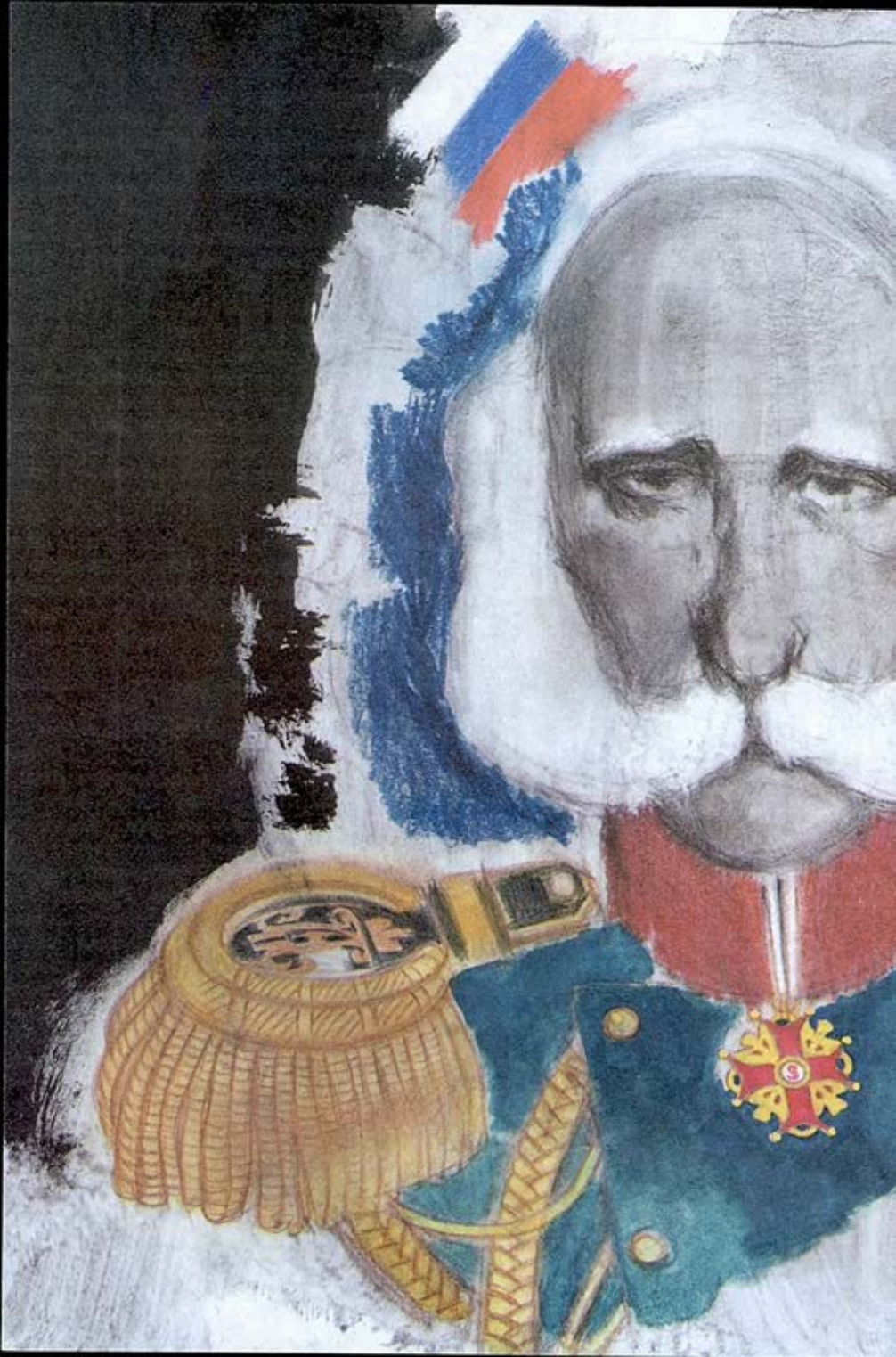
Несмотря на критику, Маковский продолжал работать в своей любимой тематике. Случайно он оказался свидетелем расстрела январской демонстрации 1905 года. Событие так сильно потрясло его, что он сразу же сделал несколько набросков карандашом, написал этюды, а затем и картину "9 января 1905 года на Васильевском острове". Работал много и серьезно, но успеха опять не добился. Он не смог художественными средствами показать глубину происходящего события. Картину "9-е января" запретила к показу царская цензура, и только после революции, в 1922 году, ее смогли увидеть зрители. Но, несомненно, Маковский вошел в историю русского искусства как мастер бытописания, и простые человеческие чувства его интересовали гораздо больше, чем глобальные вопросы общества.

Жанровые сценки иногда прерывались у Маковского работой над портретами. Писал он их живописно, душевно и правдиво. В портретах умело передавал не только внешний облик, но и через позу, удачно найденный жест, аксессуары, индивидуальный характер каждого персонажа. В этом отношении особенно интересен портрет Евграфа Семеновича Сорокина, известного художника-педагога. Удивительно, что этот портрет абсолютно совпадал с характеристикой, которую в своих воспоминаниях дал ему М. Нестеров: "...благодушный толстяк в бархатном пиджаке и белом галстуке... Евграф Семенович был прекрасный человек, был знаменитый рисовальщик, но с большой ленцой". И хотя Маковский написал более двадцати портретов, портрет все же не стал его призванием.

Умер Владимир Маковский в 1920 году и был похоронен в Петрограде на Волковском кладбище. ■

ФЕНОМЕН ДИТКЕ

Любовь
РУСЕВА

Издательство
Геннадия Новожилова

— Господин офицер, господин офицер!.. — В дверь отчаянно барабанили. — Вам послание от морского префекта!..

Разбуженный стуком и криком, ничего не понимающий, сонный Литке открыл дверь. Ночью он поздно вернулся из театра, где давали "Фенеллу". Атмосфера, царившая во время представления, поразила русского офицера: шум, гвалт, крик. Неистовая публика несколько раз требовала от артистов исполнения "Марсельезы"...

— Господин префект сообщает вам, господин командир, что его заставляют просить командира русской эскадры салютовать трехцветному знамени.

"Этого только не хватало!" — подумал раздосадованный Литке, но ответил утихо:

— Мой поклон господину префекту, с которым я буду иметь честь лично объясняться.

В жаркий солнечный день в Брест, главный военный порт Франции на Атлантическом океане, вошла русская эскадра под командованием Федора Петровича Литке. Город амфитеатром живописно расположился на склоне двух холмов. Порт защищался сильными батареями и освещался пятью маяками. Рейд, окружностью в 30 километров, вмещал более 500 военных кораблей. Он был глубок и безопасен, поскольку окружающие возвышенности защищали его от бурь. Но другие бури бушевали в самой Франции. Только войдя в порт, моряки узнали, что 29 июля в Париже победило восстание республиканцев. Под предлогом, что на русских кораблях во время плавания болело несколько человек, эскадре объявили карантин. На берег сошел только ее начальник...

Одевшись, Литке отправился к морскому префекту — адмиралу Дюпотиллю. Сам город, неправильно построенный, с покатыми, узкими, темными и грязными улочками, русскому офицеру не нравился. Тогда еще не было нового квартала, плац-парада и набережной гавани. Не было и бульвара Cours-Vajot, длиною в полкилометра, с его видом на рейд. Этот бульвар станет красивейшим во Франции. Не было еще и знаменитого разводного моста, перекинутого через морской рукав около устья реки Панфель и открывающего самым высоким кораблям вход в военную гавань. Его возведут лишь в 1861 году. Мост этот, длиною в 257 метров, покоится на двух башнях, расположенных друг от друга на расстоянии 106 метров и возвышающихся над уровнем воды во время отлива на 28 метров. Разводиться он будет двумя рабочими в течение 10 минут.

Размышляя по пути, как бы выпутаться из этой неприятной истории, Федор Петрович решил воспользоваться наложенным на русские корабли карантинном.

— Ваше сиятельство, — совершенно серьезно заявил Литке, — я намерен салютовать французскому флагу при самом прибытии, но я должен по заведенному порядку предварительно переговорить и условиться о салюте, а наложенный на нас карантин попрепятствовал мне тогда это сделать. У нас же есть правило, что пробывшие в порте три дня не салютовавши, уже более не салютуют.

Старый адмирал выслушал торжественную речь русского офицера с иронической улыбкой.

— Я совершенно понимаю, дорогой командир, что вы не можете салютовать флагу, которого ваше правительство не признало. Но что будете делать? Я обязан сделать вам мое заявление, чтобы избежать кучи неприятностей. Делайте, что хотите. Я же могу вам только посоветовать воспользоваться первой удобной минутой, чтобы уйти из порта. Я сообщу ваш ответ этим господам.

Литке возвратился на фрегат и распорядился готовиться к отплытию, но пока ждали попутного ветра, во Франции все переменилось. Вскоре к Литке при-

был адъютант префекта с известием, что у них новый король и новое министерство. Все пришло в порядок, все успокоилось, а потому пребыванию русской эскадры нет препятствий.

Но Федор Петрович рвался домой. Там его ждет... письменный стол и пропасть материала, требующего изучения и обобщения. Скорее к ней, к любимой, к науке!

Удивительна судьба этого человека. Всю жизнь он стремился заниматься только наукой, и всю жизнь ему в этом препятствовали. Не случайно современники говорили о нем как о "феномене Литке". Не получив никакого образования, он молодым человеком получил всемирное признание, нигде не обучаясь — стал президентом Императорской академии наук. Академик Владимир Павлович Безобразов писал: "В генеалогии Литке можно заметить разве только одну нравственную черту, проходящую через три поколения: неодолимую склонность к умственной деятельности и наукам... Также в известной степени можно считать унаследованною любовь графа Литке к морю и стремление его к морской службе. Во всем остальном он обязан самому себе, энергии своих личных усилий и своим врожденным дарованиям".

"Приближался первый и несчастнейший час моей жизни, — писал в автобиографии Федор Петрович. — 17-го сентября 1797 г. сделался я убийцею моей матери. Появление мое на свете пережила она не более двух часов. Но в эти два часа, конечно, мать моя, ты усердно молилась о младенце твоём, потому что одним святым твоим молитвам должен я приписать благословение Божие, сопровождавшее меня на пути жизни, среди тысячи напастей, которыми он был усеян.

Сопоставление начала и вечера моей жизни объясняют мою мысль. Вот отрок, не знавший никогда ласк матери, на одиннадцатом году лишаящийся и отца, круглый сирота, остающийся без призора, без всякого воспитания и учения, в самые опасные годы юношества окруженный примерами разврата, самых грубых нравов и всякого соблазна, — что, по всей человеческой вероятности, должно было выдти из этого несчастного? Не должен ли он был погибнуть в бездне невежества и разврата? И что ж? Этот мальчик, во всю жизнь свою не имевший ни одного порядочного учителя, делается под старость президентом Академии наук; этот несчастный, обреченный на гибель в разврате, удостоивается чести быть воспитателем одного из сыновей Царских; этот заброшенный, не видевший впереди ничего, кроме бедности и нищеты, доживает свой век в довольстве! Не явен ли тут Промысел Божий, руководивший сироту!

Неприглядное, тяжелое детство было долею осиротевшего мальчика. Мое детство не оставило во мне ни одного приятного воспоминания, которые в воображении большей части людей рисуют детство в таком розовом цвете. Не знать ласк матери есть уже большое несчастье. Но меня, кроме бабушки, никогда никто не ласкал. Но и от нея я был удален уже в том возрасте, когда ясное самосознание начинает только развиваться..."

Дед Федора Петровича, Иоганн Филипп, "муж многосторонней учености, писатель по физическим наукам и теолог", обладатель ученой степени магистра философии, был приглашен в Россию в царствование Анны Иоанновны. По контракту он шесть лет занимал должность конректора академической гимназии в Санкт-Петербурге и ректора Петер-шуле. В сороковых годах XVIII столетия он жил в Москве, где был избран пастором в немецкой общине, а также содержал школу, в которой учился немецкому языку великий Потемкин.

Сын его, Петр Иванович, участвовал в первой турецкой войне, а в 1775-1776 годах состоял в свите князя Репнина, когда тот ездил послом в Константино-

поль. В конце жизни Петр Иванович был членом Коммерц-коллегии и инспектором Петербургской и Кронштадтской таможен. Этот человек, подобно своему отцу, также интересовался многим и собрал богатую библиотеку. Как писал в своей автобиографии Федор Петрович, отец, не забывая своего происхождения и веры предков, был в душе истинно русским человеком, всегда почитал себя москвичом, и никому не приходило в голову назвать его немцем.

— Как бы он громко смеялся, — горько признавался Федор Петрович, — если бы узнал, что его сына и внуков в наш просвещенный век презрительно называют немцами.

Овдовев, Петр Иванович Литке, несмотря на любовь к жене, женился во второй раз, может быть, чтобы обеспечить уход маленькому сыну. Но выбор оказался столь неудачным, что Литке не только отравил себе жизнь и преждевременно сошел в могилу, но и дал сыну не любящую мать, а злую мачеху.

Благодаря стараниям этой женщины, Федора в семь лет удалили из дома, отдав в пансионат, в котором царила казарменная (в худшем смысле) атмосфера. Мальчик был лишен так нужных в этом возрасте игр и общения. Со смертью отца закончилась и эта, хоть и плохая, но все же учеба: мачеха не пожелала платить за обучение пасынка.

С этого времени и до пятнадцати лет Федор жил у своего дяди Энгеля, члена Государственного Совета, который и вовсе не обращал на него внимания. Это был человек блестящих дарований, но слабохарактерный. Попав под влияние одной распутной дамы, жены офицера, он в конце концов привел ее в дом. Тогда-то и началось то, о чем писал в своей автобиографии граф Литке.

Предоставленный самому себе, Федор много, но бессистемно читал. Как вспоминал его друг Фердинанд Петрович Врангель, "при ненасытной жажде знаний, составлявшей отличительную черту его характера, и выдающихся умственных способностях, мальчик в этот период перечитал чрезвычайно много книг".

То, что судьба не сложилась так печально, во многом заслуга старшей его сестры и ее мужа Сульменева, морского офицера, который определил юношу во флот. Уже гардемарин Федор отличился при бомбардировке Данцига. Когда пришло известие о высадке Наполеона и о том, что русские войска опять идут во Францию, им овладел воинственный дух. Литке написал зятю, что желает поступить в армию, и просил похлопотать о его переводе. На это получил ответ в свойственной тому манере: "Желание вашей милости отпустить усы (Федор тогда еще не брился) и сесть на коня пришло поздно; мы сейчас получили известие, что Бонапарт разбит при Бель-Алиансе, и все кончено".

В 1817 году Федор Петрович участвовал в кругосветном плавании на военном шлюпе "Камчатка", под командованием капитана Василия Михайловича Головнина. На судне Литке подружился с будущим известным исследователем Арктического океана бароном Врангелем, которого также звали Федором и "которому мы, — вспоминает Литке, — по неудобству носить двум то же имя возвратили настоящее его имя Фердинанд". Два года длилось плавание.

"В начале похода я не имел никакого понятия о службе, воротился же настоящим моряком, но моряком школы Головнина... думать только о существе дела, не обращая никакого внимания на наружность...". Литке и здесь, на шлюпе, продолжал самообразование. "Я много читал, делал выписки, переводы, астрономические наблюдения и вычисления. Капитанская библиотека была обильно снабжена путешествиями, преимущественно английскими... С тех пор я вполне достаточно усвоил себе английский язык".

Море стало страстью будущего графа. Ему поручали самостоятельные научные экспедиции. В 1821 году по рекомендации Головнина он на бриге отправляется к берегам Новой Земли. Федор Петрович совершил несколько навигаций, и за 1821-1824 годы, он не только описал берега Новой Земли, но сделал много географических определений мест по берегу Белого моря, исследовал глубины фарватера и опасных его отмелей.

Во время плавания Литке собрал ценнейшие естественно-исторические коллекции, обогатившие музеи Академии наук. Его труд "Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан в 1821-1824 годах" был переведен на другие языки и вызвал живой интерес в научном мире.

В 1826 году Литке назначают командиром шлюпа "Сенявин", на котором он отправился в свое третье кругосветное плавание, продолжавшееся три года. По результатам своим — это одна из наиболее успешных экспедиций первой половины XIX столетия: в Беринговом море определены важнейшие пункты берега Камчатки, описаны не известные до того Карагинские острова, остров св. Матвея и берег Чукотской Земли; определены острова Прибылова; исследованы и описаны Каролинский архипелаг, острова Бонин-Сима и многое другое.

"После кругосветного плавания на "Сенявине", — писал академик Безобразов, — имя Литке сделалось известным всему образованному миру и поставлено в ряду замечательнейших путешественников и мореплавателей нашего века". В 1829 году Академия наук избрала Федора Петровича членом-корреспондентом, а в 1836 году увенчала описание его путешествий полной Демидовской премией.

25 августа 1829 года после трех лет и пяти дней кругосветного плавания "Сенявин" вошел в Кронштадт при пушечном салюте. Сразу после возвращения Федора Петровича произвели в капитаны 1-го ранга (минуя чин).

— Что собирается делать этот мореплаватель? — поинтересовался Николай I у морского министра маркиза Траверсе*.

— Просит предоставить ему возможность заняться обработкой накопленных в экспедициях наблюдений, ваше величество.

— Быть по сему. Пусть поработает в гидрографическом депо вашего министерства, маркиз... Пока...

Литке был счастлив этим назначением. Занятый историческим и гидрографическим описанием результатов экспедиций, Литке передал часть своих научных материалов другим ученым — академику Ленцу и гельсингфорскому профессору Гельштрему. Первый напечатал в академических "Мемуарах" "О наклонности и напряжении магнитной стрелки по наблюдениям Литке", второй — "О барометрических и симпиезометрических наблюдениях Литке и о теплоте в тропических климатах". Все эти труды доставили автору их репутацию одного из заслуженнейших географов того времени.

Федор Петрович очень надеялся, что обретенное императором "пока" продлится вечно, но... Но гром грянул через пять месяцев. В конце января 1830 года Федор Петрович получил приглашение на завтрак от адмирала Крузенштерна. Слова Ивана Федоровича насторожили Литке.

— В мае в Атлантический океан посылается отряд из фрегатов "Анна" и "Принц Оранский", а также бриг "Аякс" с офицерами первого выпуска Морского корпуса, старшим классом гардемарин и морским учебным экипажем. Вы назначаетесь начальником отряда.

* Морской министр (1811—1828) и член государственного совета маркиз Жан Франсуа де Траверсе (в России Иван Иванович) покинул Францию во время революции.

— Какова цель экспедиции? — поинтересовался Литке упавшим голосом.

— Практическое образование моряков. Прошу особое внимание уделить учебному экипажу. Устройство его безукоризненно, но это послушная машина. На море это не годится. И ваша задача сделать из его членов хоть и не таких образцовых моряков, как сеньявинцы, но все же... Задача, не скрою, трудная.

Литке понимал, что подобное назначение явилось бы честью и для более заслуженного офицера, но его тянула наука.

— Благодарю вас, Иван Федорович, но сколь ни лестно мне такое назначение, я однако ж очень об этом сожалею, потому что оно отрывает меня от работ, в которые я целиком погрузился.

Видя удивление и недовольство адмирала и привыкший, как офицер, во всем подчиняться, Литке, вздохнув, добавил:

— Однако делать нечего. И первая моя просьба как начальника отряда откомандировать на каждое судно по несколько унтер-офицеров и матросов с только что прибывшей из Средиземного моря эскадры Лазарева. Лазаревские моряки хоть кого смогут на морской лад перекроить.

Перед отплытием эскадры ее посетил император. Заметив плохую выpravку моряков, Николай I обратился к начальнику отряда.

— Ничего, Литке, для того тебя и посылаем, чтобы учить их.

После того, как эскадра покинула Брест, на кораблях началась холера. Николай I посетил отряд по его возвращении и как всегда решил убедиться в порядке и выучке моряков. Он приказал поднять паруса на фрегате, но моряки несколько замешкались, что императору не понравилось.

— Мы отправимся своим ходом, — недовольно отрезал он, — у нас дел по горло, некогда ждать.

Капитану фрегата была объявлена благодарность, а имя начальника отряда в приказе не упоминалось. Литке, решив, что государь недоволен им, и он провалил порученное ему дело, расстроился, но вздохнул свободно, решив, что теперь о нем забудут, и он сможет целиком посвятить себя любимому делу. Да не тут то было. Через три месяца умирает муж его младшей сестры, и Литке пришлось ехать за ней и племянниками в Вильно, привезти их в Петербург и устроить здесь. Слава Богу, хлопоты закончились. Литке за стол — работать.

Опять не дали — назначили помощником русского консула в Данцинге. Из-за начавшихся волнений в Польше не могли доставить действующей армии провиант. Решили доставить в Данцинг, а оттуда сплавлять по Висле. Генеральный консул Тенгоборгский потребовал для распоряжений по выгрузке кораблей и паромному сплаву морского офицера. Император приказал послать Литке.

— Ума не приложу, каким образом для исполнения чисто интендантских обязанностей выбор пал именно на меня? — не мог успокоиться Федор Петрович.

— Есть у тебя, друг мой, редкие для интендантских чинов качества. Ты исполнительен, аккуратен и честен... Вот и расхлебывай, — ответил в свойственной манере зять Сульменев.

— Ах, Феденька, пора тебе жениться, — посоветовала сестра. — С женатым человеком больше считаются, нежели с бобылем.

— Да когда же мне жениться? Все в плаваниях, а на кораблях невесты не сыскать.

— Мы найдем тебе невесту, только ты женись.

— Хоть на каракатице, лишь бы дали возможность заниматься тем, чем хочешь.

По предложению Тенгоборгского Литке поселился у него. С возложенной на него труднейшей задачей он справился за рекордно короткий срок — полгода. Это стало возможно благодаря тому, что трудоспособностью и энергией Тенгоборгский был под стать морскому офицеру. Они не только сплавляли весь груз для армии, но и написали все счета и отчеты. А провианта оказалось на баснословную сумму — 10 миллионов рублей. По просьбе Тенгоборгского отчеты в Варшаву повез Литке.

5 января 1832 года Федор Петрович прибыл в столицу Царства Польского и на следующий же день предстал перед фельдмаршалом Паскевичем, который принял его в присутствии князя Горчакова.

Литке рвался в Петербург к своим занятиям, но отчеты лежали без движения. Он надоедал генерал-интенданту Погодину.

— Да рассмотрите вы, наконец, наши отчеты и отпустите меня.

— И рассматривать их нельзя, потому что они составлены не по указанной форме.

— Это очень натурально, потому что сама операция производилась вне всяких форм.

Тенгоборгский, которого Литке уведомил об этих разговорах, ответил, что если ему доставят формы, он в две недели переделает по ним отчеты.

Литке снова к Погодину.

— Предоставьте нам формы, и мы в кратчайший срок переделаем отчеты.

— А у нас и формы-то определенной нет.

Литке в отчаянии — время идет, а он не может уехать и заняться наукой, из-за бюрократических проволочек он может застрять в Польше Бог весть на какой срок. Он обращается с просьбой к дяде, который был в это время в Варшаве, представлял временное правительство Царства Польского. Тот помог его горю. Энгель обратился к самому фельдмаршалу.

— Ваше сиятельство, мой племянник напрасно теряет здесь время, между тем как в Петербурге стоят за его отсутствием многие важные работы, относящиеся до его путешествий.

В конце января Литке вернулся в Петербург, а 1 февраля состоялся высочайший указ о назначении его флигель-адъютантом.

За эту работу Федора Петровича наградили. В его формулярном списке записано: "за деятельное участие и благоразумную распорядительность, оказанные при выгрузке из кораблей в Данцинге и сплав по Висле, назначенных для действующей армии в Царстве Польском продовольственных припасов, всемиловнейше пожалован кавалером ордена св. Владимира 3-й степени". Кстати, в 1830 году графа наградили орденом Святого Георгия 4-го класса "за сделанные на море 18-ти шестимесячных кампаний".

Но напрасно радовался возвращению ученый мореплаватель. Николай Павлович представил его императрице, и офицера все чаще стали приглашать в Зимний дворец, а 1 февраля он стал флигель-адъютантом. Литке чувствовал, что за этим что-то последует. И не ошибся.

3 ноября 1832 года после обеда у наследника его воспитатель Мёдер отвел Литке в сторону.

— Что бы вы сказали, если бы вам предложили быть воспитателем великого князя Константина Николаевича?

— Хотя я не признаю в себе никакого призвания к такой должности, и в течение всей моей двадцатилетней службы, занимаясь исключительно одним морским делом, не обладаю нужными для того сведениями и способностями,

но воля государя для меня закон, и если его величеству угодно будет повелеть, то мой долг — повиноваться.

Через несколько дней князь Меншиков объявил Федору Петровичу приказ императора.

— Государь приказал вам ежедневно приезжать к великому князю Константину Николаевичу и проводить с ним день.

В тот же день на обеде у наследника престола Мёрдер передал тот же приказ. После обеда пришел пятилетний генерал-адмирал, и они вместе отправились на его половину. Так началась новая служба Литке, продолжавшаяся 16 лет.

Император Николай Павлович предназначил для службы во флоте своего второго сына, потому и воспитателем его должен был быть морской офицер. Выбор монарха пал на Литке. Федор Петрович чрезвычайно серьезно отнесся к этому делу, он часто уходил в море с подопечным, с разрешения государя называл великого князя Константина за нерадивость. Граф с честью справился со своей задачей — Константин Николаевич полюбил море и с 1855 года управлял флотом и морским ведомством на правах министра. На этом поприще великий князь провел ряд важных реформ: прежний парусный флот заменил паровым, сократил наличный состав береговых команд, упростил делопроизводство по делам морского ведомства, завел эмеритальные кассы, запретил во флоте телесные наказания. Привлек в морское министерство новые, по преимуществу интеллигентные силы; многие видные русские писатели Гончаров, Писемский, Григорович, Максимов в эту пору состояли на службе в этом министерстве или исполняли его поручения. Орган министерства, "Морской Сборник", по своему официальному положению избавленный от цензуры, сделался открытым выразителем новых тенденций, помещая статьи по вопросам, далеко выходящим за пределы специальных флотских интересов.

Пользуясь доверием императора Александра II, великий князь явился ревностным пособником в деле проведения реформ, ознаменовавших начало царствования. В деле освобождения ему принадлежала видная роль: он отстаивал в главном комитете как принцип освобождения, так и вообще интересы крестьян против крепостнической партии. Позднее его инициатива имела немалое значение при осуществлении таких реформ, как введение гласного суда и ограничение телесных наказаний. И конечно, во многом всему этому мы обязаны Федору Петровичу Литке. И, конечно же, ему Россия обязана учреждению Географического общества, которое возглавлял Константин Николаевич. Федор Петрович же был вице-президентом названного общества и направлял его деятельность. Он тесно сотрудничал с Академией наук. Как любитель и знаток астрономии Литке принимал деятельное участие в жизни Николаевской главной обсерватории, одно время управляя ее делами.

В конце февраля 1864 года граф был как никогда поражен: он получил официально письмо Александра Васильевича Головина (сына адмирала, бывшего его капитана), в котором извещалось: "Государю императору благоугодно было в 23-й день сего февраля всемилостивейше назначить Ваше высокопревосходительство президентом Академии наук с оставлением при всех занимаемых Вами должностях и звании генерал-адъютанта..."

6 марта Федор Петрович Литке открыл заседание Общего собрания Академии наук в качестве ее президента.

— Не без смущения, не без большого недоверия к силам своим являюсь я между вами в таком звании, — обратился он к академикам. — Проходя мыслен-

но ряд знаменитостей, предшествовавших мне в этом звании, я спрашиваю себя: чему я обязан этой честью?.. На этот вопрос нахожу один только ответ. Без сомнения, я обязан этим не чему иному, как любви и уважению к науке, которые я питал в продолжение всей моей жизни... Достаточно ли одного этого условия, чтобы дать право председательствовать в кругу знаменитейших представителей науки в нашем Отечестве, — об этом судить не мне. Но его было достаточно, чтобы обратить на меня внимание Академии, когда она тридцать пять лет тому назад удостоила меня звания своего члена-корреспондента. Таким образом, я не совсем чужим являюсь между вами, и вы найдете во мне то же уважение к науке и ту же ревностную готовность служить ей, кои сопровождали мою молодость и не оставляют меня к старости.

Большие заслуги принадлежат Литке и на посту президента Академии наук, который он занимал с 1864 по 1881 годы. При нем расширились средства главной физической обсерватории, метеорологической и магнитной обсерватории в Павловске; увеличено число премий за научные и литературные произведения, улучшено состояние музеев, коллекций и других ученых пособий.

Этот пост граф Литке занимал до 1881 года. Федор Петрович подал прошение об отставке, когда обострилась борьба за гласность академических выборов и громко звучали протесты против засилья "иностранцев" в Академии наук. Тогда-то и вырвалось упомянутое горькое признание Литке.

Многие ученые написали Федору Петровичу сочувственный адрес, а академик Грот, например, прислал теплое письмо. "Милостивый государь, Федор Петрович. Намереваясь скоро отправиться за границу, чувствую душевную потребность независимо от участия моего в поднесенном Вашему сиятельству общем адресе академиков выразить Вам в нескольких строках глубокое сожаление о необходимости, побудившей Вас удалиться от Академии наук... Минуты, в которые я пользовался честью находиться в непосредственных сношениях с Вами, навсегда останутся в числе самых отрадных воспоминаний моей жизни".

Граф Федор Петрович Литке, адмирал, исследователь Арктики, президент Императорской академии наук, известный путешественник, воспитатель великого князя, в честь которого названы два мыса, скончался 8 августа 1882 года. ■

иллюстрация **Алексея Берж-Барткевичуса**

ЛЮ

Иосиф
ГОЛЬМАН

КОРОЛЕВУ

Глава 1

Июньское солнце раскошегарилось по полной. Пахло летом, и еще немного тиной — от протекавшей всего в сотне метров запруженной подгнивающей речонки. Неровный строй будущих воспитанников лагеря "Смена" приготовился к суровой речи старшего воспитателя. Большинство знало его сто лет и не ожидало от выступления ничего нового. Меньшинство, приехавшее из других районов, испуганно вытягивало шею в опасении прослушать что-нибудь важное.

— Вы меня знаете? — начал Николай Петрович Толмачев, осанистый мужчина лет сорока пяти.

— Знаем, — ответно прошелестел строй.

— Я много не говорю. — Строй промолчал. Говорил Николай Петрович как раз много. Был он учителем физкультуры в местной школе, и большинство собравшихся прошло через его руки. Мужик он был неплохой, но, как говорится, не в авторитете. — Так вот, — продолжал Толмачев. — Вы все знаете, как оказались здесь. У большинства на шее висят сроки: у кого — условные, у кого — кто зону понюхал — условно-досрочные. Остальным тоже не время колготиться. Так что обдумывайте линию поведения. — Николай Петрович сделал паузу, видимо, давая время на обдумывание линии поведения. — Так, как в прошлом году, уже не будет! — махнул он рукой. — Пусть всех на тюрьму свезем, но бардака не допустим!

Тишина стала мертвой, а новички из других районов и вовсе опустили стриженные головы.

Аборигены знали, о чем речь. Прошлогодний лагерь для трудновоспитуемых стал притчей во языцех не только у местной шпаны, но и в гороно, и даже в УВД. За сезон — две драки с поножовщиной, не считая обычных рукопашных, три побега и две беременности по окончании. Это много, решило соответствующее начальство и усилило нынешний состав Толмачевым, в том году отсутствовавшим, а также двумя студентами-старшекурсниками, которые должны были выполнять роль старших "братьев-сестер". Плюс — милиционер на постоянном довольствии (в прямом смысле слова: его жена работала в "Смене" поварихой).

Но все эти меры были полной туфтой, для отвода глаз главы администрации, искренне решившего, что заблудшим мальчикам и девочкам такой пансион полезнее тюрьмы. Реально могли помочь беседы, проведенные операми с будущими "лагерниками", сопровождаемые доходчивым матом, зуботычинами и потрясанием томами личных дел. Даже отпетому идиоту было ясно, что сидеть в самом плохом лагере лучше, чем в самой хорошей зоне.

Само название лагеря злило и смешило ментов одновременно. "Смена" — это было круто, с учетом того, что у восьмидесяти процентов воспитанников кто-то из старших уже сидел: отцы, дяди, братья.

Толмачев все говорил и говорил. Зной между тем становился нестерпимым: врачиха уже дважды терла виски нашатырем самым нестойким воспитанникам.

Несмотря на жару, начали покусывать комары.

Вот этого Федор Седых особенно не любил. Собственно, он и в "Смене" — то оказался исключительно из-за нелюбви к комарам. Предыдущие три лета он провел в стройотряде в Сибири. На своей исторической, судя по сибирской фамилии, родине. Там все было классно: и народ, и деньги, и работа. Федор лю-

бил и умел строить, освоив полдесятка строительных специальностей. Ему нравилось, когда из-под его рук вдруг показывалось нечто, сотворенное, если не на века, то уж точно надолго. Седых и в этот год с удовольствием поехал бы в стройотряд, если бы не комары. Вообще-то, им никто не рад. Но у Федора каждый укус сопровождался быстро возникающей и медленно спадающей опухолью, размером от пятака до ладони, в результате приходилось возить с собой целую аптеку. Стройотрядовская докторша бубнила что-то про аллергию и индивидуальную непереносимость, однако реально ничем, кроме дурацких примочек, помочь не могла.

В третий, самый "комариный" год, вздутия от укусов слились в одну сплошную болячку. Все тело дико чесалось, каждые пятнадцать минут Федор бросался в речку, ледяной водой утишая нестерпимый зуд и жжение. Удовольствие от жизни в таких условиях было явно ниже среднего.

Конечно, можно было сделать попытку и в этом году. Ребята все свои, вопроса о потерях рабочего времени из-за частых купаний никто не поднимал. Но еще раз искушать судьбу не хотелось: а вдруг злых насекомых прибавится, а речки рядом со стройкой не окажется? Федор осознал свое поражение в этой битве, и на последнее институтское лето решил сменить вид трудовой деятельности.

Почему детский лагерь, да еще — для трудновоспитуемых? А кто ж его знает! Так фишка легла: пришла в вузовский комитет ВЛКСМ "телега" из райкома. Стали искать романтиков. Нашелся один, который боялся комаров больше, чем малолетних урок. Все решилось в две минуты.

Федор покрутил головой, сгоняя со щеки очередного маленького вампира. Еще раз оглядел строй, привычно ища глазами хорошеньких девчонок.

Здесь такие были. Слегка, как говорил приятель Димка, "поношенные", но вполне симпатичные. Все они казались старше своих тринадцати-шестнадцати лет. Большинство — явно злоупотребившие косметикой, особенно, в такой жаркий денек.

А прямо напротив него вообще стояла красotka: не очень высокая, но стройная и какая-то вся ладная. Федор уже знал ее фамилию: Королева. Ольга Королева. Фамилия соответствует: эта девочка не миловидная, а именно красивая, с умными глазами и главное — без следов половой усталости на юном челе. Ольга — одна из немногих, которые выглядели на свои шестнадцать.

И в то же время свежей женственностью она останавливала взгляд любого нормального мужика, еще не поддавшегося странной мании влюбляться в особей своего же пола. Федор этой мании не поддавался ни в малейшей степени, а потому, отметив девочку, "проел глаза", глядя на нее.

Впрочем, интерес его был вполне абстрактным: в голове крепко засела мысль, вбитая на предварительном часовом инструктаже с помощью бесчисленных вариационных повторов все тем же Толмачевым. А излагал он, пусть и разными словами, но одну и ту же грубую истину: "Главное — не трахаться с воспитанницами. Иначе — труба. Все простят, этого — никогда".

Федор, по привычке доводить ситуацию до логического конца, переспросил: "А как насчет воспитательниц и поварихи?" Николай Петрович объяснил серьезно: "Насчет воспитательниц — как получится. А муж поварихи будет находиться в лагере с табельным оружием. Усек?" Федор усек. Повариху он уже видел и не пристал бы к ней даже под угрозой уже упомянутого табельного оружия.

Что касается воспитательницы, — Федор покосился налево, там как раз и находилась Лена Сиднева, симпатичная веселая девица-пятикурсница из его же института, — то здесь вопрос открытый. Хотя в последнее время ему все больше хотелось любви, а не просто "отношений".

Королева пару раз ловила его взгляд и улыбалась в ответ. Федор строго отводил глаза — чтобы и не мечтала.

Кстати, в середине строя выделялась не одна она. Мало-мальски опытному глазу была заметна компактная группа из трех человек, причем девчонка являлась в ней не центральной фигурой. Кроме нее в группу входил Хорьков, Хорь, быковатый молодой человек с мощно накачанными плечевыми бицепсами. Длинные руки кончались здоровенными, почти постоянно сжатыми кулаками. Так бывает у маленьких детей с повышенным мышечным тонусом. Их стараются "расслабить" массажем и специальными медикаментами.

Этого, похоже, в детстве расслабить не удалось. Его характерно стриженная голова состояла из маленького лба, маленьких глазок, злобно сверлящих из-под развитых надбровных дуг, и неожиданно крупных прочих черт лица. Хорьков производил отталкивающее, а, точнее, пугающее, впечатление, безусловно, он знал это, и ему это нравилось.

Но, опять-таки, и он главным не был. Рулевым был третий, Олег Симаков, стоящий посередине парнишка лет 15-16, с ясным открытым взглядом и ангельскими чертами лица, чуть, может, подпорченными слегка тяжеловатой линией подбородка. Федор уже был в курсе, что кличка парнишки в точности соответствует внешности: Ангел. Ему бы еще крылышки и лук со стрелами.

Ангел встретил его взгляд и улыбнулся в ответ. Приятная у него улыбка. Не широкая, а теплая какая-то. Как будто знает про тебя что-то хорошее. Федор невольно улыбнулся в ответ. "Что он здесь делает? — мелькнула мысль. — Ему бы открывать слет отличников в Артеке".

Впрочем, он знал, что Ангел делает в "Смене". Мишка-опер, куратор лагеря, рассказал в деталях. Мальчик уже задерживался по подозрению в организации ряда тяжких преступлений. В том числе — изнасилования с последующим убийством молодой девчонки в парке культуры. Мишка подозревал "этого поддонка" еще как минимум в трех "злых" преступлениях, но доказать пока ничего не смог. А не пойман — не вор. Кроме того, Ангел, похоже, по совместительству с "авторитетной" преступной деятельностью "стучал" Мишкиному начальнику, старшему оперуполномоченному майору Семенову, "сдавая" тому серьезных "гастролеров" и даже настоящих блатных. Такой симбиоз всех устраивал: Семенов побеждал преступность в отдельно взятом подмосковном районе, а Ангел мог обделывать свои делишки (в определенных пределах, очерченных майором), не опасаясь тяжелой длани правоохранительных органов. При таком раскладе Семенов отдаст эту гадину только при наличии неопровержимых улик. А их-то Ангел как раз не оставлял.

Он задерживался лично им, Мишкой, в номере заводской гостиницы у приежжего фирмача. Фирмач спал, слегка нахлофелинный, а Ангел "шмонал" его вещи. Было это два года назад, сейчас Мишка такой глупости уже бы не допустил: дал бы тому собрать "шмотки" и выйти с ними из номера. А тогда... Ангел объяснил, что зашел в номер случайно. Дверь была открыта, он ничего не взял. И брат не собирался.

Клофелин финскому инженеру накапала та самая Оленька Королева, которая сейчас стояла на линейке рядом с Ангелом. Усыпив мужичка, девочка вышла из номера, ничего оттуда не взяв. Финн, узнав от Семенова ее возраст, во-

обще ушел в полную "несознанку". Только уверял, что секса не было из-за его абсолютного отключения. Заявление, понятное дело, писать отказался. А нет заявления — нет и дела, это за годы работы Мишка уяснил крепко.

Короче, придумать такое, — одна травит, ничего не взяв, другой берет, никого не отравив, — мог только Ангел. Все это Мишка и поведал Федору. Кроме, может быть, тонкостей взаимоотношений Ангела и старшего оперуполномоченного майора Семенова. Седых понял, что Мишка сильно не любит Ангела, эта нелюбовь прямо распространяется на его друга Хорькова (почему-то обходя стороной его подружку Королеву) и имеет под собой определенные веские основания.

Толмачев, похоже, подходил к концу. Зевать не стеснялись даже затурканные поначалу приезжие. А на траве в тенике отдыхали уже трое сомлевших.

— Короче, наша задача — прожить два с половиной месяца без ЧП. Всем понятно? — закончил Николай Петрович.

— Всем, — сонно ответил строй.

— Не слышу, — с угрозой повторил Толмачев.

— Всем! — гаркнул строй.

— Вот так-то! — удовлетворенно заметил Николай Петрович и скомандовал: — По машинам!

Ребята, измученные долгим стоянием, рванули к "машинам" — одинокому старенькому "Икарусу", поджидавшему неподалеку. Через тридцать секунд площадь опустела.

Дизель взревел, двери закрылись, и автобус двинулся к шоссе.

Федор, сидя у окна, вздохнул: восемь лет отделяли его от последнего пионерского лета. Внезапно почувствовав чей-то взгляд, он поднял глаза. На него пристально смотрела Королева. А за ней — с соседнего сиденья — внимательно и оценивающе наблюдал Ангел.

Лето обещало быть интересным.

Глава 2

Лагерь "Смена" обозначился через час езды. Он представлял собой три слабо благоустроенных барака. Один — жилой, с двумя огромными "палатами" для мальчиков и девочек соответственно. Второй — пищеблок-столовая (она же — клуб), с комнатками для поварихи и посудомойки. В комнатке с поварихой угнездился и усатый милиционер с табельным оружием. Ни милиционера, ни тем более его табельного оружия Федор толком и не разглядел: служивый, почувствовав волю, сразу так круто вошел в алкогольное пике, что выхода его из этого состояния Седых по ряду причин уже не застал.

Первые полтора дня прошли в организационных хлопотах: раздавали матрасы и постельное белье, приводили в порядок кухонное оборудование, распределяли внутрилагерные обязанности.

На общем собрании в столовой выбрали комитет самоуправления — так он громко назывался. Председателем по предложению Ангела единогласно избрали Хоря. Тот горделиво покрутил маленькой головой, расправил и без того широкие плечи, после чего немногословно пообещал неприятности нарушителям режима. Сказано было мало, но доходчиво. Эффект от его выступления на порядок перешиб толмачевскую речь. Николай Петрович это прекрасно понимал — человеком он был неглупым, — но узвленной гордости никак не выказал. В конце концов, Хорь будет работать на него. За тем и взяли.

Первые два дня прошли без сучка, без задоринки. По команде все дружно шли убирать территорию, так же четко работали дежурные. Не было зафиксировано ни одного случая курения в неположенных местах (в положенных — разрешалось), ни одной новой наколки (хотя любители этого дела среди воспитанников были, и даже инструменты и тушь, как донесла агентура, с собой привезли).

Разумеется, никто не напился, не дрался и не покидал без разрешения территории "Смены". Толмачев от радости потирал руки. Если все и дальше так пойдет, быть ему завучем, как и обещало районо. А там, глядишь, директорство засветит.

Федор крутился, как все, но в середине второго дня его вызвал Николай Петрович.

— Сегодня вечером — концерт, — без экивоков начал он. — Со стороны детей все сделают. От нас организатор — ты.

— А вы уверены за детей? — усомнился Федор. Кроме виртуозного мата, он пока никаких талантов не заметил.

— Ангел обещал, пусть и выкручивается, — резонно заметил Толмачев. — Не делает, я с него шкуру спущу. К нам из районо приедут. А, может, и сам мэр нагрянет. Лагерь — его идея. Так что, напрягись, голубчик.

— Детей тоже проверь. Ангел — ангелом, а осторожность не помешает. А то затянут какую-нибудь "Таганку".

— Сделаю, — пообещал Федор. Тем более, что возможности у него были. Музыкальная школа по классу гитары — с отличием. Он и после занимался, выгнали уже на втором курсе, когда Седых отказался бросить секцию бокса. Преподаватель сразу заметил "грязь" в гаммах и, узнав про спорт, встал на дыбы. Федора тоже заело, а так-то он играл практически профессионально. Собственно, это и обидело педагога, строившего на него вполне серьезные планы.

А еще Седых классно танцевал. Любые танцы. Хотя специализировался на современных бальных, выезжая даже на областные соревнования.

Короче, Федор искусству был не чужд. И оно отвечало ему взаимностью.

Первым делом он подошел к Ангелу.

— Как у вас с программой?

— Не волнуйтесь, Федор Сергеевич, — по отчеству Федора называли очень редко, и такое уважительное обращение было ему приятно. — Все будет "чики-чики".

— А что конкретно?

— Ольга поет и станцует. Я прочту стихотворение. Хорь покажет гимнастический этюд. Малыши готовят монтаж и танец. Можете на меня положиться, Федор Сергеевич. — Ангел опять улыбнулся. На щеках, обрамленных естественно-белокурыми длинными волосами, выступили смешные добрые ямочки.

"Может, и впрямь что-то напугал Мишка-опер? — задумался Федор. — Если человек с такими чистыми глазами способен на убийство, то что же ждать от остальных? У меня-то рожа пострашнее будет".

Конечно, лицо Федора страшной рожой не назовешь. Нормальное лицо. Не красавчик, как Ангел. Но и не урод. И когда Федор сам себе задавал вопрос, а чем же он, Федор Седых, может гордиться, то в ответе внешние данные не фигурировали вовсе.

Сам себя Федор хвалил за целеустремленность и собранность, за музыкальность и спортивные успехи, за дружелюбие и незлобивость.

Все это было — по полной программе. На силе воли Федор добирал недоданное природой. Полное отсутствие слуха компенсировал утроенным трудолюбием. Школу кончил на одни пятерки, и играть мог даже джаз. Невысокий (метр шестьдесят восемь) рост дополнил нормативом камзэса по боксу и первым разрядом по дзюдо. И так во всем. Весь данный Богом потенциал выбирал целиком, до зернышка.

Так что сейчас ему было с чем выйти к людям вообще, и на предстоящий концерт — в частности.

Пожинали на тридцать минут раньше. Воспитанники, не избалованные подобными зрелищами, торопились. К началу, назначенному на полвосьмого, прибыло тридцать семь ребят (еще один лежал в комнатке-изоляторе с устройством желудка и больше переживал от невозможности посетить концерт, чем от наличия кишечной палочки).

Как и ожидалось, приехали и важная очкастая дама из района, и мэр-демократ, один из первых выборных мэров в России.

Ангел выступал в качестве конферансье, и, надо сказать, это у него здорово получалось.

Радостно сверкая глазами, он сначала представил публике "малышей", ребят до тринадцати лет. Тщательно умытые и причесанные, они уже представляли собой умильное зрелище. Когда же они еще и запели!

"Крылатые качели", — не самая простая для исполнения вещь, — поразили зал. Солировала, правда, Ольга. Красивый чистый голос уверенно вел мелодию. Детские голоса были разложены по партиям, и никто из выступавших не забыл слов. Лишь в последнем куплете мелкий пацан, которого все звали Васькой (по фамилии — Васильев), невпопад спел в паузе и так расстроился, что даже всплакнул. Это еще более умилило высоких гостей.

Потом Королева исполнила две песни. Никакой попсы. Одна — отрывок из известной оперетты, спетый без сопровождения легко, чисто и весело. Вторая — старинный русский романс. "...Когда повеет вдруг весною, И что-то встрепенется в вас..." — уже со второго куплета зал активно подпевал исполнительнице.

Вообще, Ольга была звездой вечера. Танцевала она ничуть не хуже, чем пела. Когда под восточную мелодию она, в купальнике, полуприкрытая прозрачным платком, начала танцевать, Толмачев с опасением посмотрел на мэра: не сочтет ли тот танец воспитанницы эротикой или, не дай Бог, порнографией. Но мэр счел танец искусством и восторженно хлопал в ладоши после его завершения.

Ольга вышла на сцену, грациозно поклонилась и исполнила под магнитофонное сопровождение маленький отрывок из не известного Федору балета.

Затем настала очередь взрослых. Много выступал сам Федор: играл на гитаре классику (пацаны аж рот раскрыли: никто из них не ожидал от "блатного" инструмента ТАКОЙ музыки!), пел вместе с Ленкой Сидневой студенческие песни, благо они оба — агитбригадовцы со стажем.

Концерт благополучно шел к завершению, как вдруг Королева начала выдавать экспромты. Поставив кассету с каким-то знойным танго, она пригласила Федора на танец. А поскольку танцы еще не начались, они вдвоем танцевали на пустой сцене.

Федор принял вызов. То, что началась бескровная дуэль, поняли даже самые маленькие зрители.

— Пам-пам-пам-пам, па-ра-па-пам-пам! — самозабвенно подпевала Ольга, буквально обволакивая Федора своим телом. Он призвал на помощь всю выуч-

ку и опыт, чтобы не ударить в грязь лицом. И не ударил. Они танцевали так, что и республиканский конкурс не посрамили бы.

Толмачев разволновался не на шутку, впрочем, зря: и мэр, и чиновница были увлечены красивым зрелищем.

Когда Федор собрался уже сойти со сцены, на нее вновь выскочил неугомонный конферансье. Глаза Ангела блестели.

— В Древнем Риме был обычай, по которому после танца мужчина читал женщине посвященное ей стихотворение. Хороший обычай? — спросил он у зала.

— Хороший! — отозвался зал.

— Поэтому сейчас Федор Седых прочтет стихотворение, посвященное его партнерше!

Все захлопали.

Федор остановился, не зная, как себя вести. Какой, к черту, Древний Рим!

— Ну, что же вы, — улыбнулся из первого ряда мэр. — Ни одного стихотворения не знаете?

— Знаю, — серьезно проговорил Федор и начал декламировать:

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.*

*Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим!*

После секундной паузы зал бешено зааплодировал.

— Это не мне, это Александр Сергеевичу, — выждав мгновение, улыбнулся Федор. И сорвал еще порцию аплодисментов.

— Я тоже хочу прочесть стихотворение! — объявил вновь вылезший на сцену Ангел. — Можно? — обратился он к мэру.

— Конечно! Что ж вы у меня спрашиваете? Это ведь ваш праздник!

Ангел вытянул вперед левую руку.

*Уверенно черен, без выдоха,
Гнетущ, как убийцы замах,
Мягко мне в душу прыгает
Страх.
Страх.
Страх.*

*Отчаянье в чайнях мнимых.
В пылу смертельных побед
Вместо речей счастливых —
Бред.
Бред.
Бред.*

Лиц нет. Лишь сутулые спины.

Ночные кошмары — весь день.
И вместо лица любимой —
Тень.
Тень.
Тень.

С колонн маяков зовущих —
Тусклый, несвежий свет.
Предвестник грядущих, ждущих
Бед.
Бед.
Бед...

— Оаций не надо, — сказал он и под стук своих каблуков пошел к выходу со сцены. Снизу на него пристально смотрела Ольга.

— А, по-моему, вы талантливый человек, — спокойно произнес мэр. Толмачев, посчитав это приказом, ожесточенно зааплодировал. Его поддержали два-три человека из обслуги. И еще Федор, не написавший в своей жизни ни одного стихотворения и искренне считавший, что любое творчество заслуживает аплодисментов.

Ангел обернулся и посмотрел в зал. Его лицо сейчас никому не казалось нежным и добрым.

— Ну, как концерт? — подбежал к начальству Толмачев.

— Отлично, — довольно ответил мэр.

— Наши обязательства остаются в силе, — добавила чиновница.

Уже садясь в персональную "Волгу", мэр заметил:

— А этому парнишке, конференсье, нужен психолог. А, может, психиатр. Займитесь, пожалуйста.

— Займемся, — заверил Николай Петрович. "Какой психиатр? Его посадят скорее, там и найдут психиатра. А, может, еще до посадки прикончат". Толмачев прекрасно отдавал отчет в том, с каким контингентом имеет дело.

Перед отбоем Федор услышал всхлипы и странные хлопки из спальни мальчиков. Он мотнулся туда.

Хорь сильно бил Ваську по щекам. Голова пацана болталась из стороны в сторону, но тот даже не пытался сбежать или сопротивляться.

Ангел считал удары.

— Прекратить, сволочь! — заорал Федор. Хорь посмотрел на Ангела, ожидая инструкций.

— Чем вы недовольны, Федор Сергеевич? — учтиво спросил Ангел. — Не понравился концерт?

— Отпусти пацана!

— Нельзя. Он сфальшивил. — Хорь снова сильно ударил Ваську по лицу.

— Урою обоих!.. — теряя рассудок, просипел Федор. Если бы они не прекратили экзекуцию, он бы кинулся на них. Но они прекратили.

— Не понимаю, — задумчиво проговорил Ангел. — Я всего лишь выполняю наше соглашение.

— Значит так, ублюдок. Слушай сюда, — теперь это был совсем другой Федор, чем десять минут назад. — Порядки здесь буду устанавливать я. Понятно излагаю?

— Понятно-то понятно, — протянул Ангел. — Да не много ли на себя берете?

— Нормально беру, Ангел. Я всегда беру на себя столько, сколько гарантированно выведу. Ты меня понял?

— Я-то понял, — улыбнулся Ангел. — Да вот поймут ли другие... — Последнее слово он оставил за собой, но все присутствующие поняли, что над абсолютной властью этого странного тирана впервые нависла конкретная опасность.

Ольга стояла в коридорчике, ни разу за время ссоры не заглянув в комнату. Она слышала каждое слово, живо представляя себе происходящее, и улыбалась.

Глава 3

Потекла неспешная лагерная жизнь. Никаких экспромтов, никаких эксцессов.

Ангел сделал выводы, и на рожон не лез, во всяком случае, открытых избиений заметно не было. Да ему и не нужно было прибегать к избиениям: авторитета и так хватало.

Кстати, Федор прекрасно понимал, что побитый Васька согласился бы еще на десять таких экзекуций, лишь бы оказаться приближенным к Ангелу.

Но приближенных было всего двое: Хорь и Ольга. Первый был просто счастлив от такого расклада. По второй никогда ничего нельзя было понять. Красивое лицо с богатой мимикой жило как бы отдельно. Седых понял это буквально на третий день общения. И ужаснулся.

Девочек было две. Одна все время либо без умолку болтала, либо что-нибудь напевала и пританцовывала. Вторая холодно и отстраненно наблюдала за происходящим вокруг, и ее отношение к окружающей действительности даже опытному наблюдателю было не известно, как и ее отношение к Ангелу, возле которого она проводила большую часть времени.

Ангел же относился к ней ровно и мягко, как к младшей сестре. Впрочем, Федор насчет братских отношений не обольщался: по рассказам Мишки-опера выходило, что Симаков и другим продавал свою "сестренку", и, наверное, сам ею пользовался. Хотя Мишке, ненавидевшему Ангела, тоже полностью верить нельзя.

Федор не стал мучиться в догадках. То, что нельзя сразу понять, откладывалось в дальний ящик для постепенного рассмотрения. Все должно разъясниться само, без ненужных усилий и лишней нервозности.

Он стряхнул с себя крутившиеся в голове мысли, встал и пошел в палату мальчиков. Там явно вызревал второй центр влияния, и Ангел пока что в этот процесс не вмешивался.

Федор открыл дверь, и на него свалились его же собственные сапоги. Каблук больно задел за ухо.

Конечно, снова Печенкин! За прошедшие дни Федор наладил собственную агентуру, в основном, из маленьких приезжих, и они работали не за мзду, а по велению сердца. Так что информацией Седых всегда обладал свежей и качественной.

Лет Витьке Печенкину столько же, сколько Ангелу, но между ними нет ничего общего. Ангел похож то на киношного злодея, то и впрямь на ангела. Витя Печенкин всегда похож на садиста и мелкого завистливого жулика, кем на самом деле и являлся. Витя — тоже из приезжих, задавленных аборигенами в самом начале. И, если сейчас ему дают открыть пасть, значит это не случайно.

Федор усмехнулся, вдруг разгадав в общем-то нехитрый замысел Ангела. Это называется — проверка на дорогах. Сначала в бой пускают фуффло типа Печенкина. И смотрят на реакцию.

Ну, пусть смотрят.

В палате никого не было, и Федор быстро смастерил пионерский ответ. В ход пошли пятилитровый бидон с водой, чернила, зеленка, веревка и колесико.

За одежду обиженного Седых не боялся: торс у всех был обнажен, а штаны Печенкина были того цвета, при котором немножко чернил и зеленки уже ничего не изменяют.

Федор послал за Печенкиным, а сам, покинув палату через окно, притаился в теньке напротив двери барака. Через минуту мимо него пролетел Печенкин с адъютантами.

А еще через минуту вылетел обратно, здорово похожий на черта. Радостный детский смех огласил окрестности. Печенкин врезал пару раз тем, кто помладше, но Ангел, Хорь и некоторые другие другие ржали в свое удовольствие.

Причина была весомой: такого грязного полудурка Федор не видел ни разу в жизни.

Все, с этим покончено. Волчонок, обсмеянный стаей, уже никогда не станет ее вожаком.

Глава 4

Чем больше Седых смотрел на детей, тем больше удивлялся и расстраивался. Лишь малая их часть — подонки. И возраст здесь ни при чем: подонок — он и в десять лет подонок. Есть некоторое количество "отрицалова", которые, попади они в другие условия, тоже стали бы нормальными. И, наконец, значительная часть контингента — просто хорошие ребята.

Когда не в стае.

А когда в стае — все зависит от "коллективного бессознательного". И от вожака. Либо от его настроения в данный момент. А то и убить могут.

Федор диву давался, глядя, как они "отмякают", получив крошечную порцию обычного внимания и тепла. Ленка Сиднева привезла в отряд всех своих кукол, и девочки, которые давно умеют профессионально предохраняться от беременности, часами играют с придурочными Барби!

Ленка добрый человек, но слишком впечатлительный. Целый день возится с контингентом, а ночью выплакивается Федору в жилетку. Эту изнасиловал отчим, а ту — вообще родной отец! В Ленкином нормальном мозгу никак не укладывается, что "родной" или "неродной" — не имеет никакого значения для того, кто каждый день мешает "бормотуху" с политурой. Недаром есть точное выражение: мозги пропил. А без мозгов запретов нет.

Кстати, то, что они с Ленкой не упускают возможности получить удовольствие друг от друга, при этом не строя никаких иллюзий насчет любви и не имея никаких далеко идущих планов, что это — просто удовлетворение естественных потребностей? Федор даже лоб наморщил, попытавшись ответить самому себе. Но ответ не вытанцовывался.

Кстати, вчера, когда они с Ленкой пошли "погулять" за территорию (объяснив, что направились в сельсовет позвонить — в лагере телефона не было), у выхода наткнулись на Олю. Она, заметив их двоих, спешащих к калитке, специально сделала крюк и прошла им навстречу. А Федор, словно чего-то устыдившись, вдруг "вспомнил" про неотложные дела в отряде и вернулся.

Оля возвращение Федора отметила, даже улыбнулась.

Странно, но Федору было приятно.

Вчера же, только уже поздно вечером, произошла еще одна история, следы которой разбросаны по всему Федоровому телу.

По приезде в лагерь Федор ввел в практику стремительные ночные походы. Мастер по спортивному ориентированию, он очень любил лес и никогда его не боялся. Этому же он хотел научить вверенных ему городских бедолаг.

Плюс еще одна, не левашая на поверхности идея: днем дети бегают по хозяйству, их муштруют на строевой, они занимаются в трех кружках. К вечеру они ног не чувят. А Федор уставших детей вел в лес. Встречать рассвет, печь картошку, петь песни под гитару. Ребятам нравилось все: и рассветы, и песни, и картошка. Хотя Федор отдавал себе отчет в том, что больше всего им нравится внимание к собственным персонам, которого они поголовно недополучили.

Толмачев такую практику в высшей степени одобрил, даже разрешил Федору днем отсыпаться в закрывающейся на ключ бытовке.

Так вот, вчера основная группа ребят, включая Ангела и Хоря, подалась вперед, к костровой поляне. Федор же, с Королевой, еще двумя девочками и Васькой, подзадержались: они пошли к поварихе за большой сковородой, решив сварганить на костре картошку с грибами.

Когда вышли за территорию, идущих впереди ребят было не только не видно, но и не слышно. Они шли впятером по широкой лесной тропе. Мягкая земля скрадывала шум шагов.

Федор покосился на идущую рядом Олю. Обычные джинсы, обычная кофточка. Обычная девчонка. А, поди ж ты! Что-то в ней есть такое, королевское! Была бы постарше. Да без прошлого!

Седых вздохнул. Он все чаще думал об Ольге, и это влечение лишь усиливалось от невозможности его удовлетворить. Вот и сейчас, вместо того, чтобы вести воспитательные беседы с Васькой, сильно привязавшимся к вожатому, он молча бросает быстрые взгляды на легко ступающую рядом девчонку.

"Нет! Надо завязывать! И не надо ничего себе придумывать", — приказал себе Федор.

И приняв решение, сразу успокоился. Глубоко, всей грудью, вдохнул сладкий, переполненный грибным духом, воздух. Он очень любил летние сумерки. После дневного сильного дождя весь лес был чистым и влажным. Комары, злейшие его враги, сегодня напрочь отсутствовали.

Хорошо! Федор даже слегка разозлился на Ваську, беспардонно дергавшего его за рукав.

— Ну, что тебе!

— Федор, смотри!

Седых присмотрелся и заметил мелькающие в сгущающемся сумраке тени.

— Наши? — предположил он.

— Нет, — почему-то шепотом ответил пацан.

— А кто?

Ответ на этот вопрос он получил уже через пару минут.

На полянку вышли трое солдат. Все — выше Федора, какие-то расхристаные, даже без ремней. "С гауптвахты, что ли?" — предположил про себя Седых. Встреча, безусловно, была неприятной: в двух километрах от лагеря располагался стройбат, пользовавшийся у местных плохой репутацией.

Солдаты недвусмысленно остановились напротив них.

— Здравствуйте, девочки! — с акцентом поздоровался один, по виду кавказец.

Федор решил, что пора брать инициативу на себя.

— Я не девочка, — усмехнулся он.

— А я и не с тобой здороваюсь, — резонно заметил солдат.

Девчонки не были удивлены встречей, хотя ситуация им явно не нравилась. — А вы с прошлого года не изменились, — сказал второй солдат. — Давайте быстрее, у нас мало времени.

— Что "быстрее"? — зло переспросил Федор.

— Это тебя не касается. Иди, куда шел, — снова вступил в беседу кавказец. — Целье будешь.

— Как же не касается? Я их вожатый.

— Им вожатый не нужен, — заржал третий солдат. — Им сутенер нужен!

— Вот что, ребята, — старался держать себя в руках Федор. — Предлагаю разойтись по-хорошему. "Десятка" в дисбате — плохой выбор.

— За них — дисбат? — искренне удивился кавказец. — Да они в прошлом году сами к нам приходили!

— В этом — не придут! — отрезал Седых. — Короче, девчонки — в моем отряде. Доступ — через мой труп.

— Можно и так, — спокойно согласился кавказец. — Хотя лучше бы ты погулял в сторонке.

— Федя, не заводись, — обняв его за плечо, зашептала Ольга. — Мы переживем, а тебя искалечат.

Федор сбросил ее руку.

— Феденька, — не сдавалась она. — Они тебя убьют!

Солдаты выжидали результата переговоров. Сочтя молчание за согласие, Ольга начала расстегивать блузку.

Солдаты радостно заржали. А Седых, определив в кавказце главного, молниеносно выдвинулся вперед и резко врезал ему ногой в пах. Тот даже не вскрикнул, лишь громко выдохнул, кулем свалившись к ногам остальных.

Воспользовавшись заминкой, Федор сильно ударил второго солдата по лицу. Тот устоял, и очень скоро Седых понял, что лидера определил неправильно. Два оставшихся солдата устроили ему форменную мясорубку, продемонстрировав хороший класс уличной школы. Видимо, они не раз дрались вместе, потому что понимали друг друга с полувзгляда. Тут и ремни появились, с тяжелыми бляхами. Федор уходил от большинства ударов, но каждое попадание вызывало сильную боль. А по открытому месту — срывало кожу до мяса.

Обе девчонки и Васька сразу сбежали. Без девчонок Федору было гораздо спокойнее, а Васькин уход его расстроил. Это было не "по понятиям", хотя и логично.

Зато Ольга осталась. Если бы не она, сначала довольно успешно махавшая скорородкой, а потом подхватившая какую-то дубину, Федору было бы еще тяжелее.

Впрочем, солдатам тоже доставалось: в меньшей степени от Ольгиной дубины, имевшей скорее психологический эффект, и в большей — от тренированных конечностей Федора. Седых одинаково эффективно работал и руками, и ногами.

Накопец один из нападавших охромел: удар ступней пришелся ему в коленную чашечку, и после гнуснейшего звука он был теперь способен только защищаться.

Федор вытер пот тыльной стороной ладони и осмотрелся.

Света становилось все меньше, но и его хватило, чтобы оценить ситуацию. А она была поганой. Схватка и впрямь грозила стать последней: на полянку выбежало еще трое солдат.

— Ольга, вали отсюда! — крикнул он Королевой. В такие минуты его захлестывала какая-то веселая отвага. Если б не Оля, вообще ничего бы не волновало.

Двое новых вместе с одним из первого "эшелона" двинулись на Федора. Третий вырвал у Оли дубинку, ударом кулака свалил на землю и начал сдирать с нее одежду.

Федор зарычал и как бешеный бросился в бой. Одного вывел из строя серьезно, но от полученных ударов сам едва устоял на ногах. И лицо теперь заливалось кровью, а не потом. Краем глаза он видел яростно сопротивляющуюся Ольгу и бросился в ее сторону. В эту секунду все вокруг разом заполнил топот десятков ног и треск сотен ударов.

На стройбатовцев обрушился град тяжелых дубин и крепких кулаков: Васька очень вовремя привел ребят. У солдат мгновенно вырвали ремни, и теперь они могли на себе испытать эффективность своих боевых приспособлений. Ангел и Васька поднимали с земли побитую Ольгу.

— Прекратить! — заорал Седых. — Их убьете, вас посадят!

Это было последнее, что он видел и слышал. Что-то тяжелое опустилось ему на затылок, и очнулся он только через несколько минут.

Надежно связанные солдаты злобно щерили беззубые окровавленные рты. Один из них плакал, один — лежал без сознания. Относительно в форме был лишь кавказец, получивший свой удар в самом начале драки. А прямо над открывшимися глазами Федора белело Ольгино взволнованное лицо. Даже в полной темноте было заметно, что оно не все одинакового цвета: девчонке здорово досталось.

— Ну, ты — красotka! — улыбнулся Седых.

— На себя посмотри, красавец! — улыбнулась в ответ Ольга. И влажной тряпкой — оторванным ею куском собственной блузки — осторожно промокнула ему со лба кровь.

...Битву Федор выиграл вчистую: связанных солдат поштучно сдали подоспевшему патрулю. Однако все тело ныло, раны болели, голова кружилась.

Уже трижды заходила Ольга. И один раз — Ангел. По всему выходило, что он — спаситель Федора.

Глава 5

После драки со стройбатовцами Федор стал поистине былинным героем. Даже эпос соответствующий появился, в лице народного акына Васьки. Он по сотому разу пересказывал всем историю кровавой битвы, причем количество поверженных Федором врагов росло пропорционально порядковому номеру пересказа.

Седых пытался как-то ограничить Васькину мифотворческую деятельность, но наткнулся на такой влюбленно-восторженный взгляд, что ругаться было неохота. Он вообще сильно привязался к пацану, а тот, кроме Федора, никого вокруг себя не видел. Васька, может быть, впервые в жизни заимел старшего друга. И это для него было событием чрезвычайной важности.

Странно, но их теплые отношения сильно раздражали Ангела, до этого обращавшего на Ваську не больше внимания, чем на любого другого мелкого пацана. Хорь теперь цеплялся к нему по любому пустяку. Сильно не били, но доставалось часто. Федор не раз замечал насуспенное Васькино состояние, но добиться от него причины так и не сумел.

Процесс продолжался почти неделю, пока нарыв не вскрылся сам собой. Вечером воспитанникам продлили отбой до часа ночи, причем безо всяких лес-

ных походов. Просто "Спартак" играл матч с сильной итальянской командой, и Толмачев, не забываявший свою основную специальность, разрешил ребятам посмотреть футбол.

Странно, но не слишком увлеченные футболом по отдельности, парни неистово болели "за наших" вместе. Горячий любитель спорта Федор с подозрением и раздражением смотрел на это.

Васька носился по комнате и орал, что наши вздуют "жалких итальяшек". Федор хмыкнул:

— Откуда ты знаешь, кто выиграет? Итальянцы очень сильно играют.

Простой, казалось бы, вопрос поразил ребят. Нет, конечно, они понимали, что "наши" не всегда только выигрывают. Но публично выразить сомнение в "нашей" победе было, по их мнению, почти равносильно пожеланию победы чужой. Они смотрели на него посеревающимися от мгновенной злости глазами, и Федор вдруг мгновенно постиг природу сразу двух бед двадцатого века: тоталитаризма и ксенофобии.

Разгоряченный Васька заорал:

— Зуб даю, наши вздуют этих уродов!

Федор не стал развивать тему, потому что настроение испортилось. А наши футболисты добились его вконец, даже не проиграв, а именно "продув" со счетом 0 : 4.

Настроение толпы (а это, безусловно, была маленькая толпа) мгновенно изменилось. Кумиров, еще недавно горячо любимых, сейчас бы с удовольствием линчевали. Плюясь и ругаясь, воспитанники ушли в спальню. А Седых пошел "погулять" с Леной Сидневой. Возвращались на территорию поодиночке, чтобы не привлекать к своим персонам излишнего внимания.

Федор вообще проигнорировал калитку, легко перескочив забор в прикрытом кустами месте.

Именно поэтому один из самых самозабвенных его агентов, — Кеша Панов, мелкий пацан из своих, поселковых, — едва не проглядел его возвращения.

Он подбежал к Седых уже неподалеку от барака, хотя обычно старался не афишировать своей службы.

— А Ваське Воронову два зуба вынули!

— Как — вынули? — не понял Федор.

— Плоскогубцами. Один — за "базар", второй — что сопротивлялся!

— Кто? — спросил Седых, уже понимая, что эта информация ему не понадобится. Исполнителем в мире "понятий" мог быть любой. Его же интересовал Заказчик.

И действительно, озвученная фамилия не привлекла внимания.

— А кто вспомнил про зуб? — спросил Федор.

— Хорь, — сразу ответил Кеша.

"Значит, Ангел", — понял Седых. Похоже, война объявлена. Дружба Васьки с Федором была на виду, и Ангел знал, что делал. Он просто напоминал всем, кто в доме хозяин.

Федор пошел к бараку, а Кеша — на большой круг.

Свет в палате был потушен. Федор включил его, и пацаны развернулись на кроватях, посмотреть на вошедшего. Неподвижными остались только Ангел и Васька.

Мальчик лежал, накрывшись с головой одеялом, но и так было видно, что ему плохо. Он тихо плакал под одеялом, не пытаясь никого разжалобить и не рассчитывая ни на чье сочувствие.

Федор сел на край его койки, обнял Ваську рукой, потом немного стащил одеяло и повернул его к себе лицом.

Глаза у Васьки были мокрые, нижняя губа и подбородок — в крови.

— Открой рот, — сказал Федор. Васька замотал головой. — Открой рот!

Васька открыл. Не было одного зуба снизу и одного — сверху. Лишь кровавые лунки.

— Ничего, Васек, не плачь. Ты же мужчина, и еще научишься разбираться с подонками.

Тишина стала такой, что слышно было дыхание ребят.

— А можно спросить, кого вы назвали подонком? — поинтересовался Ангел. — Насколько мне известно, мальчик сам поставил зуб на кон.

— Хорошо, что не жизнь, — криво улыбнулся Хорь.

— За базар надо отвечать, — заговорили сразу несколько ребят.

— Отвечать надо, — согласился Федор. — Но и людьми оставаться надо.

— А мы не люди?

— Вы, — Седых показал пальцем на Хоря и Ангела, — нет.

— А кто же мы? — вежливо спросил Ангел.

— Вы — дерьмо, — так же вежливо ответил Седых. — Дерьмо может быть любой формы, потому что оно — мягкое. Но оно всегда воняет. Поэтому его закапывают в землю.

— Вы не откажетесь от своих слов у Толмачева? — поинтересовался Ангел и прикусил язык, поняв, что сказал лишнее. Хотя все ребята и оставались на своих местах, но после сказанного как бы отстранились от Ангела. Фактически он пугал Федора доносом.

— Я нигде и никогда не отказываюсь от своих слов. Понял, дерьмо?

Ангел даже глаза прикрыл, чтоб скрыть мелькнувшее бешенство.

— И ты, Хорек, учти сказанное, — повернулся Федор к Хорю. — Я таких "активистов", как ты, видел много.

Хорь вскочил с кровати, готовый броситься на Федора.

— Жаль я тебя не убил тогда!

— Хорь, на место! — приказал Ангел. — И заткнись! Не видишь, он понтует! Спокойнее!

— Воткну ему перо в мясо и буду спокойнее, — остывая, пробурчал Хорь.

— Ага, — усмехнулся Федор. — Одна девка кричала, пока бабой не стала!

Хорь снова вскочил. В палате раздались смешки. А такие смешки бывают опаснее ножа.

— Хорь, на место! — теперь вскочил и Ангел. — На место, кому сказал! Он свое получит! Но — позже!

Хорь явно раздваивался: с одной стороны, бешенство заливало глаза, с другой — давил властный, подавляющий голос Ангела. Неизвестно, что бы перевесило, если бы в палату не вошла Оля.

"Подслушивала", — понял Федор. И, видимо, не он один.

— Не ссорьтесь, мальчики, — весело проговорила она. — Все бывает. Не ссорьтесь.

Хорь вроде бы успокоился и сел на кровать.

Ангел недобро улыбнулся. Результат его устраивал, а метод, похоже, нет.

— Можно больше без битв, а, Федь? — мягко спросила Ольга, легко коснувшись его локтя.

— Можно, — ответил он. — А это ты видела? — И повернул к ней Васькину заплаканную физиономию.

— Видела, — сухо ответила Королева. — Не надо было этого делать.

Ангел дернулся, но мгновенно взял себя в руки.

А Федор неожиданно успокоился. Может, и не зря тратит на этих ребят кусок своей собственной жизни.

Он взял Васюку за руку, и они пошли гулять в ночной лес. Что-то рассказывал Федор, о чем-то в ответ шепелявил Васюка. Такая прогулка была первой в его жизни. И, на его взгляд, она стоила заплаченной за нее цены.

Глава 6

Атмосфера в "Смене" накалялась. Незримо для непосвященных, но очень конкретно для понимающих, каковых было большинство.

Хотя внешне все было по-прежнему. Утром, после подъема и уборки территории, сходили на речку. Ангел, Ольга и Хорь расположились на желтом песочке, чуть поодаль. Федор все время украдкой поглядывал в их сторону. Он вдруг поймал себя на мысли, что ему неприятно видеть Олю так близко рядом с Ангелом. Но и не смотреть туда не мог. Девушка буквально притягивала его взгляд. Это раздражало Федора, как раздражал любой вид зависимости: он с детства предпочитал, подобно киплингской героине, "гулять сам по себе".

Солнышко стало припекать, и ребята пошли в воду. Ольга легко поднялась с песка, и ловко ускользнув от пытавшегося ей помочь Ангела, полетела к воде. Именно полетела, едва касаясь песка маленькими ступнями. Мгновение — и ладно сложенная фигурка в ярком купальнике скрылась в шлейфе искрящихся на солнце брызг.

Ангел никогда не купался. Да и "загорал" всегда в тени, устроенной из старой простынки. Он кивнул Хорю, и тот, шевеля бицепсами, тяжелой походкой "качка" пошел к воде.

Ольга была уже почти у противоположного берега. В принципе, это не разрешалось, но Королева настолько уверенно и легко плавала, что вожатые закрывали на это глаза.

Хорь вошел в воду и поплыл за Ольгой.

Та уже возвращалась, когда он поравнялся с ней. Проплыл мимо и вдруг, развернувшись, довольно грубо схватил ее за волосы. Ольга крикнула, но Хорь не отпускал, а наоборот, сильно утянул ее голову под воду.

Федор хорошо видел происходящее, поэтому через мгновение уже летел к ним. Однако инцидент, если его можно так назвать, был исчерпан. Хорь поплыл дальше, а Ольга стояла на песчаной отмели.

— Что случилось?

— Не знаю, — в глазах ее блеснули слезы. — Дурак какой-то! Я Ангелу скажу.

— Скажи, — усмехнулся Федор. — Только сдается мне, что он и так все знает.

— Ангел — мой друг, — вскинулась Королева.

— Наверное, — согласился Седых. — Лучший. Из имеющихся.

Ольга прикусила губу, отвернулась и быстро пошла по берегу.

Ангел из-под простынки с интересом наблюдал за происходящим.

До обеда, как предполагалось, Федор на пляже не долежал. Приехал из города Мишка-опер, нашел его на берегу и утащил пообщаться в лесок.

Этот визит явно встревожил Ангела. Уже через минуту после их ухода он быстро подался в лагерь.

— Чего приехал? — поинтересовался Федор.

- Дело есть.
- Нарыл что-то на Ангела?
- Трое показывают, что приказал убить девчонку он. Она ему на танцах дерзко ответила. Приказал при всех. Человек восемь было.
- Так в чем же дело? Хватай ублюдка. Я тебе с удовольствием помогу.
- В суде все рассыпется. Они его боятся.
- Твои планы?
- Там была Ольга Королева.
- В момент изнасилования и убийства?
- Нет. Когда он скомандовал. Она была против. Он даже ее сильно ударил, хотя до этого никогда не бил.
- Федор вздрогнул.
- А потом, говорят, — Мишка понизил голос, — он ее притащил к трупу. Чтобы добавить. Чтоб место свое знала.
- Ты хочешь раскрутить Ольгу?
- Маловероятно, — вздохнул опер. — Она за ним как собачка. Вряд ли сдаст. Если только... — Мишка выдержал паузу.
- Что — только?
- Ну, например, не влюбится в другого.
- Тут до Федора дошло.
- Ты что, меня подсадным, что ли, хочешь сделать? И что потом с девчонкой будет?
- Слушай, чистоплюй! — взвился Мишка. — Думаешь, он на одном трупе остановится? Он же злее беса!
- Может, мы его демонизируем? — задумался Седых. — Ему ведь только шестнадцать.
- Не шестнадцать, а почти восемнадцать. И Хорю на год больше, чем в паспорте.
- Это как?
- А вот так! Мальчик твой, Ангел, головой работает, как надо. Только все не в том направлении. Подчистил метрику, у профессионала подчистил, и получил паспорт. Кто будет проверять при выдаче документа ребенку? И с Хорем по тому же сценарию. Я уже все проверил, даже документы из роддомов получил.
- И чего с ними будешь делать?
- А ничего. Ждать. Он убьет кого-нибудь через полгодика, а я в суде докажу, что он — совершеннолетний. И к "вышке".
- Да ты просто Макиавелли, — улыбнулся Федор.
- Сам ты, этот... — запнулся сыскарь. — Лучше скажи, сможешь расколоть гниду, или на тебя не рассчитывать?
- Рассчитывай, — сразу посерьезнел Седых. — Но не через девчонку. Найдём способ. На чем-нибудь да проколется. Не бывает неуязвимых убийц.
- Но бывает, что их слишком долго ловят, — грустно подытожил Мишка. На том и расстались.
- А уже в обед к Федору подошел Толмачев.
- Ты к нам на сколько? — поинтересовался он.
- Что — на сколько? — не понял Седых.
- Ну, когда кончаешь работу?
- Я думал, в конце августа, — понял, наконец, Федор.
- Я могу тебя и пораньше отпустить. На пару недель, скажем. Ты не бойся, на зарплате не отразится. Это за переработку. Ты же с ними и днем, и ночью.
- Кто ж так обо мне заботится? Не Ангел, случайно, попросил?

- Какая разница, кто попросил? Тебя устраивает или нет?
- Нет.
- Почему? — искренне изумился Толмачев. — Тебе хорошо, мне хорошо, и в лагере — полный покой. Ангел сделает.
- Сделает, — усмехнулся Федор. — Дайте Олегу Симакову власть — и полный покой гарантирован. Как на кладбище.
- Брось ты свои философии! Что тебя не устраивает?
- Меня не устраивает, что обо мне заботится такая сволочь, как Ангел. Меня это очень не устраивает!
- Ну, как знаешь, — поскукнел Николай Петрович. — В твоём возрасте рано быть таким конфликтным.
- Вечером дипломатические игры закончились окончательно. Ангел сам пошел к Федору.
- Не верю, чтобы два умных человека не смогли договориться, — начал он. Федор угрюмо молчал.
- У меня есть к вам предложение, — не смутился Ангел. — Даже два. Можно огласить?
- Если про досрочный отпуск — не интересует.
- Можно и не про отпуск, — хохотнул Ангел, — а про гораздо более приятные вещи.
- Валяй, — согласился Седых.
- Вам ведь Ольга нравится?
- Федор вопрос проигнорировал.
- Можете не отвечать, я не слепой. Нравится.
- Ну и?
- Не понукай, не запрюг, — легко перешел на "ты" Ангел. — Мы свободные люди. Ты, кстати, знаешь, что она на двух языках свободно верещит? Английском и французском. Я ею горжусь! Знаешь, сколько у меня бабок на нее ушло?
- Зачем тебе переводчица? В шпионы метишь?
- Что я, ненормальный? — засмеялся Ангел. — Нет, у нас все культурно. Королева пока фирмачей катает.
- На чем? — не врубился Седых.
- На себе, — откровенно заржал Симаков. Но тут же перешел на деловой тон: — Ты не думай, она чистая. Ты же видишь.
- Федор прикрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул. Когда кровь отступила, он спросил:
- Значит, Ольга в качестве отступного? На сколько? День, неделя?
- А сколько тебе надо?
- Мне надо надолго.
- Хорошо, два месяца. Даже три. Хочешь — до Нового года. Исключая Рождество, — по-деловому добавил Ангел.
- А что я буду должен?
- Да ничего! — заулыбался тот. — У меня и так все есть. А скоро будет гораздо больше.
- И все-таки?
- Ну, если разговор деловой, то ты уезжаешь в отпуск. Можешь с Ольгой. Деньги будут. И не шьешься с Мишкой-опером. Дружить с ним станет опасно.
- А второе предложение?
- Неохота, — поскукнел Симаков. — Давай лучше о первом. В нем все честно.

— Честный Ангел, — усмехнулся Федор. — Уже смешно. Да в тебе все пурга, от возраста до алиби.

— Ты что несешь, сволочь? — взорвался Ангел.

— Что слышишь. Ты мразь, ничтожество. Думаешь, скрутил весь мир в своем потном кулачке? Знаешь, что я первым делом сделаю, когда перестану быть вожатым? — спросил Федор.

— Что? — спокойно и вежливо спросил Ангел. — Это действительно интересно.

— Выну тебе четыре зуба. Два сверху и два снизу. Плоскогубцами. Тебе пойдет.

— Пожалуй, вы сможете, — задумчиво протянул Симаков. — Если, конечно, доживете... — и пошел к бараку.

Но и это было еще не все. На подходе к столовой, уже в сумерках, его внезапно поймала Ольга. Как всегда, легкая, стройная, свежая. И, как всегда, уверенно-спокойная.

— Значит, отказался?

— Сегодня — да.

— Это как понять?

— Я тебя самостоятельно добуду, — вдруг вырвалось у Федора.

— Как дичь, — усмехнулась Оля. — Денег не хватит, добытчик!

— А я без денег. И не на срок. И, главное, без Ангела.

Ольга поняла. Покраснела, даже сумерки не скрыли румяных щек.

— Дурак! — выкрикнула на бегу и исчезла так же стремительно, как появилась.

Федор шел к своей палате, весьма смущенный произошедшим. Он, конечно, высказался необдуманно. Но зато — от души.

Как разумный человек со здоровой психикой, Федор Седых просто пошел спать.

Глава 7

Несмотря на явно обозначившееся противостояние Федора с Ангелом, жизнь лагеря шла своим чередом.

Продолжались ночные походы, прошел смотр строевой песни (Толмачев настоял), вечером смотрели видик с "положительной" кинопродукцией. Бурно, с активным "болеием", пронеслась лагерная Спартакиада.

Последняя обошлась без неожиданностей: в силовых видах абсолютным чемпионом стал Хорь, самодовольно узурпировавший верхнюю ступеньку пьедестала почета (его быстро сколотили из досок: чтоб все, как у людей). В легкой атлетике и танцах (их введения в программу добилась Сиднева, и ее девчонки практически поголовно участвовали в этом виде соревнований) не имела конкурентов Королева.

Ангел с первого ряда благосклонно взирал на ее успехи.

А у Федора опять ныло сердце, потому что скрывать от самого себя совершенно не вожатские желания, возникавшие при виде этой девочки, было невозможно.

Он со всей своей обстоятельностью обдумывал варианты ее освобождения из лап Ангела. Все виделось не столь уж печальным. На самом деле, перетерпеть надо было немногим больше года, до ее семнадцатилетия. А сильно понадобится — можно и раньше: его родители были не последними людьми в городе.

Правда, большой вопрос, как родители отнесутся к матримониальным планам Федора. Но и здесь он был почти спокоен: в семье Седых уважали обдуманые чужие решения, независимо от возраста их принявшего. У Федора же с детских лет все решения были обдуманные.

Интересно, у него даже мысли не возникло, а что же по этому поводу думает Ольга. Тут все было ясно. Попалась в лапы паука и ждет-не дождется славного принца. А то, что он в ее глазах вполне тянет на эту роль, Федор буквально нутром чувствовал.

Кстати, Спартакиада едва не завершилась крахом его педагогической карьеры. По идее Толмачева, воспитанники должны были соревноваться не сами с собой, а с ребятами из детского спортивного лагеря, что был неподалеку.

Он хотел спесь со своих чутков сбить, а потом налечь с ними на спорт, мотивируя пацанов матчем-реваншем. В том, что в первой встрече его орлы продуют, он не сомневался: среди них особо здоровых не было.

Живучие, смелые и хитрые — да. А здоровые — это совсем другое. Это когда не куришь с пяти лет подобранные на заплеванном асфальте бычки, когда не допиваешь в "казарме" за пьяным батей пиво, "бормотуху", а то и "кровавую Мэри" из разведенной гуталиновой выжимки с выдавленным в адскую смесь помидором.

Эмиссары из спортлагеря побывали в "Смене" и договорились о программе. К сожалению, они успели договориться и о другом, причем в полной тайне от Федора и Толмачева. Коллективная драка должна была состояться через день и, соответственно, за один день до Спартакиады, причем участвовать в ней собирались только младшие, потому что старшие должны были еще "дожить" до соревнований.

Кеша Панов, почти официальная Федорова "коза", стукнул буквально в последний момент: до этого все важное от него держали в секрете, зная его наклонности. Правда, Кешу практически не били: для профессиональных стукачей эта безнаказанность — обычное дело. Пока можно терпеть — терпят, чтоб не связываться с хозяином "козы". А когда терпеть нельзя — убивают.

— Стрелку забили на высоковольтке, их младшие против наших младших, — торопливо выкладывал Кеша.

— Сколько человек? — нахмурился Федор.

— От них пянадцать, у нас столько не набралось, поменьше будет.

— Оружие?

— Договоривались с пустыми руками, но те — ушлые. Правда, Васька сказал, что он приготовил греческий привет.

— Что это такое?

— Не знаю, — честно сознался сексот.

Федор задумался. Он буквально каждый вечер, если не уходили в поход, что-нибудь рассказывал ребятам. Последние два дня — про Древнюю Грецию, закручивая в причудливую вязь мифы, курс истории, художественную литературу. А где всего этого все-таки не хватало — добавлял "негарантированные" данные (говоря про Грецию, мог приплести Рим или Карфаген) или просто выдумывал.

В конце концов, он не историк, и его "лекции" преследовали не столько просветительские, сколько сугубо дидактические цели: он частенько маскировал в них реально происходившие в лагере сюжеты, чтобы желательные ему выводы делались не по указке вожатого, а по результатам захватывающих историй.

Ребята с полным восторгом съедали все. Для них просто не было "неинтересных" тем, особенно, если изложение велось в форме связного рассказа: с героями, сюжетом, страстями и, желательнo, любовью. И никогда не перебивали повествования замечанием типа "мы это уже проходили": по части информации их головы были практически стерильны.

Здесь уместно небольшое нeлирическое отступление. Седых уже через неделю понял, как ему казалось, главную причину "непохожести" "его" детей на всех прочих, более благополучных.

Все дело было в их глубочайшей информационной изолированности. Жившие в конце двадцатого века в пригороде огромного мегаполиса и окруженные тысячами людей, они умудрялись вырастать аналогами несчастного Маугли, оторванного от социума и воспитанного волками.

И дело не в их умственных способностях. Его ребята лет в пять были, пожалуй, даже развитее и смысленней своих сверстников из благополучных семей. Если, конечно, под развитостью понимать знание самых разных сторон человеческого существования, в том числе и тех, изучение которых никак не рекомендовано маленьким детям. А под смысленностью — умение выпутываться из таких ситуаций, из которых не всякий взрослый выкрутится.

Разумеется, это не значит, что все поголовно были такие ушлые. Просто действовал естественный отбор. В самом жестоком, дарвиновском смысле.

Но это касалось маленьких ребят.

Все с тех же пяти лет их развитие резко останавливалось, а информационный ресурс сжимался до минимума. Нет, они не теряли старые знания. Просто не получали новых. Жизнь вокруг текла одна и та же. Школа, как правило, проходила где-то рядом, не особо задевая мозг. В итоге вполне взрослым пятнадцатилетним телом зачастую управляла все та же смысленная и не по годам развитая пятилетняя голова...

— Так на сколько забита стрелка? — спросил Федор.

— Не знаю, — огорченно проговорил Панов. — Но пацаны уже смылись.

Седых мысленно выругался с детства усвоенным семизатжным и победжал к высоковольтке. Успел буквально в последнюю минуту. Хотя можно сказать, что и не успел вовсе. Выскочил к двум враждебным отрядам, выстроившимся лицом друг к другу. Правда, "спортсмены" стояли в одну линейку, а его ребята — в две, равные по численности. У первой шеренги в руках были длинные палки-копья, направленные вперед.

"Спортсмены" были и крупнее, и числом превосходили, но их явно смущал четкий строй противника.

Наконец их командир, крупный парень лет четырнадцати с характерно плоской переносицей, заорал:

— Пацаны! Надерем урок!

"Спортсмены" кинулись вперед, и Федор понял, что надеяться остается лишь на providение: он не имел права драться всерьез, а двадцать крепких подготовленных подростков навалают ему по полной программе.

Но уже через несколько секунд пейзаж боя резко изменился. Васька картинно отставил руку и проорал:

— Лучники, вперед!

Четко отрететированным движением копыеносцы расступились, выпуская вперед совсем мелких пацанов.

— Лучники, огонь! — продолжал орать Васька. И в "спортсменов" из здоровенных, заранее пристрелянных рогаток почти в упор полетели тяжелые желез-

ные гайки. После первых же попаданий раздались вопли боли и ужаса. Нападавшие, полностью потеряв боевой задор, дружно развернулись и удалились.

Федор не дал преследовать побежденных, но сам догнал их арьергард. Выслушав все положенные матюки и угрозы, он с чувством глубокого облегчения убедился, что серьезных повреждений нет. Седых четко понимал — при прямом попадании тяжелой гайки инвалидность раненому обеспечена.

Но, слава Богу, пронесло.

Он рванул обратно — там, конечно, никого уже не было.

Федора распирало два чувства сразу. С одной стороны, его команда не посрамила чести лагеря и "греческого" оружия. С другой — они могли на всю жизнь изуродовать таких же пацанов. В принципе, такая гайка и череп пробить может.

Все это он и высказал Ваське.

— Не, не пробьет, — успокоил тот. — Мы в лучники самых слабых поставили.

Федор не стал заострять проблему, в душе понимая, что Песталоцци его бы не понял.

Глава 8

Ни Ангел, ни Толмачев Федора больше не трогали. Поскольку он на их условия не пошел, надо было ждать какой-нибудь тайной пакости. Тем более, что Ангел не бузил, не поднимал народ. Значит, надеялся, что ситуация рассосется каким-то иным способом.

Федору вдруг пришла мысль, что Ангел, если бы и захотел поднять народ, теперь, после полутора месяцев лагерной жизни, вполне мог и не добиться эффекта. Его могли и не поддержать. Основному контингенту новая жизнь нравилась гораздо больше старой. В Ангеле чтили силу и способность поддерживать исполнение местного "законодательства". Это его социумное предназначение заставляло мириться с "тираном" даже тех, кто в принципе был достаточно силен и самостоятелен. Все равно без закона нельзя.

Но когда появились Федор и Сиднева, вдруг оказалось, что "закон" и его гарант могут функционировать, не унижая и не оскорбляя членов социума. Воспитанники, понятно, такого мудреного слова не знали. Просто почувствовали, что жить стало приятнее. И еще — неизмеримо, несравнимо интереснее.

А сам Федор вдруг понял, что не так уж утопична была идея мэра-демократа. Многие ребята и в самом деле впервые увидели "старшего брата и сестру", которым они были по-настоящему небезразличны.

Может, именно этими причинами объяснялась временная пассивность Ангела и его вассалов. А то, что она — временная, Федор не сомневался. Достаточно было взглянуть на бешеного Хоря, вежливо-опасного Ангела или явно встревоженную Ольгу. Она даже петь у костра перестала, только молча слушала других. И с Федором, хотя виделись ежечасно, теперь говорила редко, да и то все время оглядываясь.

— Тебе надо уехать отсюда, — сказала она при очередной мимолетней встрече.

— Это мнение Ангела? — спросил Федор.

— И мое тоже, — Ольга подняла глаза.

— Что ты в нем нашла?

— Он единственный, кому я нужна, — спокойно ответила Ольга.

— Но он же... — Федор запнулся.

— Все мы используем друг друга, — договорила за него Королева. — Иначе не выжить.

— Ты его любишь? — выскочило у Федора.

— Дурак ты, — уже привычно закончила разговор Ольга.

Федор действительно не боялся Ангела. Но ходил настороже, даже изготовив себе с помощью Васьки дубинку-"убивалку".

Васька надыбал ему кусок толстого шланга из мягкой сырой резины. Хитрым образом начинил его свинцовыми, им же отлитыми, шариками. После этого, надежно заткнув деревянными пробками торцы, сделал удобную "ручку" и обмотал дубинку изолентой.

Такая легкогнувшаяся штука при хорошем ударе пробивала досчатый забор. И, по клятвенным заверениям Васьки, не оставляла следов на теле жертвы.

Носить ее полагалось в кармане штанов. То есть, собственно, в кармане была только ручка с эфесом-колючком, не дающим дубинке целиком ускользнуть в специальную обшитую дырку в брючном кармане — своего рода специфические "ножны".

Федор портить фирменные "джинсы", да еще купленные на стройотрядовские деньги, категорически отказался. И носил ее в петле у левой подмышки. После соответствующей тренировки он выхватывал "убивалку" буквально за доли секунды.

Теперь пусть приходят.

И они пришли.

Трое молча догоняли его, когда Федор через лес возвращался из деревни, откуда через день звонил домой, родителям.

Федор ускорил шаг. Преследователи — тоже.

Федор побежал, на ходу доставая дубинку. Дав нападавшим сократить дистанцию, резко развернулся, замахнувшись своим грозным оружием.

Преследователи встали, как вкопанные.

— Дядя Федор, ты? — ахнул первый, длинный здоровый парень, уже было вставший в бойцовскую стойку.

"Дядей Федором" Седых звали только на секции дзюдо. За основательность и рассудительность. И, может, за то, что схватку с ним не считали легкой даже серьезные мастера.

— Вроде я, — ответил Седых, не опуская, впрочем, дубинку.

— Слава Богу, что еще светло, — хохотнул второй, белокрысый, в свое время уговоривший Федора заняться борьбой. — А то б урыл ученичка!

— Еще кто бы кого урыл! — поддел его третий. — Дядя Федор, покажи приспособу.

Седых протянул ему "убивалку".

— Серьезная вещь, — сказал первый, когда дубинка, пройдя по кругу, добралась до него. — Ждал, значит?

— Ждал, — подтвердил Федор.

— Вот за что я тебя уважаю, — усмехнулся старший, — так это за твердолобую упертость. Только смотри, чтоб клубу не пришлось тебя хоронить.

— Постараюсь, — улыбнулся Федор.

Уже уходя, белокрысый вдруг вспомнил:

— Мужики, а что с "гринями" делать?

— Это ему штраф, — рассудил старший.

— А, может, все же замочим дядю Федора? — снова заржал белобрысый.

— Молчи, балабон. Дядя Федор пятерых таких, как ты, замочит. Если захочет.

Они ушли по той же тропке. "Значит, машина за деревней", — понял Седых, глядя им вслед. Все трое шли уверенной твердой походкой.

Ни Федор, ни парни еще не знали, что их старший, в недалеком прошлом чемпион Союза, очень скоро ляжет под роскошное надгробие на местном кладбище. Веселый белобрысый будет годами отсиживаться в шикарной гостинице в каком-то небольшом греческом городке — современной Мекке для отечественных, вышедших в тираж, киллеров. А третий, молчаливый и самый соображающий, станет серьезным бизнесменом, постоянным партнером Федора по множеству крупных проектов.

Но все это — еще впереди.

А пока Седых вернулся в лагерь. Зашел на пятачок, где собрались покурить и поболтать большинство "авторитетных" пацанов. Ангел и Хорь тоже были здесь. Из девчонок присутствовала только Оля.

— Ну, что, Симаков, пропали твои "гринь"?

— Вы о чем? — вскинулся Ангел.

— Ну, ты ж заказ оплатил.

— Какой? — недоумевал Симаков. Но недоумевал плохо. Все же, как ни крути, опыт — дело наживное.

У Ольги было такое лицо, как будто она собиралась заплакать. Не получалось у девчонки легко пропорхать меж двух огней.

— Сам знаешь, какой. Плакали твои денежки, Симаков.

— Но что случилось?

— Не переживай так. Ничего не случилось. Все живы-здоровы, ты же видишь. Вот только бабки потерял. Так что в следующий раз делай заказ аккуратнее. А то потеряешь не только бабки.

Собравшиеся очень внимательно вслушивались в диалог, и Ангел понимал, что теряет остатки кровью заработанного авторитета.

— Не знаю, про что вы, Федор Сергеевич. Но в серьезных делах никому ничего поручать нельзя. Надо все делать самому, — с явно читаемой угрозой сказал он.

— Да уж, постарайся, Симаков. Хотя, думаю, что сам ты только в сортир сможешь сходить. А на все остальное Хоря вызовешь.

Воспитанники оценили малопритязательный юмор водителя. Ангела не любил никто.

— Спасибо за советы, Федор Сергеевич, — спокойно произнес Ангел. — Теперь я спокоен за свое будущее.

Федор остался не доволен разговором. Зря раскрыл карты. Теперь Ангел будет тоньше и осторожнее. То бишь — опаснее...

Глава 9

Прошла еще неделя, а новых происков не было. Федор даже подумал, что Ангел сдался. В конце концов, этот щенок — пока еще не дон Корлеоне, а всего-навсего воспитанник в лагере для трудных подростков.

Впрочем, такие мысли ничуть не умаляли совершенно взрослую ненависть Федора к Олегу Симакову. И его не менее взрослое желание сделать Ольгу Королеву своей единственной избранницей. Примерно так, как четверть века на-

зад это сделал его отец с его мамой, молоденькой дояркой из обычного колхоза "Тридцать лет без урожая".

Блестящий молодой аспирант, уже тогда — серьезный ученый, приехал в их деревню на сельхозработы.

Все говорили, что они не пара, и что ничего хорошего из мезальянса не получится. Ничего! Все получилось, как надо. По крайней мере, ни папа, ни мама по прошествии лет не жалеют о произошедшем и его последствиях.

А чем он хуже? Федор уже привык втайне смотреть на Ольгу, как на свою единственную. Тем более, что смотреть на нее было чрезвычайно приятно. Ревность его особо не мучила: к прошлому — глупо, а в настоящее время вряд ли у Ангела будет возможность к ней лезть. Все на виду.

Кончится лагерная жизнь, Федор что-нибудь придумает. Может, она просто переедет к ним. Родители поймут.

В том, что Оля его любит, Федор не сомневался.

Глава 10

— Значит, так, — сказал Толмачев. — Съездишь в поселок. Отвезешь личные дела в УВД. И зайди в профком, пусть овощей побольше возьмат, лето ведь! И спроси, когда прачечную запустят: люди уже два срока после бани на грязное белье ложатся. Ну, вроде все.

— Есть! — лихо отрапортовал Седых и крутнулся через левое плечо. Сегодня у него было хорошее настроение.

Толмачев больше не напоминал Федору о досрочном отпуске. Он был и сам рад, что все так получилось: Седых был отличным работником, а порядок в лагере, столь нужный Николаю Петровичу, и без сделки с Ангелом его вполне устраивал.

Транспорта лагерю дефективных не полагалось, и Федор, пешочком дойдя до деревни, пристроился там на попутку до станции. Далее — электричка, и еще немного — автобусом.

Вот он и в поселке. Совсем недалеко от его города, а разница чувствуется сразу. Все его жители трудятся на трех текстильных фабриках. Что они на них делают, Федор не знал. Точнее, не помнил, потому что в свое время, в седьмом классе, их возили сюда на экскурсию.

Все население поселка было привозным, называлось лимитой, а молодые девчонки — "шпильками". Федины одноклассники, более продвинутые, нежели он, рассказывали, что "шпильки" в цехах белья не носят, надевая халаты на голое тело. И такое там прямо на складе вытворяют, что у парней даже от расказов дух захватывало!

Федор же слабо представлял, как решаются проблемы секса в текстильном производстве. Из экскурсии ему запомнился лишь оглушительный стрекот сотен станков и мотающиеся между ними девчонки.

Короче, репутация у жителей поселка в глазах более благополучных горожан была не очень. Они платили городу тем же, приходя драться на воскресные танцы. Правда, в городе собрать парней "под ружье" было несравнимо проще, потому что на фабриках нещадно эксплуатировался в основном женский труд.

Удачливые лимитчицы, закончившие вечерние институты или успешно вышедшие замуж, старались не оставаться в поселке. И точно так же, как старательское сито, отсеивая пустую породу, задерживает тяжелые самородки, ка-

зармы поселка задерживали на всю жизнь неудачниц и неудачников. Казармы были пятиэтажные, из тяжелого, дореволюционного, с клеймами, кирпича. Вход один, посередине. От него шли коридоры вправо и влево, с выходящими на него комнатенками. Коридоры кончались огромными многоконфорочными кухнями и не менее грандиозными многополчковыми туалетами.

Девочки воспитывались на кухнях, мальчики — в туалетах, где их батяни и братьевья были почти свободны от докучливых, рано состарившихся жен.

Мало у кого в семье кто-либо не сидел. В основном — по "хулиганке", но были и по серьезным статьям: расположенный рядом благополучный город располагал огромным количеством прямо-таки притягивающих к себе квартир, забытых невиданным в поселке добром.

Конечно, население казарм отнюдь не поголовно рождалось для того, чтобы пополнить ряды заключенных и алкоголиков. Жили здесь и будущие пилоты, и ученые, и педагоги. Но всякий, кто чего-то в этой жизни добивался, норювил улизнуть со своей малой родины как можно скорее.

Вот сюда-то и решил зайти Федор, выполнив все поручения Толмачева.

В комнате 19 жила Галина Николаевна, мама Васьки и еще четверых детей, из которых двое уже сидели: один в тюрьме, один — в колонии для малолеток. Дочь была относительно благополучной: вышла замуж и работала здесь же, на фабрике. Мужа у Галины Николаевны не было ни одного. И ни разу.

Федору от нее нужно было письмо Ваське. Пацан маму, несмотря на ее социальный статус, очень любил и скучал по ней. Ждал писем и сам ей часто писал.

Галину Николаевну Федор нашел сразу. Дверь была не заперта. Васькина мама спала на незастеленной кровати, и по внешним признакам Седых определил, что проснется она не скоро. А когда проснется, вряд ли будет способна выслушать Федины просьбы.

Седых вздохнул и пошел искать комнату 64. Кеша Панов просил привезти другие штаны взамен разорвавшихся.

Мама Кеша, грустная старушка (хотя вряд ли она была старше сорока-сорока пяти), перебрала вещи сына и достала почти целые трусики.

— Пусть он там поаккуратнее, — попросила она.

Федор так и не понял, к чему это относилось: то ли к трусикам, то ли к его тайной деятельности, о которой, вообще-то, мама знать не должна была.

Кешина родительница Федору понравилась: она любила своего сына, а это, с учетом его знания мира, уже было немало.

Дальше путь его пролегал в комнату 90, к маме Вали-Лося, угрюмого бугая, очередного пособника Ангела: именно он выдергивал зубы Ваське.

Вали Лось был явным дебилом. Даже Симаков боялся давать ему поручения. В соединении с ненормальной для пятнадцати лет физической силой, Валя был, на взгляд Федора, серьезно опасен для общества. Сейчас он собирался, в меру своих возможностей, поубедить его родителей обратиться за помощью к профессиональному психиатру.

В комнате 90 собралась вся Лосиная семья: папа, мама и два Валиных младших брата, погодки лет двенадцати-тринадцати. Такие же крупные и быковатые.

— Садись, коли пришел, — вежливо проговорил папа. Мама, охая и вздыхая, выслушала Федора.

— Федор Сергеич, как же к психиатру, — запричитала она. — Ведь в дурдом сошлют, дорогу напрочь перекроют.

Федино сердце тронула жалость: любая мать мечтает о высоком предназначении своего дитяти.

Но, к несчастью, Валя Лось космонавтом не станет никогда.

— Сердится он часто, это да, — согласилась мать. — Но ведь потом отходит!

Отца затронутая тема вовсе не интересовала. Да и Федор не был в состоянии поддерживать нормальную беседу: на него в упор устались Валины братья. У одного из угла рта текла слюна. Мать, проходя мимо, привычно утерла ее полотенцем. Второй страдал косоглазием, но беда была не в этом: Федор явно чувствовал, что оба глаза мальчика смотрят куда-то внутрь себя.

Проследив за взглядом Седых, мать вновь запричитала:

— Все этот, алкоголик чертов! Пил бы водку, а то все химию, сволочь! У меня в роду ни одного уroda не было... — и осеклась. Подошла к младшему, обняла его за плечи, снова утерла старшему слюни и с ненавистью посмотрела на Седых. — Шли бы вы со своей заботой!

Федор виновато склонил голову и медленно вышел из комнаты. Переполненный впечатлениями, он двинулся к выходу из подъезда. Путь ему преградила немолодая, явно интеллигентная женщина.

— Извините, вы старший воспитатель "Смены"?

— Нет, — смутился Федор. — Я обычный вожатый.

— Значит, вы Федор, — обрадовалась женщина. — Дочка мне про вас много написала.

— А как зовут вашу дочку? — участливо спросил Седых.

— Оля, — сказала женщина, — Оленька Королева.

Федор вздрогнул.

— Олежка Симаков тоже мой ученик, — улынулась женщина. — И еще десяток ваших воспитанников. Пойдемте, чайку со мной попьем?

— С удовольствием, — наконец вышел из ступора Седых. Будущая теща ему сразу понравилась.

Через десять минут, — женщина передвигалась с помощью двух палок, — они оказались в комнате 72. Она ничем не отличалась от ранее виденных по площади и планировке, но разительно — по производимому впечатлению. Все здесь было чистеньким и аккуратным. Попадались и явно дорогие вещи, но видно было, что лучшие времена их обладателей — в прошлом.

На стенках — Олины фотографии. Федор жадно всмотрелся. Она во все периоды своей жизни была прекрасна. Еще более его утешили фото "тещи": та тоже была хороша собой. И следы ее красоты были заметны даже сейчас.

Мужская фотография была одна: капитан с веселым и каким-то отчаянным лицом, в полевой пограничной форме.

— Ее отец, — объяснила женщина. — Капитан Королев. Погиб в семьдесят третьем. Дочку он так и не увидел. Все слышали про Даманский... Хотя нынешние и этого не знают, — поправила она сама себя. — А самые сильные бои шли в Средней Азии. Там много наших голову сложили. Алеша вот тоже. Как там моя девочка? — без перехода вдруг спросила она.

— У вас замечательная девочка, — честно ответил Федор.

— Я-то знаю, — глаза ее были печальны. — Да вот сломалась она...

— Это не навсегда, — заверил ее Седых.

— Вы думаете? — недоверчиво спросила Татьяна Геннадьевна (так ее звали). — Пока я здорова была, все было ничего. А как это случилось, — она показала на палки, — девочка не выдержала.

— Не надо так уж безнадежно. Ей всего шестнадцать, и у нее все впереди.

— Сломалась моя девочка, — плакала женщина. — Все из-за меня. Лекарства нужны. Да что там лекарства, на еду не хватало: холодильник месяцами не включала. Хорошо, вокруг добрые люди. — Поймав сомнение в глазах Федора, горячо добавила: — Вы не думайте о них плохо. Это, конечно, не высший свет. Но когда нам нечего было есть, соседи приносили сами. Мы не просили!

— Вы не волнуйтесь, Татьяна Геннадьевна! Я ведь тоже не принц крови.

— Вы приняли участие в судьбе моей дочери, — как-то по-старомодному произнесла Олина мама. — И я вам за это очень благодарна.

— Вы начали говорить про Симакова, — напомнил Федор. — Меня интересует о нем все.

— Олежка Симаков, — Татьяна Геннадьевна закрыла глаза. — Первые два класса — за год. Знаете, почему?

— Почему?

— Он хотел учиться вместе с моей Олей. Он из 73-й комнаты. Сосед. И всегда был к ней равнодушен.

— А потом?

— Потом "пятерки" закончились. И начались приводы.

— За что?

— Драки. Поборы с малышни. И организация поборов со старшеклассников.

— Это как?

— Сколотил, как это теперь называется, "бригаду". Был громкий скандал.

Двое сели. Ему ничего.

— А что Оля?

— Она к нему отношения не имела. Она его жалела всегда.

— За что?

— Он очень странный мальчик. Очень неустроенный и несчастный.

— По-моему, он сейчас очень даже устроен.

— Я не про деньги, — отмахнулась Татьяна Геннадьевна. — Он внутренне надломлен. Очень зол. Хотя Пандус у него уже лет семь живет, несмотря на скандалы.

— Кто такой Пандус?

— Местная достопримечательность, — улыбнулась женщина. — Собака на трех лапах.

— А четвертая где?

— Кто-то отрезал. Очень надеюсь, что не сам Олег. Семь лет он его держит и не дает никому в обиду.

— А почему ж тогда предположили, что лапу щенку он сам отрезал?

— Это так. К слову. Просто Олег принадлежит к тем людям, которые любят помогать слабым и убогим.

— Это ж здорово!

— Да. Только он не любит, когда рядом с ним сильные и успешные. И не просто не любит. Готов лично сделать их слабыми и убогими. А потом — защищать и поддерживать. — Татьяна Геннадьевна тихо заплакала. — Вы думаете, я на чьи деньги живу? И его же ненавижу.

— Я тоже, — вырвалось у Федора.

— Знаю, — прошептала женщина.

— А что вы еще знаете?

— Все, что знает Оля. У нас тайн нет.

— И что вы об этом думаете?

— Думаю, что пропала моя девочка.

— Да что ж вы все так безнадежно, — рассердился Федор.

— Потому что я слишком хорошо ее знаю. Я ее сама к Симакову толкнула, вот этими руками, — она показала Федору руки.

— Как это?

— Считала, что Олежке можно помочь. Что его зависть и злоба пройдут, если рядом будет кто-то чистый. Я была хорошей учительницей. Потому и помогла ему через класс прыгнуть. И Олегу всегда просила не отталкивать мальчика. Дружить-то с ним никто не хотел, кроме убогих, типа Вали Лося. Вот и напоролась, за что боролась. Когда мы с Олей стали такими же, он нам помог.

— Все будет нормально, если только...

— Если что?

— Вы, наверно, сами знаете. Было убийство. Если Ангела начнут сажать, он потацит всех: и виноватых, и невиновных. Я таких знаю, насмотрелся.

— Он водил Олегу к трупу. Я думала, она сама умрет. Пыталась моим снотворным травиться. Я умолила ее остаться. А теперь не знаю, права ли.

— Да вы что? — ужаснулся Федор. — Не знаете, лучше ли, что она осталась жива? Что вы говорите?

— Что думаю, молодой человек, — еле слышно ответила Татьяна Геннадьевна. — Я всегда говорю, что думаю.

Федор ушел от учительницы в смятенных чувствах. Он совершенно не собирался, подобно больной женщине, бросать все на самотек. И очень рассчитывал на победу в предполагаемых битвах.

Но что-то уж очень печально было у него на душе...

Глава 11

Следующее утро началось со стычки с Ангелом. Он снова подошел первым.

— Опять ездил разнюхивать? — На этот раз Симаков не утруждал себя вежливостью. Хотя весело улыбался.

“Уже донесли. И он на что-то решился”, — подумал Федор.

— Я ведь тебя предупреждал, — продолжал Ангел. — Теперь пеняй на себя. У тебя еще есть день на отъезд. Безо всяких отступных. После этого — все.

— Что — все? — уточнил Седых.

— Обязательно узнаешь, — пообещал Ангел.

— Больно ты прыткий юноша. Таких на зоне не любят.

— Это вы мне уже рассказывали, — снова перешел на “вы” Симаков. Когда его что-то тревожило, он всегда был корректен. — Что-нибудь новенькое будет?

— Обязательно будет новенькое, — пообещал Федор. — Ни один убийца не может чувствовать себя в безопасности. Ты про генетическую экспертизу слышал?

— У нас в поселке менты даже слова такого — ДНК — не слышали, — усмехнулся образованный Ангел. Но было видно, что настроение его пошло вниз.

— Можно и без ДНК. Всегда найдется один самый важный свидетель. Ты меня понимаешь?

Симаков понимал. Его настроение испортилось окончательно. Он и так боялся, не переставая. А самое тяжелое — всю жизнь перебарывать собственный страх.

Федор своего добился. Ангелу улыбаться больше не хотелось. Но что-то подсказывало Федору, что и в этот раз лучше бы ему промолчать...

Глава 12

Вечером были танцы. Желание веселиться отсутствовало и у Симакова, и у Седых, хотя оба пришли.

Зато Ольга танцевала самозабвенно, почти как в тот первый концерт. Почти — потому что нависшая тревога не обошла стороной и ее. Но все же из обравшихся "авторитетных", она, пожалуй, единственная была активной и веселой.

— Завтра берегись, — вдруг услышал Федор странную фразу. А произнесшая ее Оля уже снова громко хохотала.

— Спасибо тебе, дорогая! — засмеялся в ответ Федор.

Седых не стал ничего уточнять. Боялся подставить Ольгу, да, видимо, она больше ничего и не знала. Иначе придумала бы что-нибудь, но сообщила.

А утром до подъема Федор надел спортивную форму и убежал в лес, потренироваться. Сегодня многое должно было решиться.

Помахавшись всласть и еще раз проверив "убивалку", он сел на упавшее дерево — подумать, Федор любил неспешно "покачать" проблему.

Как все будет организовано? И кто будет исполнитель?

Конечно, не Ангел. Это ясно. Опять "варяги"? Может быть. Но, черт возьми, маловероятно!

Вторую половину вчерашнего дня Ангел был под наблюдением сразу двух агентов Федора. Никто лагерь не покидал и в него не входил. Если предположить, что послание ушло от Ангела раньше, то все равно он должен иметь возможность как-то предупредить исполнителей о возможном отсутствии жертвы или незапланированных помехах. А таких возможностей у него не было.

Да и не Чикаго здесь, чтоб каждый день можно было нанимать новых киллеров. Тем более почти подростку, хоть и злущему.

Нет, Федор был почти уверен, что исполнителем выбран внутренний, можно сказать, свой.

Вопрос — кто? Валя Лось? Слишком глуп. Только что слюни не текут, как у брата. Грохнуть кого-то неподготовленного, палаточника попугать — это может. Но убивать или калечить почти профессионала, — не такой Ангел дурак, чтобы посылать на него Лосю.

Остается только Хорь. Злости и решимости хватит. Накачан. И с бешеным самомнением. Тем более, что он уже Федора один раз "мочил". Безнаказанно. Тренировался, можно сказать. Федор даже потрогал затылок: только-только перестало болеть.

Да и много ли Хорю надо: выскочил из-за куста, махнул ножом — и нет дядя Федора. Во всяком случае, он так считает.

И пусть считает.

Федор даже повеселел. Он был убежден, что точно вычислил исполнителя. И Хорь в такой ситуации — лучший вариант. К примеру, если бы те трое, из секции, не оказались "своими", то дядя Федор сейчас в лучшем случае "отдыхал" бы в больнице.

Мысль попросить помощи у милиции даже в голову не приходила. Во-первых, что им сказать: его пугает пацан из его же отряда? Или что пионерку с пионером не поделил? Нет, Федор разберется сам.

Конечно, Хорь! Эта скотина со вчерашнего вечера веселится: предвкушает, как сразу за все рассчитается. И еще: он знает, что после обеда Федор пойдет в деревню, звонить родителям. Дальше — дело техники.

Лагерь стоит на холме, и деревня на холме. Между холмами — ложбина. Ельник, отдельные старые сосны и кусты. Есть, где спрятаться. Скорее всего, на обратном пути, на подъеме. Пропустит вперед, выскочит из засады и ударит в спину.

Федор придумал было металлический лист под спортивную куртку просушить, но тут же сам себя остановил. А если Хорь ударит в шею? Нет. Никакого цирка не будет. Все строго функционально.

Он встал и пошел к месту возможных засад. Несмотря на то, что с Хорем пока встретиться не рассчитывал, на всякий случай, шел скрытно.

Нашел целых три подходящих места. Запомнил. Несколько раз представил свои действия у каждой засады.

Все, теперь можно в лагерь.

В тихий час вызвал Ваську.

— Читай, — протянул ему бумагу.

— "Васька, позорник, когда ты, наконец, постираешь флаг? Снизу видно, что грязный. Приду, чтоб все было постирано. Лично проверю. Федор", — медленно, чуть не по складам, читал "адъютант". — Федь, зачем письмо? Чего, так не мог сказать? И потом, как его спускать до отбоя? Толмачев башку не оторвет?

— Толмачев уехал на два дня, — терпеливо объяснил Седых. — Слушай меня внимательно, это очень важно. Для меня важно.

Васька весь подобрался.

— После моего ухода внимательно следи за Хорем. Но так, чтоб он тебя не засек. Если Хорь пойдет за территорию, беги во весь дух, спускай флаг. И стирай его, как велено. Если кто-нибудь будет мешать, покажешь письмо.

— А если Хорь не уйдет?

— Я вернусь, заберу письмо. Флаг не трогай.

— Все понял, — четко отрапортовал Васька. — Еще указания будут?

— Да, — решил подстраховаться Федор. — Если вдруг на территории или около появятся подозрительные чужие, тоже спусти флаг.

— Сделаю, — обещал Васька и безо всякого энтузиазма добавил: — Может, тебе лучше на время смыться?

— Я сам знаю, что лучше, — отрезал Федор.

В сельсовете, откуда Федор всегда звонил, ему вручили письмо. Седых вскрыл конверт. Оказалось — из стройотряда, от ребят. Новости были плохие: Володя-каменщик сломал ногу, объект зависал, а по договоренности оплата была только после сдачи коровника "под ключ". Ребята просили его приехать, если это возможно.

На секунду беда друзей заслонила собственные проблемы. Но, видно, Сибирь этим летом обойдется без Федора. У него тут не заработок подвис, а любовь. А, может, и жизнь. Не зря говорят, что это одно и то же.

Выйдя из сельсовета, он увидел, что флага на флагштоке уже нет. Когда заходил — еще висел.

Федор выругался: сам внес неопределенность. Может, приехал какой-нибудь двоюродный брат Печенкина, а он, Федор, теперь полчаса будет изображать рейнджера.

Что может быть у Хорькова? Седых уже дважды отбирал у него небольшие ножи, и один раз — нунчаки. На всех — монограмма: "Х-в". Кеша Панов доложил, что Хорь хотел писать на своем оружии фамилию полностью. Ангел требовал, чтобы тот не "следил" вообще. Но Хорь заупрямился, хотя обычно при-

казы Ангела не оспаривал. Симаков уступил, согласившись на компромисс: "Х-в". Случись что — парень из Харькова потерял.

Когда Федор изъясил у Хоря второй нож — почти перочинный по размеру — и нашел эту надпись, то недостающие буквы вставил сам, по своему усмотрению, чем сильно разозлил и без того недоброго Хоря. И порадовал воспитанников.

"Скорей всего, будет нож", — решил Федор и сошел в ложбину.

Первую вероятную засаду прошел, аж ноги подгибались. Весь напрягся, вслушивался в каждый шорох: озираться особо не хотелось — Хорь мог за ним наблюдать.

Пронесло.

Вторую и третью проходил уже более спокойно.

"Что-то у него не сложилось", — только и успел подумать Седых, как Хорь неожиданно выскочил из-за кустов.

Тем не менее Федор успел развернуться и уйти от первого удара Хоря. Вот это кинжал! Сантиметров сорок, не меньше! И он тут же отпрянул от второго выпада. Был бы "резак" Хоря на десять сантиметров длиннее — лежать Федору в гробу. Потому что вряд ли более десяти сантиметров отделяло его сердце от кончика клинка. Царапина на ребрах осталась. Федор махнул "убивалкой" — теперь уже отпрянул Хорь. "Убивалка" хлестнула по концу лезвия, и кинжал улетел в траву. Следующий удар Хорь попытался отбить рукой. И на две недели потерял руку.

А дальше началось избиение. Раньше Федор никогда не позволял себе такого. Теперь же никак не мог остановиться. Хорь сначала упал на колени, потом и вовсе распластался на траве. Удары мягко бумкали по коже, не оставляя следов, но Седых хорошо представлял себе их действие.

Наконец он остановился и присел перед телом на корточках.

— Ну, что, сволочь, будешь ласковым?

— Буду, — простонал Хорь. Ему было больно шевелиться.

— То-то, — улыбнулся Федор. Он поискал и быстро нашел нож. Этот тесак маркирован не был. — Слушай! Я кладу перо в пакет, и твои "пальцы" остаются на веки вечные. Понял, ублюдок?

Хорь судорожно кивнул.

— Теперь ты встанешь и пойдешь. Я тебе помогу. В лагере скажешь, что на тебя напали трое. Кто — не знаешь. Повтори.

— Напали трое. Кто — не знаю, — забормотал Хорь.

— Хорошо. И еще вопрос: кто убил девочку после танцев? И кто насиловал?

— Не знаю!

Федор изо всех сил хлестнул "убивалкой" по спине распластанного на траве Хоря. От нестерпимой боли у того брызнули слезы.

— Вспомни, пожалуйста, — попросил Седых. — А то голову расколю, — он опять замахнулся.

— Насиловали все. Убил Валя Лось.

— Хорошо. — Федор отдавал себе отчет в том, что полученный таким образом показания не примет ни один суд. — Очень хорошо. Не трогай больше никого, ладно?

— Ладно, обещаю, — бормотал Хорь, вытирая слезы.

— Вот и славно, — подвел черту Федор. Потом не удержался и еще раз ударил Хоря. — Видишь, я ничем не лучше тебя.

— Вижу, — машинально ответил Хорь и весь сжался, ожидая нового удара.

— И я вижу, — печально произнес Седых. Он протер дубинку и мощным движением закинул ее в лес. Пакет с тесаком взял с собой. — Все. Вставай, пионер.

Хорь с трудом поднялся и, опираясь на плечо Федора, на дрожащих ногах поплелся в лагерь.

Милицию решили не вызывать. Нападавшие наверняка давно скрылись, а лишняя морока никому не нужна. Врачиха всюду лечила пострадавшего, но не смогла помешать молодому сильному организму. Через две недели Хорь понемножку стал прогуливаться на свежем воздухе.

Но это уже были другие времена.

Глава 13

После сокрушения Хоря в лагере "Смена" наступил расцвет. Все почувствовали, что прежний тиран пал. А новый — не очень-то и тиранил.

Федор строил самые радужные планы на будущее, и его удивляло, что его любовь, которую он в прямом смысле слова добывал в боях, пребывала в отнюдь не лучшем состоянии духа. Ангел, ставший тише травы, не отпускал ее ни на шаг, а она почему-то не сочла себя свободной от него. Чего не скажешь о большинстве его бывших прихлебателей и просто задавленных. Даже разговаривать с Федором накоротке, без свидетелей, Оля не хотела.

Впрочем, это не умаляло ощущения состоявшейся победы. Главное — враг повержен. А суета ни к чему.

Столкнул их — лицом к лицу и даже ближе — Толмачев. Его нижайшие просьбы о выделении лагерю свежего постельного белья, наконец, были услышаны. И в самый неподходящий момент. "Газон" приехал забирать белье в прачечную тогда, когда в "Смене" никого не было. Все ушли на озеро, где отмечался День Нептуна.

Ангел не пошел: отказался "по болезни". Оля — потому что Ангел отказался. Федор — потому что не хотел оставлять Ангела наедине с Олей. Седых и так был в каждой бочке затычка, поэтому Николай Петрович его отпустил.

Толмачев прибежал в "клуб", где Федор играл с Ангелом в шахматы, а Королева при этом присутствовала, и с порога заорал:

— Не зря я вас оставил! Надо белье в стирку сдать, а обратным ходом — чистое привезти и жратву.

Ангел сразу отказался: работать вообще "западло", а чужую грязь таскать — вдвойне.

Толмачев спорить с Ангелом не стал: он еще не привык к его свержению. Просто ткнул пальцем в Федора и Олю:

— Значит, поедете вы.

И вот они уже трясутся в закрытом фургоне на тряпках воспитанников. В кабине — шофер из поселка и повариха, которая должна отобрать продукты, чтобы на базе не выдали, что попало.

Дверца фургона была закрыта наглухо, а маленькое окошко с решеткой давало совсем мало света.

— Осталось нам меньше месяца, — сказал Федор.

— Да, — ответила Королева.

— Ты так упорно молчишь. Я тебе неприятен?

— Нет, — лаконично ответила Королева.

— Так в чем же дело?

— Чего ты от меня хочешь? — Ольга резко повернулась к нему. Даже при слабом свете Федор понял, что она вот-вот заплачет.

— Да ты что! — схватил он ее за руки. — В чем дело? Ты видела, что я сделал с Хорем? Плюнь на Ангела! Я теперь с ним в шахматы играю. А потом его Мишка посадит и ключи от камеры выбросит.

— Ой, Феденька, лучше бы ты уехал, — вытирая ладонями слезы, прошептала Ольга. Интонации в точности совпадали с маминими. Безысходность — вот что сквозило в ее словах, каким бы ни было их значение.

— И не подумаю! Я, наверное, тебя люблю, — неожиданно признался Федор.

— Я, наверное, тебя тоже, — после паузы проговорила Ольга.

— Так классно же! — обрадовался Седых. — А то у меня появились сомнения.

— Уезжай, пожалуйста, Феденька, а?

— Не дожدهшься!

Федор обнял Ольгу за плечи и прижал к себе. Ничего больше не посмел. Да и, как ни странно, не хотелось.

Так они просидели довольно долго, пока машина не остановилась. Оля отстранилась от Федора, привела себя в надлежащий вид, полностью соответствующий облику школьницы-старшеклассницы.

Потом они грузили чистое белье, а чуть позже, на вонючей овощебазе, — ящики с овощами. Повариха и для лагеря набрала, и себя не забыла. Набили много, но Седых, руководивший погрузкой, все же оставил для себя и Ольги достаточно уютный "пяточок". Лично проследил, чтоб во время тряски на голову что-нибудь не свалилось.

И вот машина отправилась в сторону лагеря.

Федор попытался снова обнять Ольгу, но она отстранилась, только пробормотала:

— И зачем ты здесь появился?

— Сейчас я тебе все объясню. Я все про тебя знаю. Меня все устраивает. То есть, нет, не устраивает... — поправился Федор, но запутался в определениях и начал заново: — Короче, теперь все будет по-другому. Через год поженимся. А может, и раньше. Я на предков нажму, они у меня молодцы.

— Тебе надо уехать. Срочно, — не услышав его, повторяла Оля.

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Уедем вместе. — Федор развернул ее к себе и обнял по-настоящему, а она прижалась лицом к его груди.

Это были лучшие минуты его жизни, а, может, и ее.

И он не думал, что они так быстро закончатся.

Потому что Оля вдруг тронула его за локоть и спокойно сказала:

— И все же. Завтра же утром.

— Что ты говоришь? — чуть не закричал Федор.

— Что слышал, Феденька.

— Никуда я не поеду!

— Не ори. И не спорь. Поедешь.

Вдруг до Федора дошло, и он тихо произнес:

— Значит, сделка с Ангелом состоялась?

— Считаю так, — усмехнулась Оля. Глаза ее были абсолютно сухими.

... Толмачев перечитывал письмо из стройотряда и недоверчиво смотрел на своего водителя.

— Может, все-таки, без тебя обойдутся? — переспросил он. — Смотри, как все удачно складывается. Да и осталось меньше месяца.

— И я про то же. Тут обойдетесь без меня, а там как раз коровник сложим.

— Ну, ладно, Федор. Это твое решение. Зарплату выдадим на следующей неделе.

— Осенью, — равнодушно поправил Федор. — Самолет завтра, я узнавал.

— Ну, что ж. Не поминай лихом!

— Не буду.

— В следующем году приедешь?

— Посмотрим, — уклончиво ответил Федор.

С детьми он попрощаться не стал. Просто незаметно вышел через заднюю калитку.

Глава 14

Слава Богу, почти не было комаров.

А работал Федор, как бешеный. Кирпичи снились ему даже в те пять часов, которые графиком отводились на сон.

— Что-то ты, паря, не в себе, — покачал головой бригадир, пожилой крепкий мужик, полурусский-полубурят. — Так нельзя. Уморишь себя. — Он сидел по привычке на корточках, смоля папиросу во время короткого перекура.

— Было бы неплохо, — улынулся Седых.

— Умирать всегда плохо, — сурово произнес бригадир, наморщив выдубленный солнцем лоб. Его и без того узкие глаза превратились в две поблескивавшие щелки. Он знал, о чем говорил: выжить семнадцать лет в лагерях и остаться при этом человеком может не всякий.

Неожиданно Федору захотелось рассказать ему все про лагерь.

Бригадир слушал, не перебивая. Потом несколько минут думал.

— Она тебя прикрыла, — вынес он свой вердикт. — Езжай и разбирайся. Ты почти все сделал, да и Володя уже ходит. Езжай и разбирайся, — повторил бригадир.

— Ну, ты даешь! — не поверил Федор. — Посидел и решил!

— Подумал и решил. И тебе надо было подумать. На месте разобраться, а не сбегать.

— Я не сбегал! — чуть не заорал Седых. — Резали — не сбежал!

— А собственная девчонка попросила — и сбежал!

— Ой, бригадир! — застонал Федор. — Что ты со мной делаешь!

— Это ты с собой делаешь, — потерял тот интерес к разговору, быстро поднялся и зычно крикнул сидевшим поодаль ребятам: — Мужики, кончай перекур!

Федор долго мучился, но все-таки решился. Попрощался с ребятами и уехал с рюкзаком к маленькому аэропорту, откуда вертолетом собирался добраться до Иркутска.

А там — все прелести таежного Аэрофлота. Сначала не было керосина. Потом — погоды. Потом того и другого вместе.

В Москву прилетел на вторую неделю после завершения работы лагеря. Сразу бросился звонить Сидневой. Та обрадовалась, даже заплакала.

— Как там дела? — спросил Федор.

— После твоего отъезда такое началось! Ангел всех скрутил. В открытую избивали. Я уехала через неделю. За день до убийства.

— Какого убийства? — закричал Седых, уже предчувствуя ответ.

— Олю убили, Королеву, — ойкнула Сиднева. — Говорят, Ангел весь стройбат за нее перетряс.

Всю ночь Федор не спал. А наутро его нашел Мишка-сыскарь. Отец говорил, что тот уже обзвонился, все спрашивал, как побыстрее найти Федора.

Они сидели в пивной, на другом конце Москвы. Так захотел Мишка.

- Ты знаешь, что вполне мог сесть?
- За что? — поинтересовался Федор.
- За избиение Хоря.
- Какое избиение?
- Ты передо мной Ваньку не строй, — разозлился опер. — Они хотели, чтобы Оля и Васька выступили свидетелями, что будто бы ты проговорился им про избиение Хоря. И еще чтобы Королева сказала, что ты на нее глаз положил, и поэтому "гонишь" на Ангела.
- А ты откуда все знаешь?
- От агентуры. Ты же их тоже доил. Кешу Панова помнишь? Думаешь, он только тебе доносил?
- Думал, да.
- И не надейся, — улыбнулся Мишка. — Есть "kozy" "по нужде", а есть "kozy" "по жизни". Кеша — "по жизни". Короче, копали под тебя конкретно. Сидеть — не пересидеть.
- И что же помешало?
- Я помешал, — гордо сообщил сыщик. — Сказал, что жизнь положу, но их изведу. Убеждал, что ты им уже не помеха, даже просителем к этому щенку ходил.
- А как следствие по поселковому убийству?
- А никак! Скоро Ангел будет всем поселком рулить. Мне уже шеф намекнул, чтоб я хвост поприжал и до Ангела не докапывался.
- А ему-то зачем? На окладе, что ли?
- Нет. Просто преступность в поселке резко снизилась, и ему это нравится.
- А если ты ему принесешь улики на Ангела?
- Тогда другое дело. Но где их взять?
- Не знаю, Миш. Это твой хлеб.
- Слушай, что ты знаешь про Олю? Что происходило перед твоим отъездом?
- А тебе-то что? Это ж не твоя "земля".
- Ольга была свидетелем против Ангела. Ее, как и ту, первую, изнасиловали и убили. И никаких следов.
- Застонав, Федор закрыл лицо руками.
- Я любил ее.
- Набрался приятель, — суетливо объяснил подошедшей официантке Мишка. — Пошли, дорогой. — Он оставил деньги и потащил Федора к выходу.

Потом сидели в парке Горького. Прямо на прогретом берегу.

— Я его все равно посажу, — сказал Мишка.

— Не посадишь, — уже спокойно ответил Федор.

— Это почему же?!

— Он раньше умрет.

— Не вздумай! — вскипел сыскарь. — Даже мысли выкинь! Либо сдохнешь, либо съедешь! Знаешь поговорку: не умеешь — не берись?

— Я умею, — твердо проговорил Федор.

Глава 15

Вечерняя школа была предпоследним зданием поселка. Дальше — довольно большой лес.

Ангел вышел из школы уже в темноте и почти сразу наткнулся на Федора, поджидавшего его в сторонке, в тени дерева.

- Привет, — поздоровался Федор.
- Привет, — вежливо ответил Ангел.
- Поговорим?
- С удовольствием.
- В лесок?
- Запросто.

Никем не замеченные, прошли в лес.

Три месяца назад Ангел ни за что не пошел бы с Федором в одиночку, без сопровождения. Но теперь он его не боялся. Ему теперь иногда казалось, что он вообще никого не боится. Свидетелей нет. Подозрения не подтвердились. Хорь почти поправился. А Лось и вовсе не болел. И еще было десятка два желающих за него умереть. То есть желающих-то они с ним хорошо пожить. Но если он попросит — умрут. Чего же ему бояться?

Даже смешно будет, если этот физкультурник полезет драться. В кармане Ангела лежал настоящий "ТТ". Он даже хотел, чтоб Федор "полез в бутылку". Нельзя все время бояться, а Федор был для Ангела олицетворением всех его страхов.

- Так что ты мне хотел сказать? — спросил Ангел.
- В общем-то, ничего важного. — Федор шагнул к нему.
- Стоять! — В лицо Седых смотрело дуло "ТТ".
- Я Мишку предупредил, что с тобой встречаюсь, — скучным голосом продолжал Федор. — Он — у леса.
- Да ну, — протянул Ангел, но стрелять не стал.
- Не веришь — пальни. Ты ничего не теряешь.
- Что — не теряю? — запутался Ангел. Как же он ненавидел Федора!
- Все равно тебе сидеть. Грохнешь меня или нет — дела не меняет. Всех свидетелей не уберешь.
- Ты о чем?
- Хорь уже Мишке растрепал.
- Что?!
- Кто чего делал. Первую убил Валя Лось. А кто — Олю?
- Ты скотина! — заорал Ангел.

Федор, улучив момент, когда дуло отвернулось в сторону, сильно ударил ногой по руке Ангела.

Пистолет выскочил из пальцев. Это не было сложно: Ангел, в отличие от Хоря, был силен только головой. Симаков, не двигаясь, растерянно смотрел на жоутаго. А тот спокойно подошел поближе, достал из-под куртки кинжал Хоря и засадил его по рукоятку в живот Ангела.

— Все, — сказал Федор. — Можешь больше не бояться.

Ангел, как замороженный, смотрел на торчащий из живота кинжал. Потом его колени подогнулись, и он мягко упал на правый бок. Листва и хвоя под ним быстро потемнели.

Федор понимал, что ему надо уходить, но не смог себя пересилить и присел на корточки рядом с задышающимся Ангелом, внимательно глядя в его лицо.

Ангел беззвучно плакал, бессильно цепляясь окровавленными руками за торчащую рукоятку кинжала.

— Не надо было тебе ее убивать, — укоряюще произнес Федор. Потом поднялся и пошел к видневшемуся невдалеке озеру, обильно посыпая дорожку отхода вонючим кубинским табаком.

Там его поджидал плот из трех бревен, пригнанный им еще вчера вечером. Федор ловко вскочил на плот, и, отталкиваясь шестом, поплыл на другой берег. Вряд ли кто-то увидит его ночью.

На середине озера сбросил в воду легкие, специально купленные сандалии и переоделся в свои туфли. И уже на твердой земле переодел красную куртку: наизнанку — она была двусторонней и теперь стала синей.

Впрочем, куртку он тоже выбросит. Денег достаточно: стройотряд оказался прибыльным.

Вот, пожалуй, и все.

Эпилог

Мишка, как мог, убеждал Хоря расколоться. Труп есть, кинжал есть. На кинжале — "Х-в". Хорьков, значит. С Ангелом в последнее время дважды ругался. Ну, что еще надо? Сознайся — и живи с чистой совестью.

— Не я это, гражданин начальник, — чуть не плакал Хорь. — Это все Седых подстроил!

— И твои инициалы на кинжале написал?

— И их тоже! Не было на нем букв!

— А ты откуда знаешь, что на нем было?

— Мой это кинжал, — сознался Хорь. Без Ангела и его адвокатов биться с хитрым сыскарем он не мог. — Но я не убивал!

— Допустим, ты говоришь правду...

— Честное слово, гражданин начальник! — Для пущей убедительности Хорь даже перекрестился.

— А как твой кинжал попал к гражданину Седых?

Хорь запнулся.

— Ну? — с угрозой произнес Мишка. — А хочешь, я вам устрою очную ставку? — вдруг предложил он. — Выйду и оставлю вас на часок.

— Не-ет! — истерично закричал Хорь.

— Смотри сам. Ты втягиваешь в дело Седых, и оказывается, что за тобой не только убийство Ангела, но и покушение на вожатого. Все улики налицо. И либо ты сознаешься в убийстве Ангела, — это не самый страшный грех, он-то тебе пистолетом угрожал! — либо оказываешься закоренелым рецидивистом. А там еще по убитым девчонкам что-нибудь всплывет.

— Я сознаюсь, — перебил его Хорь.

— Вот и отлично, — подобрел Мишка. Он показал подозреваемому фотографии с места происшествия, объяснил пути отхода, и уже через полтора часа у него в столе лежала подробнейшая "Явка с повинной". Дело имело совершенно четкую судебную перспективу.

— Вот же дал Федор! — усмехнулся опер, оставшись в кабинете один. — Никогда бы не подумал.

Во дворе зафырчал автозак: Хоря увозили "на тюрьму". Мишка заторопился: сегодня он с Надей пойдет на танцы. А что, опера тоже люди.

Да и Федор перебесится с годок, а может, и меньше, и тоже успокоится. Найдет себе нормальную девчонку. Все равно у него с Королевой ничего бы не вышло. Это только в пословице говорится: "Воруют — так миллион, а лжуют — так королеву". В жизни все проще.

И жизнь продолжается.

ПОРТОБЕЛЛО

Мюриэль СПАРК

Однажды в дни юности, когда жарким летним утром мы кувыркались с друзьями на стогу сена, в мой палец вонзилась иголка. Мне и раньше приходилось замечать, что из всей нашей компании я — самая "везучая" на всякие неприятности, и этот случай явно не был исключением. Свидетели тому — все присутствовавшие: Джордж, Кетлин и Скинни. Вытащив из глубины стога руку, я извлекла иголку и пососала уколотый палец, а Джордж продекламировал:

— Опустив руку в стог, она выудила спелую сливу.

Мы дружно расхохотались.

Иголка впилась в палец довольно глубоко, и из ранки потекла тоненькая кровавая струйка. Однако это не повлияло на наше хорошее настроение, только Джордж попросил:

— Не капай своим кровавым пальцем на мою чистую рубашку.

Так, в настроении "хи-хи-ха-ха" утро перекатилось в день. Я, по молодости, не обращала особого внимания на свою травму, и настроение мое оставалось светлым и радостным. Так, по крайней мере, мне кажется сейчас, когда я смотрю на старую фотографию. Скинни, Кетлин и я на верхушке стога сена. Скинни как раз закончил изучение моей вопиющей находки.

— Уму непостижимо, — говорил он, — тебе крупно повезло, что эта штука воткнулась в палец.

Все согласились с тем, что мне крупно повезло, Джордж предложил:

— Давайте, я вас сфотографирую.

Я обмотала палец носовым платком и приняла достойную позу. Скинни и Кетлин подбежали ко мне, и Джордж сделал снимок "для истории". Тот день мы запомнили надолго, и с того самого дня я получила прозвище "Иголочка".

Несколько лет назад, субботним днем, пролетая по Портобелло-роуд между рядами торговых палаток, я увидела женщину. Это была очень эффектная дама, стройная, с высокой грудью и прямой спиной. Я не встречала ее уже лет пять. Как же она изменилась! Однако я узнала в ней Кетлин, мою старую подружку. Когда мы виделись последний раз, Кетлин, по ее словам, было тридцать.

— Я совершенно потеряла форму, я так плохо выгляжу, — говорила она тогда. — Это у нас семейное. Все женщины в нашей семье очень крепкие и выносливые, однако быстро увядающие. Мы покрываемся морщинами и становимся остроносими.

Честно говоря, я не склонна была беседовать с Кетлин. Я видела, как она переходит от одной палатки к другой. Кетлин всегда питала страсть к старинным вещицам, поэтому не пропускала ни одной точки с упомянутым товаром. Я подумала о том, что раньше, во время моих субботних набег

РОУД

гов на Портобелло-роуд, мне не приходилось видеть ее здесь. Ее тонкие, длинные пальцы выбирали колечко с жадеитом из россыпи брошей из оникса, золотых браслетов и прочих красот, разложенных на прилавке.

— Как тебе вот это? — спросила она. Тут я заметила, что Кетлин не одна. За ней следовал, держась на некотором расстоянии, высокий, крупный мужчина, увидев которого, я замерла. Мужчина взглянул на кольцо и произнес:

— Вполне. Сколько стоит?

— Сколько стоит? — переспросила Кетлин у продавца.

Я старательно всматривалась в лицо спутника Кетлин. Борода делала его вроде бы незнакомым, но скрытые под ней чувственные, пухлые губы, а также сияющие карие глаза были близки до боли.

Мне не хотелось общаться с Кетлин, но при виде мужчины меня охватил внезапный порыв, и я сказала:

— Привет, Джордж!

Великан оглянулся на голос, некоторое время водил взглядом по людской толпе и, наконец, заметил меня.

— Привет, Джордж! — повторила я.

Кетлин истоиво, в своей обычной манере, торговалась с продавцом по поводу колечка с жадеитом. Джордж тарачился на меня, слегка приоткрыв рот и обнажив в зарослях бороды и усов сахарные зубы.

— Боже мой! — ахнул он.

— В чем дело? — спросила Кетлин.

— Привет, Джордж, — еще раз повторила я, громко и с выражением.

— Ты только посмотри, — заговорил Джордж, — кого мы видим вон там, возле фруктового прилавка.

Кетлин повернула голову, но меня не заметила.

— Ну, и кого же мы видим? — недоуменно спросила она.

— Это же Иголочка! Она сказала "Привет, Джордж".

— Иголочка? — выразительно произнесла Кетлин, — Это ты про кого? Уж не про нашу ли подружку юности, которая тогда в стогу...

— Ну да, именно она. Господи! Надо же!

Джордж выглядел довольно удрученно, несмотря на то, что приветствие мое звучало вполне доброжелательно и по-дружески.

— Извини, дорогой, но я что-то не вижу никого, похожего на нашу Иголочку.

Джордж указал на меня рукой.

— Да вон же она! Я говорю, это Иголочка!

— Дорогой, у тебя жар. Боже мой, тебе мерещатся призраки! Пойдем домой. Здесь не может быть никакой Игопочки, и ты это знаешь не хуже меня. Наша Иголочка умерла.

Впрочем, надо внести ясность. Я рассталась с жизнью пять лет назад. С жизнью рассталась — да, но с этим миром — нет. У меня остался ряд незаконченных дел, которые не сможет довести до конца ни один душеприказчик и ни один делопроизводитель. Короче, дела, которые я должна была делать каждый день, кроме, естественно, субботы и праздников. По субботам у меня — реинкарнация. Если суббота дождливая, я толкусь у Вулворта, как делала это в годы молодости и телесности. Там множество всяких миленьких вещичек, которые я так люблю пощупать и рассмотреть: костюмчики, шляпки, блузончики и всякая прочая дамская дребедень. Еще я люблю прилавки с кремами, духами,

гребенками и расческами, носовыми платочками и перчатками. Хотя мне теперь ничего этого и не нужно, я, тем не менее, питаю острую страсть ко всему вышеперечисленному. Если суббота сухая и ясная, я предпочитаю пройтись по Портобелло-роуд, как мы делали это вместе с Кетлин в годы моей юности. Ее узкие тротуарчики почти не изменились, и все так же вдоль них расположены прилавки со всякой всячиной.

Иногда по субботам Кетлин, как истая католичка, ходит к мессе и молится о моей душе — вот тут уж у меня настоящий праздник. Но в большинстве своем, по субботам я нахожусь в гуще масс, толпящихся без видимых целей на Портобелло-роуд, толкающихся между прилавками и покупающими, ворующими, примеряющими, желающими и прочее, прочее.

Вот и на этот раз я оказалась на Портобелло-роуд, где и встретила Кетлин и Джорджа. Если бы не непонятный порыв, я бы не заговорила с Джорджем. Собственно, я, в своем теперешнем состоянии, при всем желании заговорить не могу, если не случится порыв. Что особенно интересно, тем утром я не только смогла заговорить, но и уровень материализации и видимости явно повысился. Думаю, для бедного Джорджа это был действительно призрак, вежливо и добродушно сказавший: "Привет, Джордж!"

Когда учеба, которую мы проходили на севере страны, подходила к концу, мы постепенно стали перемещаться в сторону Лондона. Джон Скиннер, которого мы прозвали Скинни, отправился изучать археологию. Джордж присоединился к своему дяде, владельцу табачной плантации. Кетлин примкнула к богатым родственникам и приступила к работе в шляпном магазине "Мэйфэр", принадлежавшем одному из них. Некоторое время спустя я тоже поехала в Лондон, поскольку мне хотелось начать писать о той жизни, которую я собиралась не только увидеть, но и прожить.

— Мы, четверо, должны держаться вместе, — частенько повторял Джордж со свойственной ему назидательностью.

Он по-прежнему боялся быть неправильно понятым. Мы трое так и норовили разбежаться в разные стороны, и Джордж явно не доверял нам, подозревая, что мы моментально забудем о нем, все трое сразу. По мере приближения дня его отъезда на табачную плантацию дядюшки, он все чаще повторял.

— Мы, четверо, должны держать связь.

Непосредственно перед отъездом Джордж сказал каждому из нас в отдельности:

— Я буду тебе регулярно писать. Примерно раз в месяц. Мы не должны потерять друг друга во имя нашей старой дружбы.

Он сделал три копии с негатива того снимка, где мы веселимся на стогу сена, и все снимки подписал: "На память от Джорджа о том дне, когда Иголочка нашла иголку", после чего вручил нам по экземпляру. Он всегда был педантом.

Я же по жизни осталась растяпой, неорганизованной и рассеянной. Моим друзьям было сложно отслеживать логику моей жизни. В принципе, я должна была голодать и нищенствовать, хотя ни того, ни другого со мной так и не случилось. Естественно, у меня совершенно не было возможности написать о жизни, как мне хотелось. Возможно, именно поэтому я пытаюсь сделать это теперь, так сказать, "постфактум".

В течение почти трех месяцев я преподавала в частной школе в Кенсингтоне, учила маленьких детишек. Я не очень понимала, чему их надо научить, но, тем не менее, была постоянно занята сопровождением маленьких мальчиков в

туалет и обучением маленьких девочек пользоваться носовыми платочками. На заработанные в школе деньги я провела зимние каникулы в Лондоне, а когда деньги кончились, я нашла в кинотеатре бриллиантовый браслет, за возврат которого получила пятьдесят фунтов вознаграждения. Когда и они растаяли, нашла работу у одного публициста, писавшего тексты выступлений для слишком занятых промышленников. Вот тут-то мне и пригодился запас цитат на все случаи жизни. Потом я обручилась со Скинни, но внезапно получила небольшое наследство, на которое смогла прожить еще полгода. За эти полгода я поняла, что не люблю Скинни, и возвратила ему обручальное кольцо.

Впрочем, именно из-за Скинни я оказалась в Африке. Он присоединился к поисковой партии, занимавшейся исследованиями копей царя Соломона. Я тоже примкнула к этой партии, исполняя некие обязанности, подобные секретарским. Скинни всячески ухаживал за мной, платил за меня, старался по возможности сгладить мои ошибки и просчеты. Думаю, образ жизни, подобный моему, удивит многих людей, которые каждый день ходят на работу, выдают либо исполняют распоряжения, имеют двух- или трехнедельный отпуск каждый год, не испытывают нужды и голода благодаря подобному образу жизни и даже считают себя счастливыми. Лекцию подобного содержания прочел мне Скинни после того, как я разорвала нашу помолвку. Тем не менее, он взял меня с собой в Африку, чтобы я немного побыла в его обществе и, может быть, поменяла свое скоропалительное решение.

Поисковая партия Скинни находилась неподалеку от плантации, где трудился наш друг Джордж, а точнее — примерно в четырехстах милях к северу от нее. Однако мы не предупреждали Джорджа о наших планах.

— Если мы сообщим Джорджу о том, что скоро будем в его краях, он начнет сходить с ума и готовиться к парадному приему. В конце концов, мы ведь окажемся там по делу, а не на каникулах, — заметил Скинни.

Перед нашим отъездом Кетлин попросила:

— Передайте Джорджу мой большой привет и скажите, чтобы он не слал мне телеграмм-“молний” всякий раз, если я не отвечаю на его письмо тут же. Скажите, что я, в конце концов, работаю в модном шляпном магазине, что у нас презентации, коллекции и прочее. Можно подумать, что у него вообще, кроме меня, нет друзей на белом свете.

Сперва мы обосновались в форте “Виктория”, ближайшем к месту раскопок. Наводя справки о Джордже, мы выяснили, что друзей у него и в самом деле немного. Старожилы, знавшие Джорджа, весьма терпимо относились к его сожительству с местной африканской женщиной, но были шокированы его методами выращивания табака, методами совершенно непрофессиональными и просто предательскими по отношению к белым плантаторам, не говоря уже о табаке. Впрочем, для нас так и осталось загадкой, каким образом метод выращивания табака может различаться по расовым признакам, но это мнение было высказано старейшинами, так что сомнению не подвергалось. Новые поселенцы, питая неприязнь к негритянской пассивности Джорджа, относились к нему, как к антисоциальной личности.

Честно говоря, меня тоже несколько покорила новость о том, что у Джорджа женщина — негритянка. Я выросла в городе, в университет которого приезжали индусы, африканцы, азиаты из разных частей света. Меня воспитывали в духе апартеида, просили избегать контактов с ними, что было обусловлено как требованиями сохранения доброй репутации, так и требованиями веры. Не

так-то просто переломить свои моральные устои, воспитанные с детства, если, конечно, ты от природы не бунтарь и не экстремист.

Тем не менее, мы все-таки навестили Джорджа, воспользовавшись любезным предложением людей, направлявшихся в те же края в поисках развлечения, подвезти нас. Джордж слышал о нашем приезде в Родезию, и, несмотря на то, что был рад нас видеть, в течение первого часа нашего общения сохранял угрюмый, обиженный вид.

— Мы хотели сделать тебе сюрприз, Джордж. — Откуда мы могли знать, что новость о нашем приезде долетит до тебя раньше нас самих? Думали, что новости в этих краях расползаются с черепашной скоростью. — Мы хотели тебя удивить, Джордж.

Таким манером мы кудахтали и уговаривали его до тех пор, пока он, наконец, не сказал:

— Я очень рад видеть вас, ребята. Теперь нам не хватает только Кетлин. Мы четверо не должны терять друг друга. Особенно остро понимаешь ценность старой дружбы в таких местах, как здешние.

Джордж показал нам свою сушильню для табака, загон для скота, в котором он проводил эксперимент по скрещиванию лошади и зебры, впрочем, эксперимент не удавался.

— Такие скрещивания проводились и до меня, — говорил Джордж. — При этом получается очень выносливый тип, толковее мула и сильнее лошади. Но эта парочка, похоже, не сходится характерами.

Спустя некоторое время он предложил:

— Давайте зайдем ко мне домой. Чего-нибудь выпьем, и я познакомлю вас с Матильдой.

Матильда оказалась темно-коричневой, плоскогрудой женщиной с покатыми плечами, простоватыми манерами, но довольно высокомерной по отношению к домашней прислуге. За предобеденным аперитивом мы говорили о всяких пустяках, но при всем том Джордж показался нам невыносимым. Он вдруг начал меня "пилить" за разрыв помолвки со Скинни, говоря, что это, мол, "подлый трюк", бросающий грязную тень на наши былые, светлые, дружеские дни. Чтобы перевести разговор в другое русло, я обратился к Матильде.

— Полагаю, вы прекрасно знаете эту часть страны и можете рассказать о ней много интересного.

Она ответила дословно следующее:

— Нет. Я быть с приличная семья. Я не быть работать. Я не надо таскаться из места в место, как всякий грязный девка. — Ударения в словах она тоже ставила по своему усмотрению.

Джордж пояснил:

— Ее отец — белый, он был мировым судьей в Натале, поэтому Матильда получила хорошее воспитание, в отличие от других цветных детей.

— Я не быть какой-то черноглазенький Сьюзенна, — отозвалась Матильда. — И нет, и нет.

В целом, надо сказать, Джордж относился к ней, как к прислуге. Матильда была на четвертом месяце беременности, но Джордж заставлял ее прислуживать за столом, то и дело посылая то за одним, то за другим. И вот еще что: мыло. Матильда должна была делать мыло для Джорджа собственноручно. Джордж с гордостью показал нам этот кусок самодельного банного мыла и даже дал рецепт его изготовления, который я, естественно, запомнить не удосужилась. Меня вполне устраивали душистые кусочки мыла, которыми я привык-

ла пользоваться, и личное мыло Джорджа, пахнувшее бриллиантином и оставившее на руках сальный след, меня не воодушевило.

— Ты быть черней? — спросила Матильда, обращаясь ко мне.

— Матильда спрашивает, любишь ли ты загорать на солнце? — перевел Джордж.

— Нет, не люблю. У меня веснушки выступают.

— Моя иметь сводный сестра, который иметь веснушки.

Больше Матильда не проронила ни слова, и с тех пор мы ее не видели.

Несколько месяцев спустя я сказала Скинни:

— Я устала быть верблюдом, идущим за караваном.

Скинни в принципе не возражал против того, чтобы я покинула их лагерь, но форма, в которой я выразила свою мысль, его покорила, и он взглянул на меня укоризненно.

— Не надо так. Ты решила вернуться в Лондон или побудешь здесь еще некоторое время?

— Побуду, но недолго.

— Хорошо, только не исчезай.

Покинув лагерь Скинни, я могла прожить на гонорар, получаемый за колонку сплетен в местной еженедельной газете, что, конечно же, не было ни целью моей жизни, ни целью описания ее. У меня было множество друзей, больше чем нужно для нормального общения. Меня привлекала Родезия, по которой я колесила при помощи разных людей, ездивших кто по делам, кто в поисках развлечений.

Еще раз я встретила Джорджа в отеле в Булавайо. Мы пили коктейли и говорили о войне. Партия Скинни в тот момент была на перепутье: остаться в стране или вернуться домой. Их поиски достигли апогея, и как только у меня появился шанс посетить Зимбабве, Скинни вывел меня на ночную прогулку на развалины какого-то замка, пытаюсь заставить меня увидеть призраки финикийцев, летящих над нашими головами. У меня даже мелькнула мыслишка, не выйти ли, все-таки, замуж за Скинни, может быть, по окончании его странствий. Но дух войны уже просочился в нас, о чем я и сообщила Джорджу, когда мы с ним попивали коктейли в баре гостиницы жарким июнем того года. Джордж все не мог успокоиться по поводу наших отношений со Скинни. Он в течение получаса убеждал меня в том, что я поступила неправильно и глупо, пока я, наконец, не остановила его:

— Джордж, ты становишься агрессивным.

Только тогда он унялся.

— Наверное, на нас действует жара, — пыталась я сгладить обиду, и Джордж переменял тему.

— Похоже, я брошу табачный бизнес. Не везет мне в нем. Да и дядюшка мною не доволен. Говорит, соседи смотрят косо, а в этих местах главное — чтобы соседи не роптали. Можно подумать, что здесь тесно...

— А как же Матильда? — спросила я.

— С ней все будет в порядке, — ответил Джордж, — У нее сотня родственников.

Я уже слышала о том, что Матильда родила девочку, угольно-черную, с чертами Джорджа. Говорили также, что Матильда ждет следующего.

— А как же малышка?

Джордж ничего на это не ответил, заказал еще один коктейль и долго тянул его через трубочку, а потом, наконец, произнес:

— Почему ты не пригласила меня на свой день рождения? Тебе же исполнился двадцать один год.

— Я не устраивала вечеринки, Джордж. Мы просто выпили по коктейлю, так, скромненько. Был Скинни и два пожилых профессора с женами. Никакого веселья.

— И все-таки ты меня не пригласила на свое совершеннолетие. Двадцать один год исполняется только один раз. Между прочим, Кетлин пишет мне регулярно.

На самом деле, это было неправдой. Кетлин часто писала мне, и в своих письмах просила не говорить Джорджу о нашей переписке, поскольку он, мол, будет ждать от нее частых писем, а ей совершенно некогда их писать.

— В общем, — подытожил Джордж, — ни у тебя, ни у Скинни нет никаких дружеских чувств по отношению ко мне.

— Ну, зачем ты так, Джордж!

— Вспомни наши добрые, старые времена. Ведь они у нас были. — И большие карие глаза Джорджа увлажнились.

— Мне пора уходить, — заметила я.

— Пожалуйста, подожди. Не уходи прямо сейчас. Я должен тебе кое-что сказать.

— Что-то приятное? — Я сумела выдавить улыбку, готовясь к худшему.

— Ты не представляешь себе, какая ты счастливая.

— И какая же я счастливая? — спросила я. Мне, честно говоря, надоело слышать от всех подряд слова о том, какая же я счастливая. В конце концов, каждый человек сам лучше знает, счастливый он или наоборот.

— Ты принадлежишь самой себе, никто на тебя не давит, ты никому ничем не обязана, — запел Джордж. — Можешь приходить и уходить, когда захочешь. Ты свободна, и сама не понимаешь своего счастья.

— А по-моему, ты гораздо свободнее меня, — возразила я. — У тебя, по крайней мере, есть богатый дядюшка.

— Он потерял ко мне интерес. Считает, что я бесперспективен.

— Да перестань. Просто ты еще слишком молод для этого бизнеса. Что же ты хотел мне сказать?

— Это секрет. Помнишь наши секреты?

— Конечно, помню.

— Ты кому-нибудь рассказывала мои?

— Нет, конечно. — На самом деле, чтобы я помнила хоть один из тех секретов, которыми мы обменивались в наши школьные годы...

— Хорошо. Это — тоже секрет. Обещай, что никому не скажешь.

— Обещаю.

— Я женат.

— Женат?! Джордж! И на ком же?

— На Матильде.

— О, Боже, ужас какой! — ляпнула я, не успев подумать. Однако Джордж со мной согласился.

— Да, это ужасно, но у меня не было выхода.

— Мог хотя бы посоветоваться со мной.

— Я, между прочим, на два года старше тебя. Спрашивать у тебя, Иголочка, совета не стану.

— Тогда и не жди от меня сочувствия.

— Это очень по-дружески, после стольких лет.

— Ах, Джордж, бедняжка!

— В этой стране на одну белую женщину приходится трое белых мужчин, — грустно объяснял Джордж. — Отдаленный от цивилизации плантатор практически не видит белых женщин, а если и увидит одну, то она его не заметит. Что отавалось делать? Мне нужна была женщина.

Мне стало нехорошо. Во-первых, из-за выпитых не в меру коктейлей, а вторых, потому, что меня смолоду коробили фразы типа "Мне нужна женщина", которую Джордж повторил дважды.

— Матильда настояла. Вскоре после вашего отъезда она собрала вещи и ушла. У нее есть друзья в миссии, наверное, она присоединилась к ним.

— И ты позволил ей уйти?

— Я пробовал ее вернуть, но она потребовала, чтобы я на ней женился. Пришлось оформить наш брак.

— Ну и что в этом секретного? Слухи о смешанном браке наверняка скоро просочатся повсюду.

— Я подумал об этом, — сказал Джордж. — При всей непрактичности у меня хватило ума отвезти ее в Конго и пожениться там. Она пообещала молчать о замужестве.

— В таком случае, — подвела я черту, — ты тем более не можешь так просто ее бросить и уехать.

— Но я намерен покинуть эту страну навсегда. Не могу переносить эту страну, эту женщину, эту плантацию... Честно говоря, я не предполагал, что все будет именно так. Два года в этой стране и три месяца законного брака сделали свое черное дело.

— Будешь разводиться?

— Нет. Матильда — католичка. Она не даст развода.

Несколько коктейлей возымели вполне конкретное воздействие и на Джорджа, и на меня. Его карие глаза блестели от выпитого, и от наворачивающихся слез при рассказе о том, как он сообщил в письме дядюшке о решении отбыть из страны. Разумеется, он не сообщил о своей женитьбе, ибо такая новость была бы для богатого родственника "уже чересчур". Богатый дядюшка — привереженец строгих колониальных взглядов.

— Я только сказал ему, что у меня родился ребенок от цветной женщины, и скоро будет второй. Он меня правильно понял и тут же прилетел на самолете, это было пару недель назад. Он сурово поговорил с Матильдой, взяв с нее клятву молчать о наших отношениях.

— Думаешь, она послушается?

— А куда ей деваться? Иначе она не получит денег.

— Но ведь, как твоя жена, она имеет право на часть ваших общих средств?

— Если она объявит о том, что она — моя жена, ей же хуже будет. Она знает об этом и, поскольку далеко не глупа, предпочтет молчать.

— Но ты не сможешь больше жениться, верно?

— Пока она не умрет — да, — согласился Джордж. — А она, между прочим, здоровая, как лошадь.

— Да, мне жаль тебя, Джордж, голубчик.

— Спасибо за доброе слово. Но по твоим глазам я вижу, что в душе ты меня осуждаешь. Даже мой высоконравственный дядюшка сумел меня понять...

— Я тоже понимаю тебя, Джордж. Тебе было одиноко, и все такое...

— Ты даже не пригласила меня на совершеннолетие. Если бы вы со Скинни были добрее ко мне, я бы не потерял голову и никогда бы не женился.

— Ты, кстати, тоже не приглашал меня на свадьбу.

— Какая же ты все-таки язва, Иголочка! Со времен нашей стародавней дружбы совсем не изменилась.

— Будем поддерживать связь, Джордж.

— Пожалуйста, не разглашай мой секрет.

— Даже Скинни нельзя сказать? Он будет сочувствовать тебе.

— Не говори никому, пожалуйста, очень тебя прошу. Это секрет. Обещай мне.

— Обещаю, — твердо проговорила я, понимая, что этим секретом он хочет связать нас, словно невидимой нитью. Наверное, ему действительно очень одиноко. В конце концов, сохрани я его секрет, и никакого вреда от этого никому не будет.

Я возвратилась в Лондон вместе с партией Скинни и больше не встречалась с Джорджем вплоть до самой своей смерти, случившейся пять лет назад.

После возвращения Скинни решил продолжить обучение. В течение полутора лет он должен был сдать два экзамена, и я подумала, что после этих экзаменов, пожалуй, выйду за него замуж.

— Как бы не попался кто похуже Скинни, — говорила мне Кетлин во время наших субботних прогулок по антикварным салонам и ювелирным лавкам Портбелло-роуд.

Пора было действительно обзаводиться мужьями и семьями. Несмотря на то, что Кетлин была моложе меня, выглядела она намного старше. И понимала, что шансы ее невелики. Что до меня, то перспектива выйти замуж за Скинни была интересна лишь тем, что ему предстояла экспедиция в Месопотамию. Мое желание выйти за него замуж стимулировалось прочтением книг о Вавилоне и Ассирии. Возможно, Скинни это чувствовал, поскольку сам снабжал меня этими книгами и инструктировал по вопросам старины и античности.

Кетлин к тому времени владела антикварным магазином вблизи Ламбертсквер, успешно вела дела, жила в районе парка Челси, но все это готова была отдать взамен семьи и детей. Она заглядывала в каждую детскую коляску, оставленную какой-нибудь беспечной мамашей возле магазина.

— Эта черта была свойственна поэту Свинбёрну, — однажды заметила я.

— Честно? У него что, не было своих детей?

— Не думаю. Просто он любил малышей.

Незадолго до своего последнего экзамена Скинни заболел и был направлен в санаторий в Швейцарию.

— Тебе повезло, что ты не вышла за него замуж, — заметила как-то Кетлин. — Ты могла бы подхватить тубер.

Вот так. "Тебе повезло, ты счастливая..." — по-прежнему говорили мне то один, то другой по разным поводам. Хотя меня это раздражало, я понимала, что они правы. В целом, жилось мне довольно легко: литературные обзоры, мелкие услуги для Кетлин, несколько месяцев сотрудничества с тем самым публицистом, писавшим речи. Я делала все это, ожидая момента, когда, наконец, смогу начать писать о жизни. Над своей жизнью я задумалась после того, как приняла католичество и прошла конфирмацию.

В течение двух лет, которые Скинни провел в санатории, я дважды навещала его. Он почти выздоровел и должен был вернуться домой через несколько

месяцев. После своего последнего визита к нему я сказала Кетлин, что, наверное, выйду за него замуж, когда он вернется.

— Решай точно, Иголочка, без всяких там “наверное” и “может быть”. Это серьезный вопрос, — задумчиво произнесла Кетлин.

Разговор имел место пять лет назад, незадолго до моей смерти. В то время мы с Кетлин стали особенно близкими подругами. Встречались несколько раз в течение недели, и помимо наших субботних набегов на “лавки древностей” на Портобелло-роуд, я частенько составляла Кетлин компанию в доме ее тетушки в Кенте, где мы проводили выходные.

Однажды в июне того злополучного года мы с Кетлин встретились за ланчем, причем она предварительно позвонила мне и сказала, что у нее есть новости.

— Угадай, кто сегодня пришел в магазин?

— Кто же?

— Джордж.

Мы уже думали, что Джордж умер, так как последние десять лет не получали от него писем. По-хорошему, надо было бы начать наводить о нем справки, но нам это и в голову не приходило. Однажды мы с Кетлин и Скинни вспомнили о нем, и она сказала:

— Надо бы написать Джорджу. Но я боюсь, что он ответит и снова потребует регулярной и частой переписки.

— Мы, четверо, должны не терять связь, — вспомнила я изречение Джорджа.

Скинни тоже решил сострить:

— Он, наверное, совсем одичал на своей плантации. Ходит в набедренной повязке в сопровождении угольной жены и кофейных ребятишек.

— А может быть, он умер, — предположила Кетлин.

Я сохранила секрет Джорджа и ничего не сказала ни о его женитьбе, ни о нашей с ним встрече в баре отеля в Булавайо. С течением времени мы стали вспоминать о нем крайне редко, как о ком-то давно умершем или просто мало-знакомом.

Кетлин, тем не менее, стала проявлять особый интерес к Джорджу. Она словно забыла, как нетерпима была к нему раньше.

— Как хорошо было бы снова увидеть Джорджа, — говорила она. — Ему так нужен друг, ведь он так одинок и нуждается в поддержке.

— По-моему, он нуждается в материнской поддержке, — усмехнулась я.

Кетлин не заметила ехидства и продолжала.

— Джордж всегда нуждался в поддержке, но я поняла это только сейчас.

Похоже, Кетлин была готова оказать ему эту поддержку. Она знала о его ночном клубе в Дурбане, о трудностях, с которыми ему приходилось сталкиваться, но, похоже, о Матильде не знала ничего. Джордж, по мнению Кетлин, взвалил на себя тяжелый груз, но был способен достойно его нести.

Мне очень хотелось увидеть нынешнего Джорджа, его, так сказать, версию владельца ночного клуба, но на следующий день я должна была уехать в Шотландию, так что увидеться с ним мне довелось лишь непосредственно перед моей смертью.

Живя в Шотландии, я получала от Кетлин множество писем, в которых она писала о Джордже, который вернулся в Лондон. Виделись они часто, и Кетлин находила его общество очень интересным. Она присматривала за ним, сообща-

ла, что он "сильно возмужал и стал самостоятельным". Джордж помогал ей в шляпном магазине. "Это дает ему ощущение собственной необходимости и востребованности", — писала она. У Джорджа была престарелая родственница, проживавшая в графстве Кент, которую он навещал по выходным. Учитывая тетушку Кетлин, жившую в том же графстве, Джордж и Кетлин имели возможность встречаться там и совершать долгие загородные прогулки.

— Ты буквально не узнаешь Джорджа, — сказала мне Кетлин, когда я вернулась в Лондон.

Мы должны были встретиться в субботу вечером. Тетушка Кетлин выехала за границу, у прислуги был выходной, и Кетлин пригласила меня составить ей компанию в пустом загородном доме.

Джордж приехал в Кент на несколько дней раньше, чтобы "помочь с богатым урожаем", как сообщила, с явной симпатией в голосе, Кетлин.

Мы собирались выехать из Лондона в Кент вместе с Кетлин, но в субботу утром выяснилось, что у нее какие-то неотложные дела в магазине, и мне нужно было поехать одной пораньше, чтобы позаботиться о провианте, поскольку на ужин в тетушкин дом был приглашен Джордж.

— Я подъеду к семи, — сказала Кетлин. — Надеюсь, ты не боишься пустых домов? Лично я их очень не люблю.

Я заверила ее, что мне все равно, пустые дома даже нравятся.

Действительно, этот пустой дом мне очень понравился. Огромная постройка в викторианском стиле, многие комнаты которой были заперты, а окна занавешены. В доме все-таки был один слуга, так что за продуктами мне идти не пришлось. Кроме того, заботливая тетушка Кетлин оставила нам там и сям множество деликатесов с прикрепленными к ним записочками любезного содержания вроде "скушайте, пожалуйста, это очень вкусно!", или "возьмите в холодильнике ...", или "для вечеринки троих изголодавшихся молодых людей на столике в гостиной оставлено две бутылки хорошего вина". Я словно играла в игру "холодно — горячо", переходя от одной записочки к другой и находя все новые сюрпризы. Дом, в котором нет людей, но остро ощущается их пребывание, — это нечто особенное. Во время моих предыдущих визитов сюда я наблюдала бурную жизнь: Кетлин, ее тетушка, толстушка-горничная — все сновали туда-сюда, что создавало впечатление толпы и перенаселенности. На этот раз я, Иголочка, открывая окна и впуская внутрь бледно-желтый день, не ощущала как живое существо даже самое себя и словно была бестелесным призраком богатого замка.

Единственным продуктом питания, о котором мне необходимо было позаботиться, было молоко. Я дождалась четырех часов — время дойки, и отправилась на ферму, расположенную через два луга от веранды дома. Получив от молочника полную бутылку, я вдруг заметила Джорджа.

— Привет, Джордж!

— Иголочка! Что ты здесь делаешь? — удивился он.

— Покупаю молоко, — ответила я.

— Вот и я тоже. Как приятно встретить тебя здесь.

Мы расплатились с молочником, и Джордж сказал:

— Нам с тобой немного по пути, но задерживаться я не могу. Мои престарелые родственники ждут молока к чаю. Как там Кетлин?

— Она пока еще в Лондоне, но обещала подъехать к семи.

Мы вместе прошли через первый луг, и Джорджу надо было сворачивать налево, на основную дорогу.

— Ну что же, до вечера? — попрощалась я.

— Да, вспомним старые времена.

— Отлично. Пока.

Однако Джордж направился вместе со мной.

— Послушай, — начал он. — Мне хочется поговорить с тобой, Иголочка.

— Поговорим вечером, Джордж. Кроме того, неловко заставлять твоих родственников ждать молока. — Я произнесла это таким тоном, словно уговаривала ребенка.

— Нет, Иголочка. Мне нужно поговорить с тобой наедине, и сейчас очень подходящий момент.

Мы пошли через второй луг. Я надеялась провести в пустом доме еще несколько часов, а Джордж явно нарушал мои планы, так что я была не в духе.

— Посмотри, — вдруг проговорил Джордж. — Видишь тот стог сена?

— Вижу, — безразлично кивнула я.

— Давай посидим там. Мне так хочется снова увидеть тебя сидящей на стоге сена. Помнишь фотографию, которую я сделал в тот день, когда...

— Я укололась иголкой, — перебила его я, чтобы не затягивать разговор. Однако мне тоже хотелось посидеть и отдохнуть.

Мы уселись в стог, бутылку с молоком я захихнула поглубже в сено, чтобы она не нагрелась, а Джордж аккуратно поставил свою возле основания стога.

— Моя старая тетюшка немного не в себе, — заговорил он. — Совершенно утратила чувство времени. Если я скажу ей, что отсутствовал ровно десять минут, она поверит.

Я хихикнула и посмотрела на него. Он действительно возмужал, у него были полные губы алого цвета, столь не свойственного мужчинам, а карие глаза все так же по-юношески блестя.

— Значит, ты собираешься замуж за Скинни? — спросил он.

— Если честно, не знаю, Джордж.

— Ты просто водишь его за нос.

— Не тебе судить меня. У меня свои соображения на этот счет.

— Не обижайся, я же шучу. — В доказательство своей шутки Джордж взял соломинку и пощекотал мою щеку. — Знаешь, тогда, в Родезии, вы со Скинни были не слишком внимательны ко мне.

— Но ведь мы там работали. Мы были молоды, нам многое хотелось увидеть и узнать. Кроме того, мы понимали, что еще увидимся не раз.

— Это эгоизм, — резюмировал Джордж.

— Мне пора идти, — перевела я разговор, поднимаясь с сена.

— Подожди. — Джордж снова усадил меня. — Я должен тебе что-то сказать.

— Хорошо, скажи.

— Обещай, что никому не расскажешь. Особенно Кетлин. Она хочет держать это в секрете, и потом сама тебе скажет.

— Хорошо, Джордж. Обещаю.

— Я женюсь на Кетлин.

— Но ведь ты уже женат...

Надо заметить, что я кое-что знала о его жене, Матильде, от семьи своих друзей в Родезии, с которыми поддерживала связь. Они именовали ее "темнокожая женщина Джорджа" и, разумеется, не знали, что это — его жена. Они писали, что она, мол, хорошо устроилась за счет Джорджа, не изнуряет себя работой, а лишь общается с уважаемыми цветными женщинами, живущими по соседству.

— Я женился на Матильде в Конго.

— Все равно, это многоженство.

Джордж яростно схватил охапку сена, намереваясь бросить ее мне в лицо, но сдержался и шуточно высыпал мне на голову.

— Для меня конголезский брак — фикция. Я не принимал его всерьез никогда.

— Это лишь слова.

— Но мне нужна Кетлин. Она так хорошо ко мне относится. Я всегда считал, что мы с ней созданы друг для друга.

— Мне надо идти, — я не хотела развивать эту тему.

Джордж удерживал меня, не давая встать.

— Но пойми, Иголочка, о моей женитьбе на Матильде не знает никто, кроме тебя.

— И Матильды.

— Она заинтересована в молчании. Мой дядя предупредил ее, что будет платить, если она будет помалкивать, и юристы строго следят за этим.

— Дай мне уйти, Джордж.

— Помнишь, ты обещала сохранить мой секрет?

— Да, помню.

— Ты собираешься замуж за Скинни, и тогда мы все снова будем вместе, как в молодости.

— Жизнь все расставит по местам.

— Вот именно. Как раз теперь все становится по местам. Ты ведь сохранишь мой секрет? Ты обещала, — еще раз напомнил он.

— Если ты намерен жениться на Кетлин, я просто обязана сказать ей, что ты уже женат.

— Но ты же не сделаешь этого, Иголочка? Ты же будешь счастлива со Скинни, так зачем тебе стоять на пути моего счастья с Кетлин?

— Я должна сказать ей. Кетлин — моя лучшая подруга, — настаивала я.

Джордж так зло посмотрел на меня, словно готов был убить. Он был готов. И он убил меня. Прижал к стогу, одной рукой удерживая за запястья, а другой запихивал мне в рот пучки сена до тех пор, пока я не задохнулась. Последнее, что я видела на этом свете, — его пухлые алые губы и полоску белоснежных зубов за ними. Он втиснул меня внутрь стога, покрыв сверху пучками сена, словно сделал для меня гнездо, точнее, могилу. Затем спустился вниз, взял бутылку с молоком и пошел своей дорогой. Думаю, именно поэтому он так растерялся, когда, пять лет спустя, услышал на Портобелло-роуд мой голос, вежливо сказавший "Привет, Джордж!"

"Сенное убийство" стало самым жестоким преступлением года.

Мои друзья говорили: "Эта девочка знала смысл жизни и имела все основания жить".

Мое тело было найдено через двадцать часов поисков. Газетные заголовки гласили: "Иголочка найдена в стоге сена". Беднягу, у которого я покупала молоко, допрашивали изо дня в день, сначала в местном полицейском участке, а потом в Скотланд-Ярде. Джорджа тоже допрашивали. Он рассказывал, что мы с ним вместе дошли до стога, после чего разошлись в разные стороны. О том, что мы там сидели, он не упоминал.

— Вы не встречались с вашей приятельницей в течение десяти лет? — спрашивал его инспектор.

— Да, это так, — соглашался Джордж.

— И вы даже не остановились поболтать?

— Нет, потому что мы собирались встретиться вечером и пообедать вместе, кроме того, моя пожилая родственница ждала молоко к чаю. Я просто не мог задерживаться.

Пожилая родственница, чистая душа, действительно показала, что Джордж отсутствовал в течение десяти минут, и верила этому до самой своей кончины, наставшей два месяца спустя. На пиджаке Джорджа были обнаружены микроскопические следы сена, но такие следы можно было обнаружить на пиджаке любого жителя графства в тот урожайный на сено год.

К несчастью, руки местного скотника оказались крупнее и сильнее, чем руки Джорджа, оставившие следы на моих запястьях. Эти следы тщательно исследовала судебная медицинская экспертиза, и по ее результатам был сделан вывод, что руки скотника — возможный вариант. К счастью, одних только следов на запястьях трупа было недостаточно для обвинения человека в убийстве.

Кетлин, желая выгородить Джорджа, сказала полиции, что он не имел мотива к убийству, и что она обручена с ним. Полиция проверяла африканский период жизни Джорджа, в том числе его связь с Матильдой. Однако его женитьба на Матильде не всплыла — никому не пришлось в голову копаться в конголезских регистрационных бумагах. Никакого мотива к убийству также не было выявлено. Таким образом, подозрения с Джорджа были сняты, и то, что он женат на Матильде, осталось тайной. Он мог восстанавливаться после пережитого стресса вместе с Кетлин, что они и делали, вместе преодолевая эти трудные времена и вскоре поженившись. Криминальный хит года — “сенное убийство” — так и остался нераскрытым.

Некоторое время спустя бывший под подозрением скотник эмигрировал в Канаду, чему поспособствовал Скинни, явно сочувствовавший ни в чем не повинному человеку.

В тот день нашей встречи на Портобелло-роуд Кетлин увела Джорджа домой, а я подумала, что теперь, пожалуй, надо попробовать повидаться с ним там же, при похожих обстоятельствах. В следующую субботу я опять появилась на Портобелло-роуд в поисках Джорджа и нашла его, на сей раз в одиночестве. Он был немного озабочен и слегка испуган.

Оправдывая его испуг, я вежливо поздоровалась:

— Привет, Джордж!

Он резко оглянулся и, никого не увидев, стал растерянно озираться, слегка приоткрыв свой алый рот, ныне скрытый усами и бородой.

— Привет, Джордж! — снова прошептала я.

Можно было сказать ему еще что-нибудь, раз уж подвернулся такой случай, но он помчался прочь. Перебежал на другую сторону улицы, завернул за угол, потом свернул куда-то в переулок и так, петляя, словно заяц, сбежал подальше от Портобелло-роуд.

При всем при том, через неделю он снова был здесь. Кетлин привезла его на своей машине. Она остановила машину в самом начале Портобелло-роуд, Джордж вышел, Кетлин взяла его за руку, и он поволок ее за собой. Было удивительно наблюдать безразличие Кетлин к лавочкам с антиком. Мне, например, очень понравились серебряные сережки, лежавшие на прилавке на самом видном месте, однако Кетлин вообще не взглянула в сторону того прилавка. О том, как она выглядела, мне даже упоминать не хочется.

Джордж тоже выглядел измученным и изможденным. Казалось, его глаза сузились от постоянной сильной боли. Он тащил за собой Кетлин, словно капризный ребенок.

— Джордж! — проговорила я. — Что-то ты плоховато выглядишь сегодня, старина.

— Смотри! — оживился он. — Вон там, у посудного прилавка, Иголочка! Кетлин расплакалась.

— Идем домой, Джордж, дорогой мой, — причитала она.

— Да, что-то ты сегодня не в форме, Джордж, — заметила я.

Джорджа поместили в клинику. Он вел себя тихо все дни, кроме суббот, когда санитарам с трудом удавалось удержать его от похода на Портобелло-роуд. Однако спустя пару месяцев ему все же удалось сбежать, причем в понедельник.

В поисках Джорджа прочесали всю Портобелло-роуд, но там его не нашли. Оказалось, он уехал в Kent и отправился там в деревню поблизости от места совершения "сенного убийства". В деревне он обратился в полицию и признался в совершении преступления. Но говорил он так сбивчиво и такие странные вещи, что полицейские приняли его за умалишенного.

— Я видел Иголочку три раза на Портобелло-роуд, три субботы подряд, — взволнованно объяснял Джордж. — А они поместили меня в частную психушку. Я сумел убежать, когда нянечки занимались с новым пациентом. Помните убийство Иголочки? Это я убил ее. Теперь вы знаете правду, и проклятая Иголочка перестанет со мной разговаривать.

Несметное количество несчастных сумасшедших признается в разного рода преступлениях. Полиция вызвала "Скорую помощь", и Джордж был препровожден обратно в "желтый дом". Там он пробыл недолго. Кетлин продала магазин, забрала Джорджа домой и стала ухаживать за ним сама. Она столкнулась с тем, что утро субботы — это конец света. Джордж требовал похода на Портобелло-роуд, чтобы повидаться с Иголочкой, а вернувшись, признавался в том, что убил меня. Однажды он попытался рассказать ей что-то про Матильду, но Кетлин была преисполнена сочувствия и понимания и вряд ли восприняла все-речь его слова.

Скинни после моей смерти отдалился от Джорджа, но с Кетлин отношения поддерживал. Именно он посоветовал ей эмигрировать в Канаду, чтобы Портобелло-роуд была вне досягаемости для Джорджа.

Пожив в Канаде, Джордж немного поправился, но так и не стал прежним Джорджем. Кетлин писала Скинни: "Сенное убийство" сломило Джорджа. Иной раз я испытываю гораздо больше сочувствия к нему, чем к бедной Иголочке. Однако я часто заказываю мессы во спасение ее души".

Сомневаюсь, что когда-либо еще встречу Джорджа на Портобелло-роуд. Он неотрывно смотрит на фотографию стога сена, сделанную им много лет назад. Кетлин эту фотографию терпеть не может. Что ж, ничего удивительного. Что до меня, то я нахожу ее очень веселой и жизнеутверждающей. Впрочем, сомневаюсь, что каждый из нас был в действительности счастлив так, как на том пожелтевшем снимке. Это мне кажется теперь, из моего небытия. Скинни с его веселой улыбкой, Кетлин, кокетливо подпирающая ладонью щеку, все мы, радостно тарашившиеся в объектив камеры Джорджа в ожидании "птички" и излучавшие вселенское счастье, которое, казалось, никогда не исчезнет...

Перевод с английского Марины Жаминской.

МАРЮТМРОЛОГ

Алексей
МИХЕЕВ

1

Котька спал с женой в постели у себя в Калифорнии, когда у него умерла мать.

Соседи не смогли дозвониться до него из деревни, линия не срабатывала, как часто бывало у них в дневное время суток. Дозвонились лишь на мой сотовый, застав меня в Москве, поэтому сообщить ему о Иришкиной смерти пришлось именно мне.

— Котька, привет, — сказал я, услышав его заспанный голос. — Але, ты слышишь меня? Это... дядя Леша. — Я замялся на мгновение, не зная, как себя назвать. Он уже давно не называл меня дядей, мы оба вышли из тех возрастов, когда я был молодой повеса, а он Иришкин маленький сынок. Но, тем не менее, все-таки назвал себя "дядей". — Извини, что разбудил... До тебя не дозвонились?

— Кто?

— Соседи Иришкины...

— Ну да... да...

Похоже было, что, ко всему прочему, он и спать лег не совсем трезвым.

— Говорили, много раз, мы постоянно перезваниваемся, сорок дней скоро по Олегу будет, по-моему, двадцатого числа...

— Нет, я не про Олега... Сегодня не дозвонились?..

— Сегодня? Нет, кажется, никто не звонил...

— Видимо, Олегова смерть и подействовала. Иришка тебе ведь говорила, что у нее даже сердце стало болеть?

— Да.

— Все-таки двадцать пять лет прожили вместе, никуда не денешься. Хотя, с другой стороны, зачем уж было себя так истязать и доводить всякими видениями, виноватой чувствовать... Кстати, Олег ведь не пьяный умер, трезвый был совершенно, я его сам лично в больницу отвозил. Врач на другой день мне наедине объяснил, что из запоя тоже надо с умом выходить...

— Вот что...

— Я не про то, Котья. Я не про Олега. Котья, мама умерла...

— Как!..

— Час назад мне позвонили. В больнице, в реанимации... Сердце не выдержало. Помнишь, врачи обнаружили, что она во время похорон на ногах микроинфаркт перенесла?

— Да, она говорила.

— Ну а вчера у нее обширный инфаркт случился. Спасти не удалось.

— О, Боже мой!

— Слишком переживала, думаю, двадцать пять лет, что там говорить...

— Я ее звал к себе... Но она решила оставить это до осени...

— Да, я знаю... Я тоже ее звал к нам, но она решила отметить сорок дней и оформить документы на дом ... Не пришлось...

Мы стояли с Котькой на краю могилы деревенского кладбища среди развороченной и разбросанной по снегу глины и черной земли, глядя еще в открытый гроб, и я, внутренне обращаясь к Котьке, про себя говорил:

— Вот лежит твоя мать, Котья, старая, потрепанная, лицо в морщинках, готовая навсегда исчезнуть из мира и уйти под землю. А я любил эту женщину, твою мать, всю жизнь. Столько лет, сколько себя помню, с трех или четырех, наверное, тогда, кажется, нас свели вместе наши друзья-отцы. С ней я вместе рос, у нее первой я увидел демонстративно, но как бы невзначай, показанную мне женскую грудь. С ней первой мы обнимались, вернее боролись, как это пошкольному было заведено, пытаюсь прижать друг друга лопатками к земле. И пусть ничего, кроме ребячества, не содержалось в нашей борьбе, но каждый раз получалось, что я ее побеждал, а она в конце концов мне сдавалась...

С ней первой я ходил, взявшись за руки. В театре ли — отец ее, в прошлом известный танцор, был главным режиссером в единственном тогда в Западной Сибири театре оперы и балета, — или в парке, куда мы как-то забрались зимой и наломали веточек с деревьев, за что нас милиционер отвел к родителям. Причем по дороге домой "под конвоем" она все шептала, давай что-нибудь согрею, выдумаем, а я упорно настаивал на том, чтобы честно признаться. И признался. Хотя переживал и страдал так, что даже милиционер был моей реакцией смущен и напуган.

По ней я составлял представление о женской природе и женской красоте. Постигал вторую, незнакомую, половину человечества, поскольку сестры у меня не было, а отношение моего отца, не имевшего дочери, было к ней любовно-отеческое, как и ее отца, не имевшего сына, ко мне. Обоих отцов мы одинаково и отчаянно любили и были дружны так же, как они, и даже более того, еще и росли вместе, как родные, проводя неразлучно каждое лето в деревне за рыбной ловлей или в поисках грибов и живя двумя семьями на даче одной коммуной, где навсегда запоминали жизнь на природе, волю, дачную жизнь в глухой деревушке, запахи трав, ржание лошадей и трепещущую в руках рыбу...

2

В шестнадцать лет она уехала с родителями за рубеж, в одну из ближневосточных стран. Родители два года создавали театр русского балета по приглашению правительства страны, решившего завести у себя европейскую прихоть, и упорно старались танец живота заменить хореографией Петипа и европейской классической школой. В чем, в общем-то, и преуспели, — театр был создан...

Но надо ли говорить, какой она оттуда вернулась. Это была уже созревшая раскованная девушка, с рассказами о заграничной жизни, о некоем Майкле, первом ее мужчине, сделавшем ее женщиной, с магнитофонными кассетами и текстами песен "битлов", которых тогда еще не было в городе, вся насквозь заграничная, яркая, штучная, с головой, полной ярких воспоминаний и мыслей о свободе и сексуальной революции, с новыми веяниями, идеями — и в нашу-то патриархальную среду... Надо ли говорить, как она стала нарасхват. Хорошо сложенная, красивая, с густыми, черными, до пояса, волосами, с чувственно вывернутыми губками, танцующая на любой вечеринке, как весталка, как русалка с распущенными волосами. Ира сразу поступила в университет на "иняз", хотя уже и так прекрасно говорила по-английски.

И рядом с ней — я, тюфяк, нескладный и неотесанный парняга.

Она помыкала мной всегда. Занимала без возврата деньги, эксплуатировала, хитростью выманивала какие-нибудь нужные ей вещи, магнитофон, фотоаппарат, причем теряя это где-нибудь по легкомысленности, заставляла писать за нее рефераты, жульничала, откровенно лгала, опять что-то выцганивала, просила о разных услугах, демонстрировала перед другими свое влияние на меня, но я не обращал внимания, а иногда даже подыгрывал ей.

Ее поведение подчас со стороны казалось просто оскорбительным, но на самом деле не было таковым. Наедине нам было хорошо. Мы разговаривали об интимных подробностях наших жизней, поверяя друг другу самое сокровенное, вплоть до наших половых ощущений. Даже делились опытом... И это было гораздо больше, чем могли дать нам наши друзья и подруги. Мы были истинно друзьями. Причем такими друзьями, что все наши любовные связи по сравнению с нашими отношениями, можно сказать, вообще не стоили ничего.

— У меня с ним роман уже полгода. Господи, как он надоел... Он и ласковый, и мне с ним хорошо, и он такие вещи делает, что весь день ходишь, как наэлектризованная... И выйдешь на улицу — на него все смотрят. Не на меня, а не него, я просто шавочка по сравнению с ним. Это жутко завораживающая вещь, оказывается. Всегда хотелось, чтобы на меня смотрели, а тут я раболепствую перед ним... Но с другой стороны, долго посидишь с ним дома, такой дурак, ну просто непроходимый...

— А я с моей Валюшей уже заканчиваю. Она по распределению едет после своего техникума и все заглядывает мне в глаза — может, остаться? А что я могу ей предложить? Так противно себя чувствуешь, когда приходится обижать вашего брата.

Я был ее поверенным. Она — моим. Она выкладывала мне все и получала от подобных рассказов удовольствие. Так продолжалось года два. А когда пришло время мне идти в армию, она неожиданно забеременела.

— Господи, даже не знаю от кого, — смеялась Ириша.

— Как же ты так?

— Да вот, сбилась с графика.

— Что-нибудь нужно?

— Не знаю. Ведь главное — уже больше трех месяцев.

— Ну ты даешь. И совершенно не знаешь, кто отец?

— Ни малейшего понятия. Один из двух или трех.

Родила она, когда я уже прослужил полгода, и в конце концов разобралась, кто отец ребенка. Хотя появлялся он редко, вел какую-то артистическую жизнь — был солистом модного тогда оркестра Академгородка, они узаконили свои отношения, и он еще некоторое время оставался ее мужем после моего

возвращения из армии. Даже как-то, когда я заканчивал первый курс, пригласил меня в кафе, чтобы переговорить. Так сказать, по-мужски. Хотя мы не виделись до этого ни разу, ему почему-то хотелось передо мной оправдаться. Именно передо мной...

— В конце концов, сына я себе всегда в жизни смогу иметь. Но эта... ты извини, я не хочу ее обидеть... Но с ней жить совершенно невозможно...

Он хотел, чтобы я ему посочувствовал и понял его.

И я его понял и посочувствовал. Но зачем он меня приглашал? Что я мог ему сказать? Что разъяснить?

Потом она забросила и сына...

3

Ириша заканчивала Иркутский, куда перевелась, заочный институт иностранных языков, часто ездила на сессии, продолжала, хотя и не в той мере, как до рождения ребенка, вести "красивую жизнь", и поэтому Котька перекочевал на руки ее отца, своего деда, который, собственно, и занялся его воспитанием, заменив ему и отца, и мать и так его полюбив, что при получении Котькой паспорта сделал даже безуспешную попытку дать ему свои отчество и фамилию...

Сергей Александрович, пусть будет пухом ему земля, прожил, можно сказать без преувеличения, героическую жизнь. Когда он умер, всего-то за пять лет до смерти Иришки, я даже расплакался.

— Ты его все-таки любил, — сказала моя жена.

— Удивительно, я даже после смерти отца не плакал. Наверное, это потому, что он уже последний. Я вдруг испытал одиночество.

— А я, а мы?..

— Это другое. Тут что-то чисто мужское...

Сергей Александрович, например, последние двадцать пять лет, не отлучаясь больше чем на два-три часа из дома, ухаживал за своей лежачей женой. Жена, Зинаида Анатольевна Басилова, знаменитая в свое время балерина, упала однажды, правда, в конце своей карьеры, во время спектакля в оркестровую яму, откуда ее, стонущую, подняли на руках. И эта трагедия изменила всю ее жизнь...

Она получила какие-то серьезные травмы, но не настолько, чтобы быть инвалидом. Почему-то вылилось это все только в воспаление надкостницы верхней челюсти, из-за чего ей пришлось перенести множество операций, мучений, мытарств и разъездов по разным больницам и элитным госпиталям Москвы и Ленинграда, не принеших ей, кстати, особого облегчения... Тем не менее, осознав себя больной, и неизлечимо больной, она сделала себя инвалидом.

Иришка же всегда говорила и была убеждена, что Зинаида Анатольевна может ходить и передвигаться по дому сама, может сама себя обслуживать, что она просто себя распустила, вернее, демонстративно уложила в постель, и когда после смерти отца она увезла мать из родительского дома в свою деревню, то стала в борьбе с пролежнями учить ее двигаться, опускать на пол ноги, заставляла садиться. Но к тому времени за прошедшие двадцать пять лет неподвижности мышцы у той уже на самом деле атрофировались, и ходить она не смогла.

Тем не менее, Сергей Александрович ухаживал за женой всю жизнь, потому что безумно ее любил. Он готовил, мыл полы, убирал квартиру, по звонку, который сам провел для Зинаиды Анатольевны, приносил поднос с едой, обмы-

вал, одевал, подыгрывал ей в воспоминаниях о славе, когда к ним приходили какие-то еще помнившие Зинаиду Анатольевну гости... Успевал еще с утра сходить в театр, где последние пятнадцать лет вел класс танца у обожавших его девушек, чтобы заработать денег на фрукты и деликатесы для своей требовательной, избалованной вниманием жены, растолстевшей к тому времени до неимоверности... Причем, как все в жизни делал красиво, так и тут с достоинством нес свой крест. И хотя под конец жизни много пил, он и в этом возрасте был удивительно интересен благородством своей осанки... Но тем не менее двадцать пять лет жизни посвятил выжившей из ума, капризной, эгоистичной, превратившейся в безвольное бревно, но когда-то любимой им женщине, пока сам не сломал ногу на восьмидесятом году, а через неделю не умер от сердечного приступа.

Отца своего Иришка любила до обожания. Лучшего мужчины в мире для нее не существовало. Ее идиллическое детство и воспоминания о нем лишь усиливали ее любовь к Сергею Александровичу. Он был эталоном для нее во всем. И с окончанием детства, и во взрослом возрасте она не изменила к нему своего отношения.

Как она переживала, когда отец стал носить простые потертые джинсы.

— Ну вы же такие носите, — отвечал он.

— Но то мы, а тебе-то, уважаемому человеку, нельзя в таком виде в людные места ходить.

— Почему, я нахожу эту моду очень удобной...

Как бы там ни было, она стыдилась за него больше, чем за себя, ей было просто невыносимо, что на него где-то могут не так посмотреть, сказать что-то обидное, что он может попасть в неловкое положение...

Она боготворила отца. Даже в годы своей разгульной юности он оставался для нее образцом по всем параметрам. Мужчиной, у которого можно всегда найти поддержку, к теплу которого можно вернуться в любой миг. И до самой его смерти они продолжали так же безгранично любить друг друга...

4

Жизнь у Иришки дала трещину, когда ей было немногим за двадцать.

Первый передний зуб выпал при родах Котьки, вернее, когда она еще была беременна им. Может быть, поэтому она своего ребенка так мало любила. Из-за того, что он отнял у нее красоту.

Через год-другой у нее уже был мост на правую сторону верхних зубов, и лицо стало резко и катастрофически увядать. Бог его знает, что это была за напасть, но лицо, как шагреновая кожа, старело. И если раньше ее жизнь была похожа на брызги шампанского, то теперь она превратилась в сплошной угар. Период бурной жизни закончился полностью. Видимо, список поклонников совсем иссяк, и у Иришки возникла опасность остаться одной. Это было отмечено даже родителями на их семейном совете.

— Ну и что, — сказала Зинаида Анатольевна. — Миллионы людей так живут. Одни.

Тем не менее, забили тревогу. Родительский комплекс срабатывал, и хотелось дочери помочь, когда исчезли эти красавчики, вечно торчащие, ночующие и обитающие в их доме и мешающие жить, один из которых — что особенно по-

ражало Сергея Александровича — делал даже с помощью Иришки себе маникюр. Встала необходимость выдать дочь замуж.

И у родителей открылись глаза — они вспомнили обо мне. Ведь это любовь. С детства. Боже мой, что же мы раньше не замечали? Зачем далеко ходить? И я мог в этот момент легко попасться, я был человек мягкий, а по отношению к Иришке просто мягок, как воск. Сергей Александрович, считая вопрос решенным, произвел демонстративную проверку, смогу ли я как муж подойти, дав мне распутать "бороду" спиннинговой лески, смертельно запутанной на рыбалке, которую он никак не мог привести в нужное состояние.

Но Иришка меня пожалела. И я до сих пор поражаюсь ее поступку, потому что это было нечто, не похожее на все, что она делала. Она, вероятно, меня действительно любила и действительно видела в наших отношениях что-то такое, что нельзя было опозлать походя. Это был действительно поступок. Ценимый мной, но не понятый до конца ее жизни, вполне возможно, не понятый до конца и ею...

— Зачем ему старая развалина? — с обескураживающей улыбкой сказала она, глядя на меня.

— Ну при чем тут старая, — поторопился я смягчить ее слова, в то время как родители изображали немую сцену.

— Он и молодую найдет, — добавила Иришка, и на этом вопрос о нашей женьтибе был ею закрыт.

Дальше все происходило с точностью до наоборот. Потому что, отказавшись мной закрыть прореху в своей личной жизни, она не отказалась практически использовать мое существование в ее жизни. Причем, использовала жадно, хватаясь за каждый момент моего к ней расположения. В спешке, пока я, как и все, не оставил ее совсем, она решила нашу с ней любовь проэксплуатировать — раз не замуж, так хоть получить какой-то прок. Она стала чаще мной прикрываться. Познакомится и сразу тащит "пассию" ко мне, чтобы продемонстрировать наши с ней любящие платонические отношения. А я к тому времени уже имел статус любимца женщин в силу своих творческих заслуг, что прибавляло мне цену.

— Единственный человек, с которым я не переспала в жизни. — Эта фраза теперь имела для нее особое значение...

И когда ее бросил какой-то очередной любовник, а я, как всегда, вне зависимости от ее увлечений, пришел к ним в дом, Зинаида Анатольевна воскликнула:

— Вот настоящий друг! Иришка, ты хоть понимаешь, что у тебя есть настоящий друг. Ты посмотри только, он тебе верен, несмотря ни на что.

5

Олег появился, когда Иришка работала где-то в институте в Академгородке, и на него она сделала свою последнюю ставку.

Работа у нее была какая-то дефективная, она вообще скатилась из круга золотой молодежи на уровень заштатных простых сотрудниц отдела, ее даже в секретарши никто не мог взять, такой безутешный вид она собой являла. И так вот, подвизаясь в каком-то институте, не знаю даже, какую со своим образованием вообще работу она могла в научно-исследовательском институте выполнять, она где-то там, в его недрах, нашла такого же, как и она, дефективного.

Единственное его достоинство заключалось в том, что он был уроженец Ленинграда. Это считалось из центра, придавало вес. Ну и еще Олег закончил Иркут-

ский университет, став электронщиком. В остальном же он был просто недалекий человек. Совершенно пустой, никчемный, ничего не умеющий, но веселый, отзывчивый и с великолепной памятью. Ему бы только играть в конкурсах знатоков. Обо всем он имел какую-то поверхностную информацию, обо всем был наслышан, и обо всем, что слышал, помнил всю жизнь. На всех языках знал по два-три слова и старался в беседе вернуть их, считая, что это придает ему особую значимость. Совершенно легкомысленный тип. С серьезным видом мог дать понять, что он знает буддизм, раз в Иркутске в общежитии университета у него был сосед, который занимался йогой. Одним словом, просто дурак, любящий пофорсить.

Зинаида Анатольевна его невзлюбила.

— Зачем тебе такой дурак нужен? — недовольно спрашивала она у Иришки.

— Другого нет.

— Кривоногое ничтожество. Лучше всю жизнь одной быть, чем с таким жить.

— Знаешь, мама, тебе хорошо рассуждать. Ты всю жизнь живешь за папой, как у Христа за пазухой.

— Ну и что, миллионы людей живут одни, и ничего.

Но Иришка была непреклонна.

Она потом скажет, что никого в жизни так не хотела на себе женить, как Олега, он был для нее последней надеждой, соломинкой для утопающего.

И чтобы покорить своего избранника и осуществить свои планы, Иришкой был привлечен я. И я ее не подвел.

Меня пригласили в ресторан на Олежкин день рождения.

Кроме них, там еще была одна девушка, какая-то их сотрудница, у которой на Олега тоже были определенные виды. Парень-то он был с шармом, пусть лысый и ноги кривые, но пел и играл на гитаре, был компанейским и умел остерить...

После ресторана мы все с девушкой распрощались — я намерения продолжать знакомство с ней не выказал, чем она, конечно, осталась недовольна, — и втроем, я, Олег и Иришка, поехали к ним.

— Жалко, конечно, Оленьку, — с большим удовлетворением произнесла Иришка, — но что поделаешь, если она в мужчинах сексуального чувства не вызывает. — И этим на своей сопернице поставила крест.

Поскольку у родителей Олегу не давала житья Зинаида Анатольевна, они повезли меня в комнату, которую сняли для двоих.

Мы поехали куда-то на окраину города в какую-то халупу, халупу до такой степени, что я подумал, насколько же полна Иришка желанием устроить свою жизнь, что готова на такие испытания и трущобы. Вода в ведре из колонки, рукомойник, туалет на улице. Это с ее-то избалованностью. Я тогда просто поразился...

Что-то мы там у них выпили, и потом всю ночь, лежа за какой-то дощатой перегородкой, я слушал, как они на своей постели занимались любовью.

— Ты уже не хочешь? — шептал Олег.

— Но ты ведь хочешь... — И она начинала стонать...

Были еще у нас совместные встречи, пикники в лесу, куда я увозил целую кучу ее подруг и Олега на своей машине. У меня тогда была уже машина. Котька ездил с нами порой и по-родственному прыгал по очереди то на мне, то на Олеге, даже фотография есть, где грустный Костя обнимает лысую голову Олега на каком-то пикнике.

Всех удивило решение Иришки и Олега уехать в деревню. Только я их понимал. И думал, что, если бы к тому времени уже не вошел в стереотипную модель, которая требовала от меня той же жизни, какую вела Иришка в свое время, я бы сделал, наверное, то же самое. Иришка даже место стремилась выбрать поближе к нашей бывшей дачной деревне. Детские воспоминания вели нас всю жизнь. Несколько деревень они сменили, устраиваясь на работу учителями, — она английского языка, он физики, математики и физкультуры, занимали какую-нибудь запущенную учительскую избу, покупали лодку, мотор и в свободное время вели жизнь рыбаков и охотников.

Я часто приезжал к ним. На рыбалку, на охоту, собирать грибы, играть в карты, просто жить в глуши. Мне у них было хорошо. Я рубил дрова, учился косить сено, ездить на соседской лошади, заготавливал хвою, березовые веники, помогал им строить дом, когда, постранствовав по области, они окончательно осели в одной деревне на берегу Обского водохранилища. Мало того, считал даже, что построил им дом, поскольку без меня им не хватило бы волевого усилия. Однажды я приехал в отпуск и заставил ленивого Олега из уже год как заготовленного материала и разобранного еще одного дома строить новый. А когда начали и уже до крыши довели, отступить было некуда.

Иногда мы втроем ездили на моей машине. Уезжали на реку и ночевали там. Делали дальние вылазки, переправлялись через реку на пароме. Путешествовали по проселочным дорогам, ловили рыбу, варили уху, пили иногда даже водку и любовались закатами, пекли картошку в костре. Нам было как-то особенно тепло и хорошо.

А потом, по возвращении домой, пока Иришка готовила обед, мы с Олегом валялись, усталые, на диване и разговаривали о разном отношении к людям. О том, что есть люди, которые берут на себя ответственность, строят планы, борются за их осуществление, создают богатства, строят заводы, города, а есть люди, которые живут как трава, как птицы, не обещают ничего, не строят планов, выполняют свой урок, что-то положенное, зарабатывая этим себе на жизнь, могут даже вполне качественно выполнять его, но больше никакой ответственности на себя не берут. И трудно сказать, какой тип человека предпочтительнее... Каждый из них имеет свое право на существование...

— Это про меня, — говорил Олег.

— Как же, про тебя. У тебя, как говорят шоферы, сильно рот замаран.

Мы разговаривали, устало лежа на диване, и Иришка поддакивала нам. С возрастом из нее развилась необычайная Душечка. Она не только сознательно поддакивала, с умыслом, строя какой-то, как всегда, расчет, она на самом деле увлеклась миром мужчины и жизнью его идей.

По вечерам иногда играли в преферанс. Олег обычно выигрывал.

— Лешеньке добавка.

— А почему это Лешеньке?

— Ну, давай и тебе.

— Знаю я вас, лав-френды молодости. Еще на одном горшке сидя, надумали меня обмануть.

— Да, — улыбалась Иришка своей сморщенной мордашкой и тянулась ко мне, чтобы поцеловаться.

— Милуйте, лав-френды...

К сожалению, вскоре подобные встречи закончились. Олег стал алкоголиком. Запойным. Такие добродушные и спиваются. На три дня в две недели. Иришка окончательно превратилась в истеричку и стержову, не дававшую ему жить. И уже не установишь, что оказалось причиной ее стержовности и его алкоголизма. Они дополняли друг друга. Я и тут работал в пользу Иришки, принимая ее сторону. Мы хотели его зашивать, но он гордо берег свою "казацкую свободу". А сердце было слабым и больным. Через полгода Олег умер. Я так и не успел сказать ему, что никогда не имел права его судить...

За два года до их смерти я продал им по дешевке одну из своих машин. Но в самый последний момент пожадничал, решив еще на ней немного поездить, а они, добираясь в город на попутке, чтобы забрать ее у меня, попали в аварию.

Моя медиумичная жена объяснила это моей энергетикой.

— Ты очень не хотел им ее давать, вот они и попали в аварию.

А на самом деле я собирал тогда обиды на них, внутренне корил за их потребительское ко мне отношение. Злился, потому что сам был в тот момент в затруднительном положении и не мог купить себе новую машину, поэтому хотел еще на этой поездить...

— Они очень подсоединены к тебе, и это сработало.

— Что же? Я виноват в их аварии?

— Все мы немножко виноваты во всем.

Я поехал к ним в больницу и сделал все, чтобы их вытащить. Хотя раздробленное колено Олег не смог уже восстановить никогда, а у Иришки долго давал о себе знать позвоночник... Оба получили инвалидность.

У Олега был врожденный порок сердца, и на операции он едва выкарабкался. Но пить не перестал.

А жена была права. Связаны мы, это точно. Я только потом установил связь — когда у меня, находящегося в другом городе на расстоянии нескольких тысяч километров, внезапно заболело колено или сердце, значит, заболел кто-то из них. Когда Иришка перенесла микроинфаркт, я ей звонил каждый день и убедился в этом с абсолютной точностью...

7

Слишком много я стал писать некрологов. Слишком много вдруг стало умирать вокруг меня людей. Как-то резко, обвально. Ведь нам всего полтинник. Что происходит в мире? Слишком часто мне приходится теперь в своих опусах начинать за упокой. Это какой-то ужас. Я-то ведь ощущаю себя еще молодым. У меня сын пяти лет, достаточно молодая жена, работа, определенное уважение людей, деньги. Ну положим, не совсем молодым, но полным сил! Столько же можно сделать! А они мрут...

Сколько же друзей и знакомых я уже похоронил, не считая родителей! Тех, с кем учился, с кем работал, с кем рядом жил...

— Олег умер за тебя, — сказала мне моя жена после похорон Олега, в очередной раз тренируя свою интуицию. — Я не хотела тебе говорить, мне случайно эта мысль пришла. Но потом подумала, что надо сказать. К случайным мыслям я, как ты знаешь, отношусь особенно... Может, и тут она что-нибудь да значит...

Кто знает, может, она и права... и я живу только потому, что умирают они... А вот теперь Иришка...

Котья, за что мы любим женщину? За то, что она была первой, которую ты обнял, или первой, на которую ты посмотрел?..

Разве этого достаточно, чтобы любить женщину до самой ее смерти?

Ведь Иришка была не лучшим человеком. Сколько раз она предавала и использовала меня. Сколько предавала других людей. Даже любимого отца, которого боготворила, предала — когда получала паспорт, выбрала из практических соображений фамилию своей матери, народной артистки, а не его. Сколько мужчин обманула ... А уж что говорить про тебя, Котья. Я расскажу тебе, например, что, когда тебе было годика три-четыре, она летом, не имея возможности с кем-то оставить, часто бросала тебя на весь день дома одного, чтобы уехать на пикник с любовником, может быть, даже и с Олегом, — мужчина для нее всегда был на первом месте, присутствие такового в жизни — самое святое. А тебе оставлялся стакан молока и обед на столе, и ты коротал весь день в одиночестве. А однажды, вернувшись ночью, она нашла тебя спящего в постельке по уши вымазанным солидолом, банку которого ты нашел у Сергея Александровича на балконе — на открытом балконе четвертого этажа! — и изукрасил себя и все вокруг. Она, плача и шлепая, отмывала тебя в ванной, а солидол, сам знаешь, водой не отмыть...

И пусть Иришка была умна, что меня всегда в ней привлекало, но зачем ей был дан весь этот ум, на что он был потрачен? На то, чтобы вырвать у жизни что-то нужное для себя? На то, чтобы, трезво рассуждая, оценить свои достоинства и недостатки и рассчитать нужные ходы?..

И единственной тайной для меня осталось: что она все-таки испытывала ко мне? Почему жалела, она, эгоистичная до мозга костей? Теперь я уже никогда не узнаю этого, потому что не говорят таких вещей из могилы. Почему мы так и не стали близки? Что это было с моей стороны, — святое служение идеалу или трусость, боязнь решительных поступков, боязнь перемен? Получается, что я испортил жизнь и себе, и ей, — может быть, для нее я такой же единственный, как и она для меня, и мы были предназначены друг для друга? И только отсутствие меня в ее жизни и моей настойчивости и решительности обрекло ее на всю эту никчемную жизнь, на потерю красоты, на отсутствие нормальной любви к детям, к людям, на жизнь с пьющим человеком, на бездетный брак, на скоротечную жизнь...

Как говорил Иоанн Лествичник, иная жизнь похожа на плотно закрученную год от года древесину на стволе дерева, закрученную вокруг пустоты, вокруг дупла.

Не есть ли и моя жизнь, с этим принципиальным, платоническим служением женщине, такая же древесина вокруг пустоты, в которой ничего, абсолютно ничего не содержится?..

Глава 1. Баба Катя

Когда эта свиристелка первый раз в доме появилась, я сразу поняла: добра не будет. Так Иннокентию и сказала: "Гони эту шалаву, пока она еще себя хозяйкой не почувствовала". Не послушал — любовь, видите ли. Я, конечно, старуха, куда мне в таких тонкостях разбираться. Но жизнь-то прожила, в людях понимаю. А Кеша добрый очень, весь в мать-покойницу. Вот и вяпался по самые уши.

Ларка, бывшая Кешина жена, — девка, конечно, видная. Особенно когда веки намажет, космы свои причешет да чулки целые наденет. Но жена из нее — как из меня рэкетир. Сигарету смолить да задом вилять — это она умела. А Кеша после смерти матери, почитай, два года людей не видел. Из дома на работу, с работы домой, а вечером со мной телевизор глядит. Переживал очень.

Мне бы, дуре старой, познакомить его с какой-нибудь девушкой приличной. Или просто помолчать. Так я ему посоветовала: "Сходил бы ты, Кеша, в парк. Что сидишь

Смертельная игрушка

Светлана
БЕСТУЖЕВА

в четырех стенах? Скоро тридцатник стукнет, а все холостяком ходишь". Он отнекивался, отнекивался, а в один прекрасный вечер пошел. Благо парк культуры, который имени Горького, у нас из окон виден, далеко ходить не надо. А вернулся уже с Ларкой. Да с подбитым глазом. Я потом у него узнала: он за нее вступился, обижали ее какие-то парни. Ее обидишь! Небось, в цене со своими хахалями не сошлась, а Кеша тут как тут.

Быстро она его окрутила, я глазом моргнуть не успела. Еще бы: комната в центре, родни никакой, мужик на все руки мастер, да и зарплата приличная. Кеша в "ящике" работал, секретном. Мне как-то подарок сделал: телевизор размером с книжку, а показывает чисто, лучше фабричного. Я же говорю — золотые руки.

А Ларка — лимитчица. Прикатила в Москву на актрису учиться. Ждали ее тут, как же! Таких "актрис" в любой подворотне пачками собирать можно. Вот и устроилась эта Софи Лорен паспортисткой в ЖЭК. Днем бумажки перекладывает, по вечерам

мужа ищет. По лицу видно — долго искала, пока моего соседа малахольного не встретила.

В общем, покрутилась она у нас в квартире месяц, и мое терпение кончилось. Говорю Иннокентию: "Хватит, милый, дурака-то валять. Тебе жена нужна, дети, а от этой красотки одни неприятности будут. Да и я устала грязь за нею возить. И не ты ей нужен, а прописка московская да жилплощадь. Гони, пока не поздно".

Она, видно, подслушивала. Влетела на кухню и сразу в крик: "Как вы смеете в нашу жизнь вмешиваться, как вы смеете меня оскорблять! Кеша, если ты этой старой ведьме веришь, то я здесь больше ни минуты не останусь!" Плачет, кричит — одно слово, актриса. Я плюнула и ушла. А они на следующий день заявление в загс отнесли. Я так и ахнула. Как-то Кеша зашел ко мне в комнату и говорит: "Баба Катя, ты на меня не сердись, но Ларочка ждет ребенка, не могу же я ее на аборт посылать. Ты сама говорила, что мне жена нужна, дети. А она хорошая, только жизнь у нее была тяжелая. Потерпи немного, все наладится, вот увидишь".

Все и наладилось. Через семь месяцев после свадьбы родила наша Мэрилин Монро ребеночка. Надо понимать, недоношенного, восьмимесячного. Ее счастье, что не доносила, а то неизвестно, что бы было. Мальчонка четыре с половиной килограмма весил, пришлось кесарево делать. Вот так и получилось. Кеша такой счастливый ходил, все свои сбережения ухнул на приданое ребенку да на подарки любимой жешушке. Привез их из роддома, на месяц отпуск взял, на Петеньку своего не налюбуется. Ларка-то кормить не захотела, ленивая была, страсть. Так Кеша и на молочную кухню бегал, и с бутылочками возился, и пеленки стирал. Кормящий отец, одним словом. Я как-то спросила: "На работу пойдешь, кто за ребенком смотреть станет, кормить его?" "Ой, баба Катя, — говорит, — да что вы волнуетесь. Ларочка отдохнет, поправится, и все наладится. Вот увидите".

Наладилось... Кеша вышел на работу, а Ларочка полдня спит, полдня потягивается. С ребенком гулять не может — коляска тяжелая. Стирать ей нельзя — врачи запретили. Про уборку даже и не говорю. В общем, Кеша по утрам на молочную кухню, потом на работу, потом стирать, убирать, готовить, а по ночам еще какие-то переводы делал да чертежи чертил: трое — не один, денег-то в три раза больше нужно.

Год прошел, Ларка почувствовала, что из мужика веревки вить можно, и совсем стыд потеряла. До этого днем убегала на пару часов — "проветриться". Петенька бывало криком изойдет, пока я не подойду перепеленать или водички дать. Так ведь и у меня дела есть, не всегда могла нянчить-то. Да и не мое это дело. А подросток немного мальчишка, она начала по вечерам уходить — и до ночи. Кеша работает, подрабатывает, с ребенком вечерами сидит — Ларка гуляет. Приходила за полночь, будто так и нужно. И каждую неделю то новое платье, то новая побрякушка. А Кеша все один-единственный, еще досадебный, костюм носил. Да пара свитеров у него была: мать-покойница вязала. Вот и весь гардероб.

Вдруг узнаю: Кешин "ящик" рассекретили, половину сотрудников уволили, из второй половины, кто пошустрее, сами ушли. Зарплата-то стала — только на хлеб с солью, хоть шесть часов работай, хоть шестьдесят шесть. И приработков не стало: кому теперь дипломы да диссертации нужны? Спекулировать можно и без высшего образования, пусть и липового. Вот и остались мы с соседом: у меня пенсия — сами знаете, какая, да у него якобы зарплата...

Я-то человек привычный: в ссылке жила, на ударной стройке вкалывала, войну помню, голод... Иннокентий тоже не очень избалован был: сколько лет с матерью жили сначала на ее инвалидскую пенсию да потом плюс его стипендию. А Лариса

его распрекрасная, конечно, не выдержала... В глаза ему сказать побоялась, записку оставила: мол, не желаю свои лучшие годы в нищете прозябать, я нашла себе другого, хоть и без высшего образования, но с деньгами.

И сыночка своего бросила. Обещала на него деньги прислать, да, видно, недосуд было. Потом как-то Кеша проговорился, что Лариса давным-давно не то в Швецию, не то в Швейцарию с новым муженьком укатила и возвращаться пока не собирается. О сыне забыла, а тряпки свои все до единой прихватила да еще кое-что по мелочам из чужого взяла: пару ложек серебряных, шкатулку лаковую... Лимитчица, она и есть лимитчица.

Конечно, Кеша переживал. Но, с другой стороны, ему все-таки легче было одного ребенка содержать, чем еще и эту дармоедку здоровую кормить. Только отец-одиночка — не мать-одиночка. Это сто чиновников нужно обойти, чтобы добиться пособия на ребенка. Кеша, человек гордый, плюнул и не стал никуда ходить. Кому-то что-то чинил, ремонтировал, а все чаще на Тишинку ездил: продавал радиоприемники да будильники, которые из старья собирал. Не хуже новых получались, только раза в два дешевле.

В общем, жили. Главное, я к Петеньке привязалась, не просто так небо коптила. Своих-то деток Бог не дал: ударная стройка — не курорт, после нее у меня все зубы — железные, да и по женской части... Выбирать тогда, правда, не приходилось: куда пошлют, туда и поедешь, там и вкалывать будешь. А баба ты или мужик — начальству без разницы. Вот и уработалась. Хотя даже после ссылки за мною кавалеры ухлестывали. Один был даже с высшим образованием, стихи читал да за руку держал...

Только тогда показалось: не по себе дерево рублю. Кто он и кто я? Кончится ссылка, не нужна буду. Или из жалости да от хорошего воспитания будет терпеть. В общем, вышла я тогда за своего Васю...

И вот на старости лет получила наконец внука. Петенька, слава Богу, не в матушку свою уехал. Спокойный мальчишка, ласковый. Покормить его да погулять с ним — невелик труд, зато как скажет "баба" да поцелует... Слаще этого ничего не знала!

Живем и живем. Только однажды Иннокентий пришел с Тишинки поздно — часов в девять вечера, я уже Петеньку спать уложила. И пришел выпивши, хотя отродясь спиртного в рот не брал. Не пьяный, нет, я в этих делах разбираюсь лучше любого милиционера. Как-никак почти тридцать лет замужем за алкоголиком была. Но выпивши. И вроде как не в себе. Мне ничего не сказал, только положил на стол несколько бумажек по тысяче. Я еще удивилась, что так много.

— Откуда? — спрашиваю. — Ты никогда с этой барахолки за раз столько не вырчал. Или цену повысил? Так давно пора...

— Повезло, — буркнул, — приятеля встретил, ему все продал да еще вроде аванса получил, кое-что сделать надо...

И все. Несколько дней потом молчал, только "да" и "нет".

После этого деньги стали появляться в доме. Только Кеша никакой радости не выказывал. Вечерами мастерит что-то и вдруг задумается, в одну точку уставится — не шелохнется. Или Петеньку начинает тискать, целовать, даже приговаривает над ним что-то. И уходить вечерами чаще стал. Или в выходные. Ненадолго, часа на два-три. Думала, заказчику работу носит, потому что как раз после этого деньги и приносил.

Как-то в пятницу вечером опять собрался куда-то. С пустыми руками, без обычного свертка. А что пятница — так "Поле чудес" показывали, как раз заканчивалось. Поздноато для Кеши, одним словом. В общем, постучал ко мне и с порога выпалил:

— Баба Катя, я на пару часиков сбегаю тут недалеко в одно место. Петенька уже заснул, но ты за ним пригляди, пожалуйста. Двери, кроме меня, никому не открывай, времена, сама знаешь, какие.

— Господи, — говорю, — Кеша, ты что? Весь дом знает, что у нас с тобой, кроме Петеньки да телевизора моего, ничего стоящего нет. Да и не водится у меня такой привычки любому-всякому двери открывать. Ты лучше скажи, куда на ночь глядя собрался? Может, до утра потерпит? Или на свидание?

— Да нет, — отвечает, — утром мне не с руки будет. Ну я побежал, баба Катя, побежал, а то опаздываю.

Станным мне все это показалось, да и выглядел он странно, будто боялся чего-то или, наоборот, все ему безразлично было. Явно не в себе был мужик, и все тут. Однако на любовь не похоже. И оделся легко — в старую куртку.

Грешным делом, я перед телевизором задремала. Сквозь сон вроде бы слышу — дверь хлопнула. Ну, думаю, слава Богу, вернулся Кеша, можно нормально спать ложиться. Приняла свою таблетку успокоительную (изволновалась все-таки, что так поздно ушел) и только решила выйти посмотреть — опять слышу шаги по коридору. Кешины шаги, его походку ни с чьей не перепутаю. Быстро так по коридору прошмыгнул, почти на цыпочках, и снова дверь — щелк. Ушел?

Пошла к нему в комнату, Петенька спит, больше никого нет. Но что-то мне тревожно стало. Взяла мальчонку, кое-какие его игрушки-бутылочки прихватила и к себе перетасила. Кровать у меня старая, широкая, так я его к стеночке притулила, накрыла потеплее, он и не проснулся. Сама рядом с ним прилегла, еще валерьянки выпила да и не заметила, как заснула. Лекарствами не балуюсь, а тут две таблетки подряд, — и будто провалилась.

Вскинулась: светает, Петенька посапывает, любимую свою игрушку — Чебурашку — к себе прижал и спит. Маленькая такая игрушка, с его ладонь, мохнатая. Вроде глянуть не на что, а самая любимая.

В квартире тихо. Отперла свою дверь, вышла в коридор, смотрю — входная дверь приоткрыта. У меня сердце так и зашлось — беда! Кинулась к Иннокентию, а у него в комнате... Даже описать не могу. Диван распорот, книги на полу, гардероб распахнут. Петенькины одежды вперемешку с Кешиными по всей комнате валяются. Будто обыск был, как в кино показывают. Побежала на кухню — тоже все вверх дном, даже крупы из банок высыпаны...

Надо бы милицию вызвать, а меня что-то удерживает. Опять к Иннокентию пошла посмотреть, не стащили ли чего. Для нищего-то и рублище — одежда, и опорки — обувь. И вдруг вижу: среди других игрушек на полу валяется Чебурашка. Распоротый, вата наружу ключьями торчит. Что, думаю, за оказия? Или я на старости лет память потеряла. Пошла к себе в комнату: Петенька по-прежнему с Чебурашкой спит, с целехоньким. Оказывается, их у него два было, а я и не замечала. Вдруг слышу: кто-то у входной двери возится. А я ее с перепугу не только на ключ — на засов заперла да еще цепочку для верности накинула. Может, Кеша вернулся да в квартиру попасть не может? Подхожу к двери, спрашиваю:

— Кеша, ты, что ли?

Молчат. Ах, думаю, паразиты! Одного раза мало показалось, видно, квартиру подпалить решили.

— Кто, — кричу, — там?

— Откройте, пожалуйста. — Интеллигентный такой голос, не поймешь: не то мужик, не то баба. Только мне отчего-то страшно стало, хоть и не из пугливых я.

— Утром приходите, как путные, — ответила я, а сама на цыпочках назад в комнату, к телефону, в милицию позвонить. Тут уж не до раздумий, да и ребенок малый в квартире...

Когда мимо кухонной двери проходила, так и ахнула, шагу дальше сделать не могу, ровно ноги отнялись. Черный-то ход, всегда раньше забитый-заколоченный, открываться начал. Тихо так, даже петелька не скрипнет. А оттуда — не поймешь: мужик или баба. В штанах, в черной кожанке, на голове — черная шапка вязаная. Ниндзя! Точно как в телевизоре показывают. Мне закричать, а у меня голос пропал, только рот разеваю, как рыба. А этот "ниндзя" ко мне подскочил и шепотом, на ухо:

— Баба Катя, не волнуйся, я от Кеши. Только тихо, не шумите. Я должна забрать Петеньку и увести его в безопасное место. Да и вам лучше отсюда на время уехать. У меня внизу машина. Да, вот записка вам от Кеши. Только поскорее, пожалуйста.

Взяла я бумажку, а на ней Кешиной рукой написано:

"Баба Катя, делай, как Вера скажет. Прошу тебя, спасайте Петеньку". И больше ни слова.

— Вера — это я, — сказала "ниндзя". — Быстрее, баба Катя. Собирайте Петеньку. Только быстрее!

Глава 2. Вера Муратова

Святое правило никогда не оставлять на завтра то, что можно сделать сегодня, опять заставило меня просидеть в офисе до позднего вечера. Все сотрудники — мои, кстати, подчиненные — ушли в положенное время, а компаньон — совладелец нашего "Атланта" — еще раньше. Как всегда, впрочем. А я осталась разбираться со счетами и с тупой, как моя жизнь, клиенткой, которая все допытывалась: а что она сможет выгодно прикупить, отдыхая на альпийском высокогорном курорте?

Заметьте, тетка собиралась кататься на горных лыжах. Наша фирма специализируется именно на таком туризме. Домбай, Альпы, если угодно — Анды или Гималаи. Заодно продаем снаряжение, экипировку, всякие модные прибабасы. Но только к горным лыжам. Шоп-туры в ассортимент не входят. И вот вам, пожалуйста! Что она может купить на высокогорном спуске в Альпах? Сенбернара? Пучок эдельвейсов? Черт ее знает, чего она хотела. По-видимому, считала, что вся Европа — это один большой супермаркет с кондиционерами и чистыми клозетами. Дальше ее фантазии — вчерашней торговли из магазина "Океан" — явно не хватало.

В результате она ушла, милостиво обещав "подумать", а я закончила возню с бумагами, заперла офис, дала инструкции ночному сторожу, закрыла магазин и поплелась к машине. И, только открыв дверцу, сообразила, что дома у меня есть абсолютно нечего, а в пачке осталась последняя сигарета. А заодно вспомнила, что именно сегодня, в семь вечера, я должна быть в Доме кино на какой-то премьерке, а моя ближайшая подруга Рита — кинокритик по профессии и сваха по призванию — ждет меня там с очередным кандидатом в мои мужья. Мои, естественно, поскольку сама Рита любит повторять, что ее можно доставить в загс только под общим глубоким наркозом.

Ладно, Рита переживет, а вот с едой и сигаретами вопрос нужно было решать немедленно. К счастью, в гастрономе на Октябрьской площади нашлось все необходимое, и через полчаса я уже ехала по Ленинскому проспекту в сторону дома, нещадно кляня себя за неумение толком организовать рабочий день, за безобразное отношение к собственному здоровью, за попустительство сачку-компаньону, за потакание идиотским выдумкам клиентов. Очередной приступ самоедства, который случается у меня довольно редко. Во всяком случае, не чаще двух раз в месяц.

А между прочим, у меня гораздо больше положительных качеств, чем отрицательных. Если бы я заполняла "брачную анкету" в расплодившихся сейчас агентствах по знакомствам, то смогла бы, не кривя душой, написать следующее: "Стройная, спортивная Тигрица (по китайскому гороскопу) и Телец (по знаку Зодиака) с арийской внешностью и нордическим характером, прекрасная хозяйка и верный друг, хотела бы познакомиться..." А вот дальше мне писать было бы нечего, поскольку хотела познакомиться с мужчиной, способным противостоять моему основному таланту: делать из нормальных людей беспощадных и капризных ревнивцев.

Рита утверждает, что я могла бы открыть питомник по воспитанию идеальных мужей. Она, конечно, язва, но что-то в этом высказывании определенно есть. Три раза я пыталась устроить свою личную жизнь. Но финал всегда был один и тот же: мой избранник уходил к одной из моих дальних приятельниц, незадолго до этого разведшейся (овдовевшей, оставленной предыдущим партнером), и становился просто образцовым мужем, на которого оставалось только молиться. Причем все трое предыдущих были разными и по характеру, и по профессии, и даже по темпераменту: музыкант-скрипач, инженер-электронщик, тренер по горным лыжам. И начиналось все по-разному, зато заканчивалось, как я уже сказала, одинаково тошно.

И вот ведь что интересно: живя со мной, они пальцем дома не шевелили. Я все успевала сделать до того, как они только еще собирались. И я очень многое умею: например, разжечь костер с одной спички под проливным дождем, поставить палатку за пятнадцать минут под ураганным ветром, взобраться по отвесной стене на любую высоту, прыгнуть с парашютом с вышки или на лыжах с трамплина. Прекрасно стреляю, умею водить машину и могу сама устранить любую неисправность в ней, сменить перегоревшие пробки, починить утюг или сливное устройство в туалете. Могу испечь пирог или приготовить лобио. Все могу! Но это, как выясняется, совершенно никому не нужно. Как и мое знание японского и английского, владение приемами дзюдо и определенным чувством юмора. Последнее, кстати, мне бывает нужно чаще, чем все остальное.

Только один мужчина меня не только не боится, но даже как бы жалеет, что я такая независимая. Это мой школьный, а точнее, даже дошкольный друг Павел. Он меня любит почти тридцать лет, но не женится. И не потому что женат (Павлик у меня однолюбу). И не потому что, как Рита, принципиальный противник института брака. А по морально-этическим соображениям. Он считает, что мужчина всегда прав только потому, что он — мужчина. Что есть дела женские (по дому), которые мужчина должен уметь, но делать не должен. И есть дела мужские, к которым женщины даже близко подходить не следует. А главное, женщина не должна занимать должность выше, чем у ее мужа, и, Боже упаси, получать больше денег. Такой миленький кондово-сермяжный патриархат! Временами я Павлушу просто обожаю за принципиальность.

Пока я была средним околонучным сотрудником и получала свои 120 рэ, все еще могло плавно перетечь в мое очередное (сначала второе, потом третье) замужество. Уж если я научилась разбираться в тонкостях скрипичной музыки, то перестать чинить краны и забивать гвозди как-нибудь сумела бы. Но когда удалось создать свою собственную фирму, да еще приносящую прибыль, Пашины надежды жениться на мне приобрели явно утопический характер. Да, следователю в прокуратуре, будь он даже по особо важным делам, платят и по сей день очень смешные деньги. Но менять работу Паша принципиально не собирается, потому что ее любит. А он — однолюбу, мой Пал Палыч Шервуд. Все, круг замкнулся. Спать же с женщиной, на которой не можешь жениться, он считает аморальным. Так и живем.

Зато мы прекрасные друзья, и, если что-то не клеится, я всегда ему звоню. А он мне — регулярно три раза в неделю. По понедельникам, средам и пятницам. "Моя милиция меня бережет": благодаря такому бесценному другу не знаю хлопот ни с рэкетом, ни с местными властями, ни с районной милицией, ни с налоговой инспекцией. С ГАИ, кстати, тоже. Незаменимый он человек. А я — неблагодарная свинья, потому что не согласна вернуться на работу в научно-исследовательский институт и ждать его дома с горячими щами и тапочками наготове. Ну и пусть!

Я свернула с Ленинского проспекта на боковую дорогу, потом еще раз — в переулок, и слегка расслабилась. Легкий ужин, горячая ванна, "ненадеванный" детектив на сон грядущий и два выходных дня впереди. Жизнь поворачивалась своей лучшей стороной, а такие моменты нужно ценить...

Но не успела оценить текущий момент по достоинству: этот идиот выскочил, как черт из табакерки, просто ниоткуда. Успела только заметить, что высокая черная фигура, ломаясь под каким-то немыслимым углом, падает прямо под колеса моей "Волги". Нажала на тормоза так, что чуть не проломилась дно машины, и вывернула до упора руль. Хорошо еще, что дорога была сухая. Я выскочила из машины с одним страстным желанием: потратить на этого шизика-камикадзе весь имеющийся у меня набор непечатных слов. Неплохой, кстати, набор.

Он лежал чуть ли не под колесом — во всяком случае, мне так показалось. И еще показалось, что слышала звук пистолетного выстрела. Второй раз. Первый прозвучал, когда я открывала дверцу машины. Тут же взревел мотор — кажется, "БМВ", я на секунду ослепла от яркого света вспыхнувших фар. А потом стало темно и тихо. Но не настолько, чтобы не заметить, как шевельнулся мужчина, сбитый мною. Сбитый?.. Мною?..

Я дотронулась до его головы — лоб был горячим и мокрым. Схватила под мышки и попыталась оттащить к тротуару. Удалось мне это сравнительно легко: обычно без напряжения ношу рюкзаки до полусотни килограммов, а в этом типе было от силы шестьдесят вместе с кепкой.

Он застонал.

— Вы целы? — нервно спросила я, начисто забыв первоначальное намерение отmaterить его как следует. — Попробуйте пошевелить руками-ногами. Сейчас вызову "скорую".

Незнакомец с неожиданной силой схватил меня за запястье.

— Не нужно никого вызывать, умоляю. Помогите встать, и я уйду. Не бойтесь, я не бандит, просто так получилось... В общем, это долго объяснять. Помогите, пожалуйста.

Когда поставила его вертикально, обнаружила, что одна рука у меня стала липкой и влажной. Поднесла ее ближе к свету фар — кровь. Только этого мне сегодня и не хватало. Придется звонить Павлу.

— Вы ранены?

— Не знаю, возможно... Спасибо. Пойду... Спасибо...

— Вы что — ненормальный? — заорала я. — У вас кровь течет, через три метра снова свалитесь. А ну давайте в машину, отвезу в Первую Градскую...

— Не надо... В Градскую... Не надо... врачей... Меня убьют, понимаете! Найдут — и убьют, прямо сегодня, ночью... У них все схвачено...

— У кого — у них?

— Не знаю... долго объяснять...

Я даже застонала от злости! Только такого приключения на мою голову сегодня и не хватало. Но что-то заставило еще раз взглянуть на этого придурочного. На жертву мафиозных разборок он не походил. Обычный недотепа-интеллигент, одетый по

моде благословенно-застойных годов, худой, с воспаленными глазами. И насмерть перепуганный. Представила себе выволочку, которую получу от Павла, втык, который заработаю от Риты, чертыхнулась про себя и сказала:

— Живо в машину. Поедем ко мне, а там разберемся.

К сожалению или к счастью, он безропотно полез в салон и там затих. Только вздрагивал время от времени всем телом — как собака во сне.

— Как вас зовут? — спохватилась я, выволакивая своего подопечного из лифта. То есть продолжала собирать абсолютно не нужную мне информацию. Дурацкая привычка, между прочим.

— Кеша, — пролепетал он. — То есть, конечно, Иннокентий.

— Очень приятно, — буркнула я. — Заходите, раздвайтесь...

Кеша смотрел на меня глазами затравленной газели.

— Ах да, простите, я хотела сказать: снимайте куртку!

Но он и на это оказался не способным. Пришлось самой стащить с него перепахканную и порванную тряпку, бывшую когда-то "верхней одеждой", и оттащить в ванную комнату. Там заставила его позволить мне снять с него свитер и рубашку и обнаружила, что все не так страшно, как представлялось. Пуля прошла навывлет через левое предплечье, кость, вроде, была цела. Крови, конечно, вытекло изрядно. Кеша уже был бледно-салатового цвета и мало что соображал.

Промыла и перевязала ему рану. Вот уж не думала, что походно-полевые навыки мне когда-нибудь пригодятся в Москве! Дала своему пациенту старую пижамную куртку, которую надеваю, выходя на балкон, и отвела в большую комнату. Достала из бара остатки коньяка и заставила выпить залпом, как микстуру.

Спиртное на него подействовало почти мгновенно и совершенно неожиданно. Он вцепился мне в руки и быстрым шепотом изложил довольно связную, но совершенно фантастическую историю. Главным было одно, и это он повторил раз десять с маниакальной настойчивостью: мы должны немедленно ехать спасать его сына Петеньку и еще какую-то бабу Катю. На моей машине это можно сделать мгновенно, пока "те" (преследователи, надо полагать) думают, что Кеша сам увез Петеньку из дома, и ищут его в другом месте. А мы их быстренько заберем и спрячем...

— Где вы собираетесь их прятать? — не выдержала я наконец.

— Где-нибудь, — "доходчиво" объяснил мне Кеша.

И тут я неизбежно поняла, что опять придется огорчать Павла и лезть в "неженское дело". Если не я, то кто? Другой такой идиотки просто не отыщется в радиусе ближнего зарубежья.

Мне удалось не только узнать точный адрес Петеньки и бабу Кати, но даже получить относительно связные инструкции. Через парадный ход идти не рекомендовалось, там наверняка засада. Нужно было зайти со двора, подняться по водосточной трубе до второго этажа (там разбито окно), попасть на черную лестницу и подняться на последний этаж. Там дверь на кухню открыта и даже петли смазаны — Кеша, судя по всему, был не так прост, как мне показалось. В квартире найти Екатерину Павловну — бабу Катю, передать ей записку, забрать Петеньку (и старуху, если та согласится) и...

— Привезти их сюда, — закончила я. — А там что-нибудь придумаем. Ладно, сейчас что-нибудь съем, переоденусь и поеду. Лежите тихо, дверь никому не открывайте, к телефону не подходите. Если что-то случится — хотя, по-моему, хватит приключений, — позвоните вот по этому номеру, спросите Пал Пальца, скажете, что от меня. Он что-нибудь придумает. Кстати, меня зовут Верой. Верой Ивановной. И вам крупно повезло, что я вас, во-первых, не переехала, а во-вторых, что я не боюсь вы-

соты и умею лазить по водосточным трубам. Кстати, как ваш Петенька будет по этой трубе спускаться? Про бабу Катю даже не спрашиваю.

Похоже, голова у него почти не пострадала: он даже усмехнулся.

— Петеньке полтора года, его придется нести на руках. А спускаться по трубе не нужно: дверь внизу закрыта изнутри на засов, а не заколочена. И не сердитесь на меня, Вера Ивановна. Если бы не Петенька, я бы вас ни о чем не просил. У меня, кроме него...

Звонил телефон — и Кеша прямо-таки подскочил от испуга. Да, досталось юноше, судя по всему, изрядно...

— Вера? — услышала я Пашин голос. — У тебя все в порядке?

— Абсолютно. — Я изобразила в трубку сладкий зевок. — Сейчас ложусь спать. Устала, как собака.

— Ты хоть ела что-нибудь?

— Естественно, как всегда. Я тебе завтра позвоню, ладно?

— Ты не одна? Извини...

— Здравствуйте! Конечно, одна и безумно хочу спать. Пока.

— Пока, — холодно ответил мой друг. Ничего, переживет. Не будет лезть в душу без приглашения. Я пошла переодеваться: есть у меня одежда специально для таких случаев. Несколько лет тому назад увлекалась каскадерством, даже в паре фильмов снялась. Вот и пригодилось.

Из прихожей крикнула Кеше, что ухожу. Он что-то там вякнул, но возвращаться и переспрашивать не хотелось.

Во-первых, примета нехорошая, а во-вторых, терпеть не могу, когда мужики плачут.

Глава 3. Павел Шервуд

Вера никак не может понять, что способна ввести в заблуждение кого угодно, только не меня... Тридцать лет знакомства и двадцать вполне осознанной любви к ней сделали меня просто "вероведом". Я-то знаю: когда она врет, у нее совершенно особенный голос — предельно искренний...

Все ее зевки по телефону, тон оскорбленной невинности, смертельное желание спать были откровенным враньем. Слишком правдивые интонации звучали в ее репликах. Ну, очень убедительные...

Хуже всего было, что скрывали от меня не мужчину — тут готов побиться об заклад на что угодно. Не утаила бы Вера ни интрижку, ни внезапное страстное чувство к какому-нибудь прекрасному незнакомцу. Значит, моя дорогая подруга вляпалась в очередное приключение и прекрасно знает, что я его не одобрю. Поэтому врет.

Не в моих привычках следить за ней, но в этот вечер мне стало как-то особенно не по себе. До одиннадцати просидел я в своем кабинете Московской прокуратуры на Новокузнецкой, пытался разобраться с текущими делами. А после разговора с Верой понял, что поеду не в свою холостяцкую обитель, а к ней. То есть не в гости, конечно, а к ее дому. И постараюсь на месте разобраться с ситуацией. Я же все-таки сыщик, хоть и в прошлом. Но "прошлых" сыщиков не бывает.

Привычные действия, которые совершаются каждый раз, когда собираешься сесть в машину, заводишь ее, проезжаешь первый десяток метров, немного отвлекли от тревожных мыслей. Потом мысли вернулись, а вместе с ними пришло то, во что никто из моих друзей, а тем более коллег, никогда не верил и не верит: чувство близкой опасности, не раз спасавшее меня в чрезвычайных ситуациях.

Что на сей раз затеяла Вера? Гадать абсолютно бесполезно, поскольку ответ был однозначным: все, что угодно. Эта женщина могла случайно оказаться замешанной в ограблении сберкассы, кинуться в пылающий дом на последний этаж спасать чью-то любимую кошку, перейти по карнизу с окна на балкон, чтобы подруга могла попасть в запертую квартиру с забытыми внутри ключами...

Бывало и хуже, хотя обычно я узнавал об этом, когда самое страшное было уже позади. Но пару раз приходилось вытаскивать ее из крупных неприятностей, которые могли бы обернуться куда большими сложностями — до тюрьмы включительно. Самое удивительное, что попадала она в такие переделки помимо своей воли и исключительно бескорыстно.

Однажды, например, по доброте душевной помогла уехать с места преступления убийце-рецидивисту. Как он ее оставил в живых, не понимаю по сей день. До суда дело не дошло: парня поймали через неделю и на радостях согласились забыть кое-что из предыдущих событий. Вечное Веркино везение...

Вера — мой добровольный крест. Такой же, как моя фамилия. Я уже устал объяснять, что происхожу из обрусевших немцев. А когда прочитал где-то, что фамилию Шервуд носил человек, "заложивший" царю Николаю I все тайное общество декабристов, вообще перестал что бы то ни было объяснять. Стукачей не жалуют ни преступники, ни сыщики, и числиться его потомком как-то не хотелось. Уж пусть лучше считают евреем.

Когда в первый раз сделал Вере предложение, она сказала, что не сможет выйти за меня замуж по двум соображениям. Во-первых, не готова исполнять роль безмолвной и хозяйственной мадам Мегрэ. По ее представлениям, именно так я и мыслил свою жену. Во-вторых, сочетание "Вера Шервуд" для нее, видите ли, неблагозвучно. Вот так два моих креста слились в одну — весьма могучую! — тяжесть.

Мысли мои невеселые прервал резкий свисток и мелькнувший где-то сбоку светящийся жезл: моя милиция меня бережет по-прежнему... Переулочек... Обычно темный, сейчас был ярко высвечен фарами двух милицейских машин. Удостоверение следователя-важняка произвело нужное впечатление: из категории подозреваемых — безразлично в чем — меня сразу же исключили.

— Проблемы? — спросил я, уверенный, что вразумительного ответа не получу.

— Да нет, мелочь, хотя с другой стороны... — Лейтенант помялся. — Нам позволили, вроде бы здесь стрельба, две машины столкнулись. А на самом деле ни машин, ни стрельбы. Сбили кого-то, судя по всему. Вот видите, лужица крови, а перед ней четкий след. Тормозной. Но пострадавшего нет, а определять по отпечаткам шин машину...

На эти отпечатки я посмотрелся недели две тому назад, когда на ее "Волге" мы ездили за город. Угодили в такую грязь, что битых полчаса пытались выбраться на сухое место. Это удалось сделать только потому, что один из моих приятелей-умельцев в свое время поставил на Веркину древнюю тачку форсированный мотор. И теперь она могла развивать скорость не хуже гоночной, а тяга была отменной, как у джипа. Она потому иномарку не покупала, хотя возможности, как говорится, имеются... Пижонка наоборот!

— Да, дело гиблое, — поддакнул я милиционеру, кивнул и сел обратно в машину.

На самом же деле для меня все стало кристально ясным. Вера сбила кого-то, скорее всего, по его же собственной вине, подобрала и в лучшем случае отвезла в больницу. Значит, завтра мне придется объясняться с коллегами — специалистами по дорожно-транспортным происшествиям. В худшем же (а, скорее всего, так оно и

произошло) — повезла пострадавшего к себе на квартиру. А уж тут прогноз стало вилась маловероятным.

То есть можно предположить все: от необходимости найти солидную сумму для компенсации телесных повреждений до... до чего угодно! Например, очередного романа, поскольку налицо имелся очередной "несчастенький", то есть излюбленный Верой тип мужчин. Я развернулся и поехал домой. Судя по телефонному разговору, во мне она в данный конкретный момент не нуждалась. А романы — это без меня.

У Веры есть непогрешимый талант: выбирать людей, которые в качестве спутников жизни ей не подходят абсолютно. Хотя не знаю, кто в принципе мог бы подойти. На начало романа мужик должен быть как можно более неустроенным и неприкаянным — в идеале бездомным и пьющим непризнанным гением.

Эта женщина начинает делать из него человека, ухаживает за ним, как за больным и капризным ребенком, устраивает на работу, поддерживает материально. И вдруг (момент предугадать невозможно) начинает страстно желать, чтобы ее партнер превратился в супермена-интеллектуала, носил бы ее на руках, снисходительно говорил бы "глупышка моя" и мимоходом неплохо зарабатывал, будучи уже признанным гением. Даже если мужик может все это осуществить, он категорически не желает, поскольку уже избалован Верой до посинения.

Но — главное! — тот же самый супермен должен, как только Вере надоест быть "глупышкой", снова превратиться в ребенка и послушно сидеть с соской во рту и с очередной погремушкой в руках. Сидеть по возможности тихо и не мешать любимой женщине самовыражаться. Не знаю, кто способен на такие метаморфозы...

Потом она страшно переживает: "Ах, ох, никто меня не понимает!" И снова находит какого-нибудь "несчастенького" ... И так до бесконечности. Возможно, собственный ребенок ее бы успокоил. Но Вера-то утверждает с безумно подкупающей искренностью, что лишена материнского инстинкта. Я единственный понимаю: врет! Остальные, естественно, верят.

Внезапно мне пришла в голову очередная мысль: если эта умница кого-то действительно сшибла и привезла к себе домой, то, возможно, требуются моя помощь и поддержка. Как бы она ни храбрилась. А я, ревнивый идиот, зациклился на предсказании очередного ее романа...

Срочно развернулся и поехал назад, к Вере. Во дворе увидел, что знакомая "Волга" стоит на обычном месте. Достал из "бардачка" фонарик и пошел уничтожать улики, даже не сомневаясь в их существовании. Внимательно осмотрел передние колеса, капот, крылья. Ничего... Это показалось странным. Заглянул в салон. Там на заднем сиденье мне померещились какие-то темные пятна. И тут вспомнил, что постовой говорил о какой-то якобы стрельбе. По-видимому, перестрелка была. И, наверное, Вера подобрала раненого. А вдруг одного из участников мафиозной разборки? Чувство близкой опасности стало нестерпимо щемящим.

Подняться к ней? Что-то мешало: наверное, чувство, что этого делать пока не следует. Во время нашего телефонного разговора она явно была не одна. Но ни помощи, ни совета не попросила. Почувствовала бы неладное, наверняка нашла бы способ об этом сообщить.

Вернулся к себе в машину и связался по рации с дежурным по городу. Попросил назвать случаи перестрелок за ночь. Их оказалось около десятка, но все довольно далеко от Вериного дома. Из серьезных же происшествий было зарегистрировано только единственное: вооруженное нападение на офис одного из коммерческих банков. Убит охранник, ранен, причем достаточно тяжело, вице-президент банка.

(Он-то что там ночью делал?) Сейф в его кабинете оказался открытым, но не взломанным и абсолютно пустым. Преступников задержать не удалось.

Надеюсь, что ни этот вице-президент, ни президент не окажутся друзьями кого-нибудь "наверху". Иначе это дело тут же станет "особо важным", хотя на самом деле может быть просто "шалостью" местной шпаны. Или разборкой своих со своими. Но все равно мне постоянно будут звонить по всем телефонам (если дело попадет ко мне) и подгонять, и намекать, и подстегивать... Я-то привык, а вот мой помощник, Саша Чернов, начинает дико нервничать, суетиться и пороть горячку. Единственный его недостаток — боится начальства. В остальном просто бесценный сотрудник.

Как же мы, чудачки, не ценили прежнюю жизнь! Песенки пели: "Наша служба и опасна, и трудна..." Конечно, и тогда была не сахар. Но стрельба в центре Москвы?! Да это ЧП, обвал, преступников находили и обезвреживали в считанные часы. Ну, дни... Да, вооруженных уголовников было раз-два и обчелся. И если уж наша славная карательно-розыскная машина разворачивалась на полную катушку, успех был обеспечен. Да просто неизбежен.

Теперь, похоже, огнестрельное оружие имеют все, кроме тех, кто непосредственно сталкивается с преступниками. У меня, конечно, пистолет есть, "Макаров", ношу его под мышкой... Но если придется им пользоваться, то писанины будет вагон и маленькая тележка. Почему стрелял, почему не отбил голыми руками и т. п. То есть совсем как раньше, когда применение оружия оперативником было тоже ЧП. Так что ношу, но пока в ход не пускал.

А если это она кого-то подстрелила, а потом испугалась и потащила к себе домой? Нет, версия не годится: сам же видел тормозной след, обрывающийся прямо у темной лужицы на асфальте... Конечно, можно выстрелить и на ходу, но при этом обычно не тормозят... Интересно, узнаю ли когда-нибудь, что произошло на самом деле? И не будет ли уже слишком поздно?

Время, между прочим, было уже скорее раннее: около пяти утра. Со всеми этими метаниями туда и обратно, с осмотром места происшествия и Вериной машины забыл посмотреть на часы. А теперь версии выстраиваю, вместо того, чтобы подняться к ней и без затей выяснить, что произошло.

Потянулся к дверце и тут увидел, что из подъезда вышла... Вера. Уж ее-то ни с кем не спутаю. Одета — мои худшие подозрения начали сбываться! — в свой безумный каскадерский костюм, который, как ей кажется, способен защитить ее от травм. А на деле разве что от простуды...

Она побегала к машине, открыла дверцу и скользнула за руль. Я включил зажигание через секунду после нее. И тут же вспомнил про форсированный двигатель. Сейчас по пустым улицам она даст такую скорость, что за ней на "ягуаре" не успеть — куда моим "Жигулям"!

Так оно и произошло. Потерял я ее уже за вторым поворотом. Куда могло понести эту ненормальную, да еще в идиотском костюме, абсолютно неизвестно. Оставалось только одно: подняться в квартиру Веры и дожидаться там ее возвращения. Попутно попытаться выяснить, что произошло и происходит, хотя бы с помощью телефона. Ох, Вера, Вера, не живется тебе спокойно! И мне покоя не даешь...

Я запер машину, предварительно еще раз запросив сводку по городу — просто на всякий случай. К счастью, ничего, что могло бы меня заинтересовать, пока не произошло. По крайней мере, не обнаружено женских трупов, не влетела в аварию "Волга" марки "ГАЗ-24"...

На лестничной площадке постоял несколько минут, прислушиваясь, что происходит в квартире. Тишина абсолютная. И все-таки показалось, что там кто-то есть.

Странно, правда, что чувство опасности во мне немного ослабло. Не совсем ушло, а как-то притупилось. Кто бы там ни был — по ту сторону двери, он (или она) сам по себе серьезной угрозы не представлял. Для меня, во всяком случае.

Ключи у меня с собой были. Вера вечно их теряет или забывает где-нибудь. Поэтому, когда примерно четыре раза в году помогаю врезать новый замок, то непременно делаю для себя три дубликата — на всякий случай. Когда мой запас кончается, замок вышибается и ставится новый. Последний раз это произошло меньше месяца назад, так что весь НЗ мы еще не успели израсходовать.

Решил нажать кнопку звонка. Черт его знает почему. Скорее всего, хотел убедиться в своей излишней мнительности. Или, наоборот, выманить поближе к входной двери того, кто мог быть в квартире, или подтолкнуть его на какие-то действия.

У нас с Верой давным-давно заведено: два длинных, три коротких. Что-то вроде пароля-приветствия. Выудили из какого-то иностранного фильма про шпионов еще в институтские годы, и нам это тогда страшно нравилось. А потом — привыкли. Так до сих пор друг другу в дверь и звоним: "та-а, та-а, та-та-та".

Не знаю, чего, собственно говоря, я ждал. Но вовсе не того, что произошло. Послышались какие-то шаркающие шаги, неумелые руки завозились с замком, дверь резко распахнулась. Я увидел высокую и худую фигуру мужчины, который тоже ожидал явно не меня. Фигура слабо ахнула и как-то нелепо взмахнула рукой. Показалось, что блеснуло лезвие, и я пустил в ход газовый баллончик...

Минут через двадцать мой "крестник" со стоном заворочался на диване, куда я его предусмотрительно перетащил после беглого обыска. На преступника, тем более на крутого мафиози, он явно не тянул. Он открыл глаза, с ужасом покосился на кухонный ножик, лежавший на столе, и очень по-детски спросил меня:

— Вы кто?

— Павел, — ответил я, отнюдь не расположенный к дальнейшим откровениям. Как ни странно, даже этого оказалось достаточно, чтобы он побледнел еще больше и с ужасом прошептал:

— Вера говорила, вы будете сердиться...

Вера говорила! Совершенно правильно. Мне оставалось только узнать, что она затеяла на сей раз, чтобы рассвирепеть всерьез. И не только на нее, кстати, но и на этого безымянного типа, мало того что обнаруженного в ее квартире, так еще и со сквозным огнестрельным ранением. Уж ран я за свою биографию навиделся — не честь, тип определяю сразу, что твой доктор.

Глава 4. Иннокентий Уваров

Если я каким-то чудом останусь в живых после всей этой заварухи, никогда больше не полезу не в свое дело. Даже если мы с Петенькой будем умирать от голода. Уж лучше от голода, чем от пули или от страха.

Конечно, можно во всем обвинить Ларочку. Это проще всего, и об этом баба Катя мне твердит сто раз на дню. Но мне-то кажется, она невзлюбила мою бывшую жену просто из-за ревности. Пять лет после маминной смерти мы с бабой Катей жили вдвоем, она обо мне заботилась, никто мне не был нужен. И вдруг — Лариса. Впрочем, то же самое было бы с любой другой женщиной: характер у Катерины Павловны сложный. Пять лет лагерей, десять — жизни на Кольском полуострове, потом двадцать с лишним хоть и в Москве, зато с профессиональным алкоголиком в качестве мужа.

В лагерь баба Катя угодила по обыкновенной глупости: четырнадцатилетней девчонкой опоздала на работу. Проспала. Нам такое себе представить дико, а тогда

в порядке вещей: прогул — пять лет тюрьмы. С последующим поражением в пра-вах. Хорошо жили, а главное — весело.

Потом, когда супруг два раза в месяц — в аванс и в получку — лупил ее смерт-ным боем, моя мама пыталась вмешаться: "Катюша, он же тебя убьет, как ты мо-жешь терпеть?" Баба Катя только усмехалась: "Охрана в лагере не убила, а у благо-верного кишка тонка. Да и два раза в месяц — не каждый день. Ништо, выживу. Су-ку палкой не убьешь". Действительно выжила, и мужа схоронила, и маму мою в по-следний путь проводила. Характер, конечно, испортился, но если бы не баба Катя, не знаю, как бы я с Петенькой управился.

А Ларочка вовсе не плохой человек была — легкий. Любила жить легко: чтобы цветы, шампанское, красивые платья. И я не осуждаю ее, наоборот. Разлюбила — и ушла, честно, не обманывая. Спасибо, что Петеньку мне оставила: она молодая, ес-ли захочет, родит еще, а у меня, кроме сына, никого больше не будет. Однолюб я, наверно. А если честно, то женщин побаиваюсь: если бы она тогда, в парке, не за-кричала: "Помогите!" — я бы к такой красавице близко не подошел. На кой я ей сбился?

Конечно, когда она ушла, мне было тяжело. Но ведь сын у меня остался, рабо-та. И если бы не все эти дурацкие нововведения: конверсия, вхождение в рынок, то-се, моей зарплаты бы на все хватало, и жили бы мы с Петенькой припеваючи. Но ес-ли шестьдесят тысяч в месяц, да и те не платят — денег нет, а на молоко и хлеб в день около тысячи нужно выложить, поневоле задумаешься, как дальше жить. За мои самодельные будильники-таймеры да транзисторы много не давали, а на что-то более серьезное ни времени, ни сил не было. И так ради пяти-семи тысяч нужно было весь день на Тишинке простоять. В любую погоду. А там все продают и почти никто не покупает.

А в тот день, помню, у меня вообще ничего не купили. Вечерело, а я все стоял, ждал. На лица давно уже не смотрю — не интересно. В основном, на ноги: кто во что обут. Ботинки о человеке многое могут поведать: о характере, о достатке и об ином прочем.

Вот стою себе, и вдруг передо мной пара шикарных мокасин. Американских. Но-вехоньких. Я голову поднял. Тут-то он меня окончательно признал. А я его вспом-нил.

Мы с Севкой на работу одновременно пришли, в один отдел. Я со своим крас-ным дипломом, а он — по протекции какого-то дядюшки, важной шишки в нашем министерстве. Балабон был Севка жуткий, и ни одного задания никогда не мог до конца довести. Зато организовать, достать, выбить — равных не было. В конце кон-цов выбрали его в местком, и сделал он там головокругительную карьеру. В итоге перешел в ВЦСПС, и больше мы не встречались.

Севка очень изменился, я бы его первым никогда не узнал. Когда-то был худю-щий, почти как я, только на голову ниже. Шустрый, вертлявый. Баба Катя, когда его в первый раз увидела, определила, как припечатала: "Шпынь". Так вот этот самый "шпынь" превратился в ухоженного и выхоленного мужика. К тому же хорошо упи-танного и одетого с иголкой. Раньше костюмы его мало занимали.

— Старичок! — завопил он на всю толкучку. — Какого этого самого ты здесь де-лаешь? Сто лет не виделась, пошли отпразднуем!

— Не могу, Севка, — попытался я открутиться. — Дома будут беспокоиться, да и с монетами у меня негусто, нужно хоть что-то продать сегодня. Так что извини, в дру-гой раз.

— Монеты, старичок, — что навоз. Сегодня нет, а завтра — воз. Не бери в голо-ву, на выпивку у меня хватит. Собирай свои товары народного потребления — и пой-

дем. Что это ты продаешь? Сам, что ли, сделал? Ну да, ты же все мог соорудить, хоть космический корабль из консервной банки, хоть радиолу из табуретки.

Севка трещал без умолку и не дожидался моих ответов.

— Значит, так, старичок, эту партию я у тебя покупаю оптом. Почему штука? По две? Ты офонарел, по пять — и то даром! Вот тебе двадцать тысяч, закрывай лавочку — и по коням. Душа горит, да и поесть было бы неплохо. Ну, и за встречу за нашу, а как же! Было время, славно гудели. Сейчас, конечно, уже не те силы, но пробуем... Давай, давай собирайся.

Севка кое-что перепутал: "гудел" он больше с девочками да с начальством — на халюву. А ко мне приходил то за трешкой до получки, то за сигаретой, то за алиби для безумно ревнивой своей жены. Предполагалось, что вечерами мы с ним у меня "работаем над совместным изобретением". Но единственной его идеей, которую я осуществил для него и, надо сказать, ради него и с его почти конкретной помощью, было создание так называемого "суперключа", то есть устройства, с помощью которого можно было открыть все: от стандартного дверного замка до кодового сейфого.

Как-то Севка примчался ко мне бледный и перепуганный и сообщил, что у него стащили ключи. Всю связку, в том числе и от месткомовского сейфа. Он сплел какую-то леденящую душу историю, но я понял так, что Севка "позаимствовал" из казенных денег энную сумму, собираясь, правда, честно положить на место попозже. И вот тут-то у него ключи и пропали. А через неделю вернется из отпуска месткомовский казначей со своими ключами, и тут-то недостача и всплывет. Режим "почтовых ящиков" был достаточно суровым, а уж подобные шалости с деньгами вообще не поощрялись. На Севку было жалко смотреть, и я, просидев трое суток, сконструировал что-то вроде электронной отмычки. А поскольку моему приятелю в руки и молоток-то нельзя было давать — испортит, то я после работы пошел и открыл ему этот злосчастный сейф. И сам же потом закрыл. Под бурное Севкино ликование.

Все тогда обошлось, поскольку никто ни о чем не узнал. Севка клялся в вечной признательности, обещал "не остаться в долгу", да, видимо, замотался — забыл. Впрочем, никакой признательности я не ждал, зная характер этого балабона. Сам давно все забыл — да вот увидел Севку, и само вспомнилось.

А он все трещал и трещал. Мы уселись в его машину (я не очень разбираюсь в марках, то ли "БМВ", то ли "мерседес") и куда-то поехали... У меня голова пошла кругом от Севкиной болтовни. Понял только, что из профсоюзозов он вроде бы ушел и основал свое дело. Какое, понятия не имею, хотя он и распинался про это довольно долго. Вроде бы третий раз женат или второй раз развелся? В общем, все то же самое: "я", "мне", "моя"... Но если раньше хвастался поездкой в Сочи с секретаршей шефа, то сейчас — отдыхом на неких островах с некой Викой. Предполагалось, что я должен эту Вику знать, поскольку "ее все знают, старичок, не прикидывайся". Да, Севка, он и на Багамах Севка. Или на Бермудах...

Он привез меня в какой-то погребок на Арбате. Понятия не имел, что в нашем городе есть такие местечки, как в кино из "ихней" жизни. Да и закусок подобных отродясь не пробовал, не говоря уже о выпивке. Конечно, меня позорно развезло. Но даже не от тепла и сытости расслабился — от того, что кого-то мои проблемы взволновали. А Севку они заинтересовали, да еще как! Он даже подобрался весь, будто боялся слово пропустить. Мне показалось, что зря я его так: балабон, балабон. Слушает, сочувственно спрашивает, в рюмку подливает, кивает...

Ну и рассказал ему, чего никогда никому не рассказывал. О том, как тоскую по Ларочке, как тяжело с маленьким ребенком без матери, как на работе не платят, а

все дорожает. В общем, разнюнился. Севка же все выслушал, помолчал, а потом сказал:

— Значит, так, старичок, положение, конечно, хреновое, но не безнадежное. Все упирается в отсутствие бабок. А будут бабки — будут и бабы, не журишь. Ладно, шу-чу! Но руки-то при тебе, голова на месте, остальное приложится. Если, конечно, чуть-чуть помочь. Вот я тебе и помогу, за мной старый должок, помню. Кстати, мож-но этот твой суперключ запатентовать.

— Кому он нужен? Да и нет у меня денег на это...

— Я же говорю, все упирается в отсутствие бабок. А кому нужен суперключ? Да всем нужен — от уборщицы до взломщика. Шутка, старичок! Но серьезно, подумай, может, еще чего изобретешь. А вообще-то мне верный человек нужен. Сейчас таких днем с огнем не найдешь, все только и думают, как бы другого скарчить. Поможешь мне пару проблем решить, в долгу не останусь...

Я был еще достаточно трезв, чтобы забеспокоиться:

— Какие проблемы, Севка?

Он коротко хохотнул:

— Не бойсь, мой маленький, технические. Починить нужно кое-что, отладить. Договор составим, чин чином. Тебе денежка будет капать, не придется на Тишинке торчать. А мне польза и спокойствие. Годится?

Вроде бы, все было чисто и нормально, но не лежала у меня душа к сотрудничеству с Севкой, обещал подумать. Отвез он меня домой. А через три дня позвонил на работу, предложил встретиться: мол, дело есть. Про себя решил: будет втягивать в сомнительные махинации, пошло куда подальше. Но он просто попросил починить какой-то импортный будильник с восемью мелодиями. Дал аванс — десять тысяч, попросил расписку. Опять вроде бы все нормально, а на душе кошки скребут. Починил за один вечер. Но никаких своих координат мне Севка не оставил. А сам не объявлялся. В субботу опять пошел на Тишинку и... нарвался. До сих пор все было тихо-спокойно, а тут привязалась какая-то шпана, начали задираться, переломали поделки, синяков наставили. И посулили: сунешься еще — уьем. А на следующий день Севка позвонил. Рассказал ему про свои злоключения, он с ходу предложил:

— Слушай, старичок, нет худа без добра. Тут я тебе постоянный приработок наш-ел и еще одно разовое дельце. Давай подгребай после работы к метро, я тебя там перехвачу. Все сразу и обсудим за рюмкой... чая.

Повез он меня опять в какой-то тихий кабак. Первым делом я ему будильник вернул — починенный. А он мне — опять десять тысяч и опять расписочку подсовы-вает. Ну, в общем, правильно, денежки счет любят. Только сам какой-то озабочен-ный, чтобы не сказать смурной.

— Случилось что? — спрашиваю.

— Знаешь, старичок, ты будешь дико смеяться, но история повторяется. Я посе-ял ключи. От офиса и от сейфа. Да, разгильдяй, но кого это колышет? А президент нашего банка, не делай больших глаз, я вице-президент коммерческого банка, еще в первый раз тебе сказал, так вот, президент отвалил на месяц за границу вместе со своими ключами, понятное дело. Старичок, все встало, веришь? Ни договор подпи-сать, ни зарплату сотрудникам начислить. У нас в офисе сейф, как в родном местко-ме, — железный сундук с замком. Поедем со мной завтра вечером. Я скажу охран-нику, что ты слесарь, будешь чинить сейф. Откроешь — и все, свободен. А с меня еще десять штук плюс постоянный приработок. Лады?

Ситуация вроде бы нормальная, хоть и не совсем, конечно... Потеря ключей вполне в стиле Севки, это мы уже проходили. Почему только все это нужно было де-лать вечером, да еще в пятницу? Впрочем, хозяин — барин. Ладно, сделаю Севке

одолжение и, наверное, плюну и на него, и на гипотетический "постоянный прибороток". В конце концов он меня здорово выручил в последние недели. И на Тишинку дорога закрыта.

Одним словом, в назначенный день и час вышел из дома. Петенька уже спал. Бесценная баба Катя сидела с ним. А я отправился на встречу с Севкой к его офису — аж на другой конец Москвы: от метро "Ботанический сад" десять минут пешком.

Севкина контора, точнее, офис банка "Кастор", как значилось на вывеске, арендовала две комнаты у какого-то бывшего "почтового ящика", вроде моего. Когда подошел к крыльцу, откуда-то из темноты вынырнул мой приятель. А я даже не заметил его роскошной иномарки, неужели пешком пришел? Севка сухо кивнул мне и позвонил у входа. Через пару минут дверь открыл здоровый амбал-охранник. Всмотрелся и изобразил что-то вроде улыбки:

— А, Всеволод Эмильевич! Как договаривались, значит? А где ваш слесарь?

Севка указал на меня кивком головы. Охранник мазнул безразличным взглядом и махнул рукой — проходи, мол. Я его не интересовал абсолютно, это было ясно. Он остался с Севкой в приемной, а я прошел в следующую комнату, где действительно стоял очень примитивный сейф, хотя и разукрашенный под ампир или барокко — черт их разберет. Стильный, одним словом, показушно дорогой.

Открыть его было делом плевым, но прежде чем начать, все-таки внимательно осмотрел — бывают и наружные ловушки, как завоюет на всю округу! Нет, нормально. На сейфе декоративная ваза с сухими ветками, которую я переставил на стол. А за вазой... Чебурашка. Маленький, с ладонь, пушистый, совершенно такой, как у Петеньки. Я машинально взял игрушку в руки... Потом опомнился и достал свой суперключ. Как и думал, сейф открылся "на раз". Но...

Но был он абсолютно пуст! Ни бумаг, ни денег, ни-че-го! Я не поверил своим глазам и какое-то время стоял, тупо уставившись на железные полки. Потом понял, что надо звать Севку: дело нечисто. И в тот же момент услышал, как к дому подъехала машина, щелкнула дверца, и раздались уверенные шаги. А за ними — не менее уверенный и очень ироничный незнакомый мужской голос:

— Всеволод Эмильевич? Какими судьбами? Вы, кажется, вчера отбыли за рубеж проветриться. Передумали? И что у вас вообще тут происходит? Подумайте над ответом, а я пока возьму записную книжку, забыл на столе.

Я успел сделать только несколько шагов к двери, как она распахнулась. В проеме обозначилась мужская фигура. И в тот же момент раздался выстрел. Такого жуткого крика никогда в жизни не слышал! Бросился к двери, мимо этого страшно кричащего, падающего человека, и, словно во сне, вижу охранника, развернувшегося к входной двери, спиной ко мне. Наверное, он выстрелил, не знаю, но он рухнул, как подкошенный, а я вслепую, не соображая, что делаю, бросился мимо него на улицу, в какие-то кусты... Наткнулся на забор, перемахнул через него, бежал, свалился в какую-то яму, с трудом оттуда выбрался... В общем, кто-то мне ворожил, потому что все-таки добрался до метро. В голове билась только одна мысль: бежать, бежать домой, к Петеньке, пока не приехала милиция... Не помню, как добрался до дома, где делал пересадку, как ехал. Не помню. Главное, что добрался до собственного подъезда. А около него стояла... Севкина машина. Зачем он сюда приехал? И как его милиция не задержала? Ведь там стреляли...

Как загипнотизированный, подошел к машине и увидел... направленный на меня пистолет. А холодный, жесткий голос, отдаленно напоминавший Севкин, произнес:

— Смыться хотел, Кешенька? Выкладывай сначала то, что взял из сейфа. Потом — свободен. Пикнешь — трупом будешь. Третьим — с теми, в офисе...

Глава 5. Снова Иннокентий Уваров

Я не испугался, даже не удивился. Просто все это напоминало сцену из какого-нибудь дурацкого американского боевика. А Севка никогда не был для меня ни гангстером, ни тем более суперменом. В следующую минуту я дико разозлился. На идиотскую ситуацию, на Севку, на себя, дурака.

— Твой сейф, если он, конечно, твой, — произнес я резким, прямо хамским тоном, — успели обчистить раньше. Он был абсолютно пуст, понимаешь, Аль Капоне зачуханный? Пуст! И все: разбежались, как кораблики, тем более, что ты вообще за границей, оказывается, а мне снишься в кошмаре.

И повернулся спиной. Да плевать на его пистолет! Но Севка вцепился мне в руку, как клещами:

— Пуст? Да? Из-за пустого сейфа ты пристрелил охранника и вице-президента банка? Это будешь рассказывать следователю, если он еще захочет слушать. А мне голову не морочь, я все это видел! Допускаю, что в сейфе не было денег. Но бумаги или кассеты, фотопленки, наконец, были. Точно знаю! Отдавай то, что взял, и мы квиты. Понял?

— На, обыскивай! — заорал я, уже не думая о возможных свидетелях-соседах. — Выверни все карманы, в трусах не забудь пошарить — где там еще преступники краденое прячут? Убедись, что ничего нет, и отвали. Все! И кого я могу убить, если у меня пистолета сроду не было и стрелять не умею? Совсем спятил?

— Нет, Кешенька, не совсем. Ты так рванул с места, что я за тобой на машине не поспел. Но какое-то время у тебя было. Ты мог это спрятать где угодно по дороге. Или это у тебя, но не хочешь отдавать. А за деньги, на которые ты расписки мне давал, можно и научиться стрелять, и убить кого угодно...

— За двадцать тысяч? — хмыкнул я, чувствуя недоброе. — Ты все-таки полоумный...

— За двадцать тысяч... долларов. Читать надо то, что подписываешь, запомни — пригодится... может быть. В общем, даю тебе ровно двенадцать часов. Либо отдаешь то, что взял, либо... Приду к тебе уже не один. Очень на твоего сыночка кое-кто посмотреть хочет.

Меня пробрал внезапный озноб. Сволочи! Этим меня напугать можно, да еще как! Но ведь я и вправду не брал ничего из сейфа... Сцепил руки за спиной, чтобы Севка не заметил дрожи, и сказал:

— Ладно, а пока я пойду... Но сейф был пуст. Может, твой президент или тот, который приходил...

— Они бы не успели, да и не нужно было им это. Ну, ничего, один уже в реанимации, а со вторым разберемся попозже. А ты подумай: кража со взломом, два трупа. Поспрашивай, коли захочешь, в милиции, на сколько это все тянет. А пока — гуляй... старичок!

Севка демонстративно громко хлопнул дверцей автомашины и с места рванул чуть ли не под сотню километров в час. Я постоял немного... Ясно было одно: сначала надо отвести опасность от Петеньки. Увезти его... куда? Надо подумать. А пока... надо сделать вид, что уже увез! Звук мотора Севкиного лимузина замолк слишком быстро. Похоже, я на ходу обучался необходимым детективным премудростям.

Когда тихо вошел в квартиру, Петенька и баба Катя спали — каждый у себя. Я чуть не плакал, пока смотрел на Петеньку: из-за моей дурачности мальчишка может пострадать. Дурак, стоеросовая дубина, трижды осел! Связался с Севкой... Эх, да что теперь!

Петенька открыл глаза и сонно посмотрел на меня. Он привык, что всегда приношу ему подарки: хоть что-нибудь, хоть леденец... А сегодня пришел с пустыми руками... И тут обнаружил, что у меня в кармане лежит Чебурашка. По-видимому, случайно туда сунул, когда стрельба началась. Дал ему игрушку, и он, умиротворенный, закрыл глаза. Заснул со счастливой улыбкой, даже не заметил, что Чебурашка — другой.

А я пошел в кухню и начал готовиться к отходу. Теоретически дверь на черный ход у нас давным-давно заколочена. А на самом деле еще лет пятнадцать-двадцать назад, когда в нашем подъезде было полно мальчишек, мы устроили на чердаке что-то вроде клуба и потихоньку от родителей и соседей "распечатали" чуть ли не все двери. Ввели мы себя тихо, не выпивали — разве что чуть-чуть баловались куревом. Поэтому нас не обнаружили. Потом все поразъехались, выросли, а чердак и черный ход так и остались открытыми. Правда, на первом этаже дверь снаружи не открывалась. Изнутри была заперта на щеколду. Но выйти этим путем всегда было можно, а при желании — и войти. На втором этаже окно без стекла, сколько себя помню.

Отпер дверь на кухне и убедился, что петли не скрипят. Потом вернулся в комнату, взял старое Петенькино одеяло, которое мы ему подкладывали в коляску, и завернул в него чурбачок — один из тех, которые давно собирался превратить в подсвечник или что-нибудь в этом роде. В общем, со стороны должно было показаться, что на руках у меня ребенок. Взял этот узел, посмотрел еще раз на Петеньку и вышел из квартиры. Не удержал дверь — она хлопнула. Наверное, разбудил бабу Катю, да что уж теперь. Главное, обмануть тех, кто будет за мной следить, потом незаметно вернуться через черный ход и увезти Петеньку. У бабы Кати, вроде бы, есть двоюродная сестра под Рязанью. Вот туда мы и уедем. Или еще куда-нибудь...

Во дворе, на первый взгляд, было тихо, на улице — тоже. Только со стороны Ленинского проспекта доносилось ровное гудение машин. Вот туда я и задумал добраться, если по дороге не подвернется какая-нибудь случайная машина. И если ее водитель рискнет затормозить, увидев мужчину с ребенком на руках. Была не была! Все равно выбор не слишком богатый: погибнуть или любой ценой спасти сына.

Это произошло, когда я уже прошел, а точнее, пробежал полквартала. За спиной взревел автомобильный мотор и зажглись фары. Машина тронулась, но одновременно я влетел под арку проходного двора и помчался к выходу на другую улицу. Оставалось надеяться, что знаю свой микрорайон лучше любых бандитов. Если, конечно, они не слишком сообразительны...

Но они оказались хитрее, чем я думал, это выяснилось сразу же. Один выскок из автомобиля и побежал следом во двор, а второй поехал вокруг квартала, чтобы перехватить меня на улице. Мне просто повезло, причем так, как бывает раз в жизни.

На улицу одновременно вылетели: я, машина преследователей и еще какие-то не слишком новые "Жигули". Водитель "Жигулей", по-видимому, не был новичком и сумел решить очень сложную задачу: не переехать меня и не врезаться в первую машину. Это ему каким-то чудом удалось, хотя "жигуленок" прилично занесло, и он остановился в каких-то сантиметрах от меня.

Успел только заметить, что в "Жигулях" было двое мужиков. Пока они приходили в себя и подыскивали слова в мой адрес, распахнул заднюю дверцу, плюхнул свой сверток на сиденье и крикнул им: "Спасайтесь, бандиты!" Перепрыгнув через багажник, помчался дальше. Не знаю, что они подумали, но через секунду их ма-

шины и след простыл. А я рванулся в очередной проходной двор. Теперь главное было — оторваться от этих подонков и вернуться домой. Половина дела была сделана: я слышал, как тот, который бежал за мной, прокричал: "Он сунул своего щенка в машину!" Ключули...

Я знал, что от моей скорости зависело теперь все, в том числе и жизнь. Несся сломя голову, петлял, вылетал на улицы, снова уходил в проходные дворы. Оставалось совсем немного, чтобы добежать до конца Нескучного сада. А там проскочу через Дворец пионеров на Воробьевы горы, скачусь вниз к Москве-реке и берегом вернусь к себе. Фиг достанут!

Вот тут я, наверное, расслабился, да и от такой гонки звенело в ушах. Не услышал, как машина меня нагнала. И выстрела — первого — тоже. Почувствовал только: мимо головы что-то просвистело. Сразу же грохнул второй выстрел. Как будто железным прутом съездили по левому плечу. Последнее, что запомнилось, — стремительно надвигающиеся фары машины и истошный визг тормозов...

Очнулся от того, что какая-то женщина держала меня за плечи и пыталась приподнять. Она во что бы то ни стало хотела отвезти меня в больницу или вызвать "скорую". Не помню, что ей говорил, но когда снова ненадолго пришел в себя, оказалось, что она привезла меня к себе домой. Не помню ни подъезда, ни лестницы. Мы наверняка поднимались на лифте — не пешком же она меня тащила на девятый этаж!

Вдруг испугался, что эта незнакомка — тоже из Севкиной шайки и они решили заманить меня в ловушку. Испугался так, что уже ничего не соображал. Эта женщина вертела меня, как куклу: раздела, отвела в ванную, перевязала. Оказывается, меня ранили! А потом дала выпить, кажется, коньяка. И тут в голове прояснилось, все вспомнил. И понял, что не смогу вернуться за Петенькой, как собирался.

— Что с вами? — спросила незнакомка.

Понял, что остается одно — довериться ей, попросить о помощи. Я видел: у нее добрые глаза, и почему-то казалось, что она сможет спасти моего сына, спрятать его где-нибудь. А если скажет "нет", тогда надеяться уже не на кого.

Я объяснил ситуацию от начала и до конца, вкратце, без лишних деталей. Она слушала молча, только иногда скептически хмыкала. Но — верила мне, по глазам видел. Вдруг зазвонил телефон — я вздрогнул. Она сняла трубку и заговорила так спокойно и сонно, будто ее оторвали от скучной телепередачи. Объяснила кому-то, что безумно устала, сейчас примет ванну и ляжет спать. У меня оборвалось сердце — не поверила! Но когда разговор по телефону закончился, она энергично спросила меня:

— Ну, а куда нужно ехать-то и что там делать? И потом — ваша баба Катя выставит меня за дверь. Это в лучшем случае. И вообще может в квартиру не пустить, если изнутри на засов заперлась. И что тогда?

Пришлось объяснить про черный ход. Вера — теперь я уже знал, как ее зовут, — опять скептически хмыкнула. Но окончательно понял — поедет. И привезет! От нее исходило ощущение удивительной силы, хотя выглядела отнюдь не спортсменкой, а довольно хрупкой, женственной. И еще — была очень красива. Не как Лариса, но очень...

Мне было велено лежать тихо, к телефону не подходить, дверь открывать только на ее звонок: два длинных, три коротких. Оставила каких-то два номера телефона: на случай чего-либо непредвиденного. И тяжело вздохнула:

— Откуда вы свалились на мою голову? Ох, и рассердится же Павел, если узнает. Сегодня, конечно, уже ничего не будет — врать пока что не разучилась. Паша думает, что я сплю. Но потом...

— А вы ему не рассказывайте, — попробовал я ее утешить.

Вера посмотрела на меня с сожалением, как на недоумка.

— У него такая профессия, что ему все всё рассказывают. Даже если ничего не хотят говорить. Ладно, Бог не выдаст, друг не осудит. Пишите записку вашей бабе Кате. И перестаньте всхлипывать, мужчина!

Я даже не заметил, что плачу. Вера махнула рукой и ушла на кухню. Принесла пару бутербродов и чай. Забрала записку и ушла. Совсем. Только из коридора крикнула: "Пока!" И хлопнула дверью. А потом я, наверное, заснул — сказались и усталость, и физическая перегрузка, и коньяк. Да и плечо болело нестерпимо, так что через несколько минут отключился.

Ненадолго, как мне показалось, на мгновение. Закрыл глаза — и тут же услышал условный звонок. Вера вернулась! Слава Богу, сейчас здесь будет Петенька, а может, и баба Катя. Тогда уже все не так страшно.

Сильно кружилась голова, да и впотьмах в незнакомой квартире не сразу удалось сориентироваться. Благо, в коридоре горел свет. На всякий случай зажал в руке кухонный ножик. Несколько метров до входной двери дались с гораздо большим трудом, чем километры бега всего пару часов назад.

Все-таки справился с замком. Распахнул дверь, надеясь увидеть Веру с Петенькой на руках. Но вместо них в дверном проеме обозначилась фигура широкоплечего мужчины. Лица я не разглядел — не успел. Взмахнул рукой и... потерял сознание. От дикой боли в плече, а скорее от какого-то резкого и странно-го запаха.

Очнулся снова на диване. Рядом сидел незнакомый мужчина.

— Кто вы? — абсолютно бессмысленно спросил я.

— Павел, — ответил незнакомец.

Я испугался больше, чем Севкиного пистолета. Вера так боялась, что Павел будет сердиться! Он и есть?.. Как же он узнал?.. И что теперь со мной сделает?.. Мне показалось, что Вера вообще ничего не боится, но вот Павел явно имел в ее глазах серьезный авторитет. Чем же все кончится?

Павел поудобнее откинулся на спинку кресла и, глядя мне в глаза, твердо сказал:

— Так. Давайте с самого начала. Прежде всего — кто вы? Фамилия, имя, отчество — ну и так далее. С самого начала и до моего прихода сюда.

— Меня зовут Кешей. То есть Иннокентием Петровичем. Фамилия — Уваров, — послушно начал я и осекся. Вера говорила, что этому самому Павлу все всё всегда рассказывают. Выходит, и я уже начал исповедоваться совершенно постороннему человеку.

— Да вы не тряситесь, — усмехнулся Павел. — Дороже Веры у меня человека нет. Только вот она склонна впутываться в самые неожиданные неприятности. Мне это не нравится, но справиться с ее причудами не в состоянии. Поэтому давайте разбираться. Сердиться не буду, когда узнаю, что ей ничего не грозит. Кстати, почему она привезла вас к себе, а не в больницу? Боитесь милиции?

— Если честно, то боюсь, хотя ничего такого не сделал. Но меня наверняка милиция уже ищет по подозрению в двух убийствах и ограблении...

— Не слабо, — присвистнул Павел. — Ну, валяйте рассказывайте.

— А вы вообще кто? Ее муж?

— К сожалению, только старый друг. А если вас интересует профессия — следователь Московской прокуратуры по особо важным делам. Таким, как ваше...

У меня потемнело в глазах. Буквально.

Окончание следует.

разрушен

**Вот и подымается,
под давлением
сознания цены
и беззащитности
поруганного права,
рука мстителя...**

Федор Никифорович Плевако

из "Речи в защиту
князя Грузинского".

С давним моим знакомцем адвокатом Сергеем Потаповым мы встретились на очередной научно-практической конференции, на которой молили языками о проблемах уголовного и уголовно-процессуального права. На этом кондовом мероприятии довелось мне сделать доклад о некоторых вопросах теории доказательств. Я пытался умничать и рассуждал об установлении истины в условиях неочевидности. Для чего привел пример, с которым имел дело как криминалист. Пример, между тем, был довольно любопытен. А ситуация, о которой я вел речь, запутанная: двое молодых ребят сваливали вину за убийство один на другого, а убить могли только эти двое, но посадили одного... И вот после доклада решили мы с Сергеем посидеть, вспомнить пока еще недалекое прошлое. Вот тут-то адвокат и сказал:

— Эта твоя история напомнила мне случай из моей практики. Только все было наоборот. Два человека брали на себя вину за одно и то же убийство. И я, работавший тогда помощником прокурора, совершенно спокойно и легко обвинял одного из них и намеревался посадить его в тюрьму. Только вот другой человек, совсем молодой еще паренек, спас и того, кого я обвинял, кто сознался в преступлении, и меня самого от страшного греха. Вот уж не ожидал я встретиться в наших судах с таким благородством... Надо сказать, что больше ни с чем похожим и не сталкивался. Правда, и подлости в этой моей истории хватает с избытком. Я этому пареньку очень благодарен. После встречи с ним стал испытывать неизъяснимое отвращение к своей

работе, к этой постоянной необходимости кого-то обвинять, обвинять, обвинять. Вот, помучившись, и ушел из прокуратуры, поступил в адвокаты. Если интересно — расскажу.

Мне было интересно. И он рассказал... Чуть позже я воспроизвел услышанное на бумаге, не боясь что-то упустить, что-то забыть — настолько удивительной показалась мне ЭТА история.

— Итак, — начал адвокат, — я работал в городской прокуратуре помощником прокурора. А непосредственная обязанность моя состояла в поддержке обвинения в суде. То есть, был я тем, кого не без содрогания называют представителем государственного обвинения. Ну вот в судах я и выступал. Не скрою — тогда мне это нравилось. Сидишь себе на процессе, вроде как в спектакле участвуешь. И финал его тебе, конечно же, известен. Опять же, вопросы всякие умные задаешь — обвиняемому, свидетелям, экспертам, с адвокатами пикируешься. Короче: отправляешь правосудие. И все потому, как был еще молод и был дурак.

ная тайна

Леонид ШАРОВ

К тому же считалось, что язык у меня хорошо подвешен... Да, наверно, я тогда был весьма похож на прокурора из "Воскресения" Толстого: индюк — не индюк, воробей — не воробей.

Уровень мой не предполагал моего допущения к сложным делам. Сложным — это значит, что дела такие должны были обладать соответствующим общественным резонансом. Тут уж на авансцену выходил или сам городской прокурор, или его заместитель. А если откровенно, то сложные дел и быть-то не могло. Судьи поперек прокуратуры и сегодня-то избегают идти, а во времена моей молодости такое и представить было нельзя. Ну а это дело вообще никого заинтересовать не могло — бытовуха самого примитивного разлива. Пьяный сын убил мать.

Убийство в беспамятстве

Сына этого звали Петром Аркадьевичем — как премьер-министра Столыпина, потому и засело в голове. Зато фамилия стерлась — какая-то простая она была, эта фамилия: Иванов, Петров, Сидоров, Васильев... Имя матери тоже запомнил — Агриппина, из-за его редкости. Жили они сначала в деревянном, на несколько комнат, доме. Его снесли, и им дали небольшую двухкомнатную квартиру в хрущобе. Муж, стало быть, и отец пришел с войны израненный. И вскоре умер. Сын, как это часто бывало в послевоенную пору, связался со шпаной. Раз отсидел, другой. За кражи да за грабежи. До событий, которые я собираюсь описать, после отсидки устроился он на механический завод — слесарем. Пил

почем зря. Попадал несколько раз на пятнадцать суток — за потасовки и мат. Мать поколачивал. Требовал денег... Мать, между прочим, зарабатывала сносно: во-первых, получала пенсию за себя и за умершего мужа-фронтовика, во-вторых, подрабатывала уборщицей, тогда пенсионер мог работать только, кажется, два месяца в году, но она убиралась в какой-то конторе круглый год — начальство малость смухлевало со штатным расписанием. Но она еще и частные квартиры убирала. Деньги и вправду любила.

Обнаружили ее мертвой так. В воскресенье в девятом часу в их квартиру позвонила соседка — накануне договорились идти на барахолку. Звонила, звонила... Дозвонилась. Открыл ей Петр. Был он привычно помят, хмур, опухший, и все такое. В подштанниках и майке. Впустил. Соседка еще удивилась, что ж ей сама Агриппина не открыла. Позвала. Сунулась в комнату. И завывала в голос. Тут же вызвали "скорую". "Скорая" — милицию. Потому что по всему выходило — баба умерла не сама по себе. На голове рана во весь висок. Орудие убийства через пять минут нашли — в передней валялся молоток со следами крови и прилипшими волосами. Да и убийца толкался тут же — в рваных своих кальсонах.

Петр ни черта после вчерашнего не помнил, но в убийстве признался. Да и некому было старушку убивать, кроме него. Хмель с него сошел. Принялся он переживать, просить у мертвой матери прощения. Чтоб не бил его колотун, участковый сбежал в магазин, принес четвертинку. Нацедили Петру стакан, и он малость успокоился. Сказал, что вчера как

начал после смены бухать, так и бухал, пока не пришел в кондицию — в привычное свое скотское состояние. Однако домой добрался. Еле-еле попал ключом в скважину. Мать спала. Ну и он вроде как завалился. А среди ночи, видать, проснулся. Должно быть, в сортир. Столкнулся с проснувшейся матерью. Слово за слово... Скандалили-то они непременно раз в неделю, а то и чаще. Материна прижимистость доводила Петра до испуга. Он всякий раз грозился убить ее. Она и участковому жаловалась. Участковому потом по служебной линии пришлось несладко — прокуратура на него представление накатала за то, что не предостерег... А тут подвернулся пьяному Петру, да еще спросонья, молоток. Вот и все... Вроде так получалось.

Дело с белыми пятнами

Следствие было стремительным. Тут и суд подоспел. Петр о мамане горевал, но в целом относился к случившемуся философски. В городском изоляторе он знал всех, и все его знали. Определили его, неплохого слесаря, чинить, что было в их хозяйстве сломано. За это обещали отправить в недалекую, знакомую зону. Петр ждал суда, чтоб побыстрее укатить из тюрьмы, где его, как он говорил следователю, совсем "упахали бы задарма".

Вообще в деле этом можно было отыскать немало белых, так сказать, пятен. Убить старушку Петр должен был ночью. Скажем, в час, в два, может, и в полночь. Соседка слышала, как он гремел ключами и матерился около двери в половине двенадцатого. А медики определили: померла Агриппина, по крайней мере, на час раньше. Майка и подштанники должны были быть испачканы кровью. Испачканы-то были, только не кровью. Отпечатки его пальцев на молотке, если уж откровенно, уликой считать было нельзя — это кто из оперов, чтобы не возиться, дал Петру подержать инструмент при осмотре квартиры. Шума ночью никто из со-

седей не слышал. По идее, старуха, куда как еще крепкая да жилистая, должна была сопротивляться — не сразу же Петр проломил ей голову. А следов борьбы никаких. Где стояла Агриппина — там и упала. Да к тому же и не в исподнем была — в обычной кофте своей да юбке, чулок, и тех не сняла. Что-то такое не складывалось у трассологов с траекторией удара. А главное — сам Петр ничого не мог сказать, как убивал. Впрочем, алкаш — взять нечего. Следственный эксперимент проводить не стали — решили время зря не тратить. Попался бы Петру умелый адвокат — очень может быть, что и отправил бы дело на доследование. Но умелый стряпчий ему не светил. Суд с трудом нашел какую-то бесплатную девицу из юридической консультации. Бесплатная девица пролиставла дело за полчаса до начала заседания.

Пятен хватало, но это никого не волновало. Петр был заранее согласен со всем. Убийство шло по разряду "без отягчающих обстоятельств". Я, грешным делом, договорился с судьей: дескать, буду просить восемь лет строгого режима, а ты на год-два скости мужику. Судья посетовал на топорную работу следствия и согласился. Процесс должен был продлиться, по нашим прикидкам, день. Ну, максимум, полтора, если судья не успеет написать приговор.

Процесс и эксцесс

Все шло своим чередом. Народу собралось мало — несколько свидетелей-соседей, участковый, эксперт-медик. Но сидел в углу какой-то молодой человек. Я на него и внимания-то не обратил. Мелькнула мысль — верно, начинающий журналистшко хочет написать короткую заметку в рубрику "Из зала суда". Приближалось обеденное время, и судья объявил перерыв. Петра тут же увели в камеру. Судья с заседателями и секретаршей ушли трапезничать в кабинет. Готовилась уже упорхнуть адвокатесса. А

я собирал разложенные передо мной на столе бумаги. Поднял глаза. Смотрю: стоит передо мной тот самый молодой человек. Сам бледный, лицо в розовых пятнах, на лбу испарина.

— Здравствуйте, — говорит. — Вы ведь прокурор? Я хочу сделать признание.

Ну, думаю, псих. И спокойно объясняю:

— Идите в прокуратуру, к дежурному прокурору, он вас выслушает...

— Нет, — перебивает меня парень, — я как раз по этому делу. Вы судите невиновного. Это я убил его мать.

А у адвокатессы, гляжу, уже уши на макушке.

Возникла та еще ситуация. О том, какими подробностями она изобиловала, рассказывать, пожалуй, не стану. Скажу только, что после всех согласований с рассерженным прокурорским и судебным начальством суд отправил дело на доследование. Причем, подсудимый горячо возражал против такого решения:

— Все одно посадите, так нечего резину тянуть.

Молодого человека звали Михаилом Михайловичем. Фамилию его я помню, но называть не стану, потому как в последний раз, когда я его видел, помирать он не собирался. Вот что он рассказал и написал в тот же день.

Тень в доме

Жил он с отцом и матерью. Это были хорошие люди. Отец заведовал экспериментальной лабораторией на нашем заводе полимеров. Мать сначала работала в библиотеке, а потом у нее начались нелады с сердцем, и она получила пенсию по инвалидности, сидела дома. В город наш перебрались почти сразу после войны. Отец прошел через фронт и ранения. В голове у него засел осколок. Мать уезжала в эвакуацию. Мишку они любили самозабвенно. А он не слишком был приспособлен к жизни. Но у него эту не приспособленность надо считать, ско-

рее, достоинством — все больше на книгах воспитывался. А книги тогда были хороши. Михаил уверенно закончил школу, тут же, без сучка и задоринки, поступил в политехнический институт. Учеба у него пошла. И вообще, все у него складывалось не то чтобы блестяще, но путем. Да, это была удивительно тихая и достойная семья.

И вдруг какая-то тень легла на родителей Михаила. Иной раз при его появлении они замолкали. Миша чувствовал, что прерванный разговор был для них тяжел и мучителен. Стали они вздрагивать при телефонных звонках. Зачем-то врезали в почтовый ящик новый замок, а ключ от него всегда держали при себе, никогда его Мишке не давали, сами ходили вниз за газетами и корреспонденцией. И как-то уж очень навязчиво принялись опекать его — молодого, здорового и жизнерадостного парня. Задавать совсем не нужные вопросы — где был, кого видел, о чем слышал. Он, естественно, с этой опекой, как мог, боролся. Скандалить не скандалил, но, как говорится, в полемику вступал, огрызался. Впрочем, родители, если и обижались, то ненадолго.

Хуже было другое: отец и мать начали заметно сдавать. Мать все сильнее маялась сердцем. У отца возобновились изматывающие головные боли — это у него осколок в голове давал о себе знать. Дом пропах лекарствами. И наконец случилась трагедия. В их квартире раздался телефонный звонок. Михаил был дома, но трубку, как всегда первой, сняла мать. Сначала он услышал нечленораздельный разговор, мать что-то громко и возмущенно говорила, потом прокричала:

— Оставьте нас! Оставьте нас!

Михаил бросился в комнату, мать сидела в кресле и ловила ртом воздух. Телефонная трубка болталась на проводе. Ее успели отвести в больницу, а утром позвонили — скончалась.

Отец пережил ее на несколько дней. Осколок разорвал-таки сосуд. Михаил

дежурил в больнице, сидел в палате около отца. И тот, разбитый наполовину параличом, левой, еще способной двигаться половиной рта и губ рассказал ему. Речь отца была невнятной, но Михаил понял главное. А потом многое восстановил по найденным дома в укромном месте документам.

Шантаж человеческого счастья

Он не был их родным сыном. Перед самой войной родился у них мальчик. Назвали его Михаилом. Отец ушел на фронт. Мать вместе с сыном отправилась в эвакуацию, в Среднюю Азию. И там мальчик умер от воспаления легких. Мать после несчастья сама долго болела, надорвала сердце. Вернулся с войны муж. Решили уехать из тех мест, которые напоминали им об умершем сыне. Жили сначала в деревянном доме. Отец быстро сделался на заводе далеко не последним человеком. И ему с семьей дали удобную квартиру в хорошем доме. Да, с семьей, потому что они усыновили ребенка. Жена-то рожать никак не могла — сердце бы не выдержало. Младенца взяли прямо из Дома малютки. В послевоенные годы процедура усыновления была куда как проще нынешней. Выходили, вырастили. Мишка для них стал волшебным воскресшим потерянным сыном. Будто бы в него вселилась душа их первенца. Так они меж собой порешили. И по-другому мыслить уже не могли.

А через много лет появилась Агриппина, бывшая их соседка по деревянному дому. Она знала: Михаил — приемный. И каким-то змеиным чутьем поняла, что эти люди пойдут на многое, чтобы только их сын не узнал этой тайны. А ведь не было в этой тайне ничего стыдного, унижительного, дурного. И что могло произойти, узнай про нее Михаил? Этого, конечно, никто не ведал. Но то счастье, которое жило в этой семье, все равно бы перестало быть счастьем, возникли бы в нем трещинка, изъян. И мог-

ли эта трещинка, этот изъян разрушить... даже не настоящее — будущее их сына. Недаром даже угрюмое наше законодательство возвело разглашение тайны усыновления в ранг уголовного преступления.

Агриппина начала их шантажировать. И мать с отцом покорно платили ей. А когда платить было нечем, отдавали что-нибудь ценное. То колечко, то часики... Надо сказать, что Михаил замечал исчезновение из дома некоторых вещей. Например, китайской вазы, которую матери подарили на работе перед уходом на пенсию. Мать сказала ему, что неосторожно разбила вазу. Но в органы родители обращаться не решались. Тогда Агриппина уж точно нашла бы способ сотворить зло.

Уверен, что Агриппина терзала этих людей не только из-за денег. Какая-то часть их жизни протекала у нее на глазах. А жили они светло. Вот и разрослись в ней и ненависть, и злоба, и зависть. Но самое главное, самое сладкое — ощущение власти над беспомощными интеллигентами. В конце концов она убила их.

Умирающему отцу Михаила терять было нечего. И последнее свое усилие он потратил на то, чтобы предупредить сына, смягчить удар, который непременно нанесла бы ему озлобленная Агриппина. Так-то оно так, только тот мир, в котором жил хороший мальчик Миша, разлетелся в куски. Он остался один. Злобная, алчная тварь безжалостно и коварно убила не просто его отца и мать, а нечто куда большее — и вокруг него и в нем самом.

Китайская ваза

Он разыскал ее адрес. И пошел к ней... Говорил, что убивать не думал, хотел сказать ей, что знает все. Возможно, что мысль об убийстве все-таки копошилась в его подсознании. Но все, кто общался с Михаилом, на следствии и в суде, поверили ему. Дверь она ему открыла только после того, как он сказал, что якобы принес долг своих родителей —

вроде как нашел в доме конверт с деньгами, а на конверте стояла ее фамилия. Алчность и погубила ее. Она провела Мишу в комнату. И там в углу он увидел ту самую китайскую вазу, которую мать отдала шантажистке в счет очередного взноса. Через мгновение Михаил осознал себя стоящим над умирающей старухой, а в правой руке своей увидел окровавленный молоток. Никаких следов он скрывать не стал. Ушел... Сидел потом дома, ждал ареста. Но никто к нему не приходил. Успокоился немного. Вскоре ему попала на глаза газета с заметкой об убийстве, и он понял, что обвиняют другого.

Сомнениями не мучился. В нем еще крепко сидела книжная романтика... Он не мог допустить, чтобы страдал безвинный. А еще хотел доказать, что именно он свершил возмездие. Он! Син загубленных отца и матери. И никто другой. Из той же заметки узнал, когда будет рассматриваться это дело. Там и сделал признание.

Нам надо было найти доказательства не только его вины, но и вины Агриппины. В конце концов нашли и то, и другое. Его показания устранили все белые пятна в деле. Замаранную кровью одежду Михаил засунул в чулан, оттуда ее и извлек следователь. Миша был правой, а Петр левой, так что проявился вопрос и с траекторией удара. Жильцы подъезда в вечер убийства видели на лестнице незнакомого молодого человека. И одна тетка опознала незнакомца в Михаиле. Некоторые знакомые Агриппины, да и сам Петр кое-что знали о ее взаимоотношениях с Мишиными родителями. Иной раз не могла удержаться старуха, хвасталась: "Вот они у меня где!"

Квартиру ее, по существу, не обыскивали, а когда обыскали, нашли под окном тайничок — довольно хитрый. А в нем деньги и несколько золотых вещичек. Их опознали не только Михаил, но и сослуживцы и подруги его матери. Одна из подруг, кстати, не слишком детально, но тоже знала о шантаже. А главное —

китайская ваза. Она в деле по обвинению Петра никак не упоминалась. Но она была... Стояла точно там, где и увидел ее Михаил. И имела характерную зазубрину, о которой он загодя рассказал следствию. Люди, бывавшие в доме у Мишиных родителей, мгновенно опознали ее. Эта ваза и решила исход дела.

За Михаила приходил просить директор завода, где работал его отец. Институт, в котором он учился, помимо отличной характеристики, прислал общественному защитнику и подписанную множеством людей петицию с просьбой о снисхождении. Да и в нашем ведомстве ломали головы — как бы не загубить парня в тюрьме. Решили, что убил он в состоянии аффекта, увидев хорошо знакомый предмет, который ассоциировался у него с родителями, с их жизнью... По правде, доказательств этому аффекту не было никаких, но психиатры выдали хитрое заключение, в котором допускали такую возможность. Суд с этими тонкостями согласился и приговорил Михаила к трем годам заключения.

Сидел он в городском СИЗО, его оставили работать в библиотеке. И через два года досрочно освободили. А завод — большая редкость в те времена — ухитрился сохранить за ним квартиру. Правда, в институте восстановить его не решились.

А Петр сгорел от водки — еще до выхода Миши из тюрьмы. Мы, был грех, узнав об этом, вздохнули с облегчением. Боялись, что совершит по отношению к человеку, подарившему ему свободу, что-нибудь непотребное. Как говорится, яблоко от яблони...

Дальнейшая жизнь Михаила сложилась обычно. В последний свой приезд в тот город я его встретил. Завод полимеров, где он, как и отец, работал много лет, дышал на ладан. Поэтому Михаил, как и многие другие, терпеливо бедствовал. О том, чтобы уйти в коммерцию, и не помышлял. Другой это человек. Совсем другой. ■

ГОЛОС РУССКОГО РОМАНСА

...” Сиена – мое призвание,
мой диалог с людьми,
которые пришли
меня слушать.
Я себя не представляю
без сцены”.

Его трудно назвать популярным: имя не на слуху у широкой публики, по городу не развешаны зазывные афиши, не сообщаются даты и залы, где проходят его концерты. Но, тем не менее, эти самые залы заполнены до отказа и на подступах к ним умоляют о лишнем билетике. Не знакомых с творчеством Олега Погудина все это удивляет, но до тех пор, пока они сами не услышат его исполнение русских классических и городских романсов, народных песен, советских лирических и лучших европейских песен на нескольких иностранных языках. А еще у певца есть программы из произведений Александра Вертинского, Булата Окуджавы, духовные песнопения иеромонаха Романа Матюшина — свыше пятисот произведений. Но прежде всего привлекает его чистый, красивый голос, легкое дыхание и редкая для нашего времени, присущая истинному петербуржцу, культура исполнения и поведения на сцене.

Олег не представляет себя не только без сцены, но и без старинного романсового жанра. Он считается одним из самых лучших исполнителей романса. Это признают даже цыгане, а уж лучше них никто не может спеть и донести до нас всю тонкость и красоту романса, произведения камерного, рассчитанного на внимательного слушателя.

В 1997 году Погудин стал лауреатом фестиваля "Глас Ангельский России", удостоен награды "Ангел Трубящий", в 1999 году получил "Царско-сельскую художественную премию". И по единодушному мнению публики, его называют "Серебряный голос России". Правда, сам он иронично считает это просто прозвищем.

— Почему же ваш голос назван "серебряным", а не "золотым"? Вы знаете, из чего выводится подобный критерий?

— Все-таки надо избегать таких словосочетаний. Мы же не в ювелир-

ной лавке. Расскажу одну историю. Кажется, в 96-м году на Петербургском радио совершенно случайно в душевном порыве один корреспондент произнес: "Серебряный голос России". И все концертные залы Петербурга подхватили эти слова. На самом деле, любые эпитеты — золотой, серебряный, платиновый, бриллиантовый — не имеют никакого значения в любой сфере. Но мне полюбилось это определение, потому что оно очень точно совпадает с тем, что я пытаюсь делать на сцене и с тем, что исповедую не только в искусстве, но и в жизни. "Серебряный" — имеет прямое отношение и к романсу, и к камерной песне вообще, и ко всему, что связано с Серебряным веком в других областях культуры. Мне приятна изящная манера общения и изящный способ выражения себя на сцене. И пока это будет иметь отношение к искусству, я готов остаться с определением "серебряный". Как только оно начнет нести только рекламно-коммерческий оттенок, я от него откажусь.

— Но подобные слова говорят еще и об известности и популярности.

— Меня интересуют только любовь и понимание пришедших послушать романсы. Если любовь и понимание окрашиваются в серебряные и золотые тона — хорошо, но не принципиально.

— Олег, всем интересно узнать, из какой вы семьи, когда начали петь, почему именно романсы?

— Сразу скажу, что я не женат, поскольку это многих интересует в первую очередь...

Мои родители — инженеры. Мы с отцом большие друзья. Петь я начал рано, просто пелось, вот и все. Профессионально начал выступать тоже рано: в девять лет стал солистом хора, который участвовал в концертах на очень больших и значительных площадках. Я и сейчас на них работаю. И

заграничные поездки тоже начались довольно рано. Мне даже деньги платили, хотя и небольшие, но все-таки...

— Редко бывает, когда артисту, как вам, 35 лет, а концертный стаж у него более 25. Кроме вас, в семье кто-нибудь еще поет?

— Вся семья Погудиных поющая, а нас немало — у родственников по всей России хорошие голоса. Поэтому пение — моя судьба. Еще маленьким ребенком я хотел стать певцом. Но серьезно начал относиться к профессии после окончания школы. Первый настоящий концерт состоялся очень давно — в 1987 году, на большой сцене в Петербурге.

— Что значит для вас, молодого человека, такой старинный жанр как романс?

— Для меня не только в романсе, а вообще в песне имеет огромное, почти сакральное значение само слово. Оно настолько важно, что если мелодия меня восхищает, а слова не выдерживают никакой критики и негармоничны, я не могу себе позволить их петь. Вот так случилось с романсами Петра Лещенко. Не могу произносить его слова, они мне чужды.

— Олег, известно, что вы достаточно закрытый человек, и, в отличие от своих многих коллег, не любите говорить о себе.

— Я не люблю публичности. Это свойство моей природы. Не пускаю людей, даже очень близких знакомых, добрых, хороших, в глубину своего сердца. Считаю для любого человека это опасным, для артиста — бесполезным. Необходимо оставить область, где можно быть себе хозяином. Артист не должен раскрываться перед аудиторией, необходима загадочность. Всякий раз, выходя на аудиторию в несколько тысяч человек, мы отдаем очень многое, а если еще и после твою личную жизнь растаскивают по кускам, может случиться так, что ничего не останется. Примеров тому сотни.

Поэтому считаю семью и свой ближний круг святыней, и их необходимо защищать от внешних влияний.

— Вы стажировались в США. Что вам дала Америка? Ведь вы воспитаны на русской музыке.

— Мое музыкальное образование не узконациональное, а обычное классическое и во многом основано на зарубежной музыке. Я ее очень люблю, при этом говорю на нескольких языках. Я не вижу России без европейской культуры. От нее нельзя дистанцироваться. А в Америке я стажировался в 1989 году, тогда она была совсем другой, не такой, как сейчас. Проходил первый советско-американский студенческий обмен театральными школами. Для меня, бедного студента, это был шок, достаточно неприятный. Все отличалось от советской жизни: красивые вещи, роскошные машины... Восторг очень быстро перешел в болезненное ощущение. Но относились к нам необыкновенно — нас не просто любили, нас носили на руках. Такого интереса к русским я не видел больше нигде. У меня там осталось много друзей. Наверное, если бы я оказался в США сейчас, увидел бы другую страну.

Но продолжу о стажировке. Программа называлась "Американский мюзикл". Пять недель мы занимались в одном из лучших театральных центров страны. Жили в гостинице по двое — американец и русский, таково было условие. Американцы вместе с нами потом поехали в Советский Союз, чтобы заниматься творчеством Чехова. Почему мюзикл и почему Чехов? Уж если в Америке что-то традиционно американское, так это мюзикл. А Чехов не только для американцев, но и для Европы — одно из самых значительных явлений, что есть в России. Стажировка мне много дала. Метод преподавания оказался совершенно не характерным для нашей страны. Работали ежедневно по двенадцать часов, выкладываясь полностью. Я полу-

чил колоссальный заряд работоспособности, научился серьезному отношению к делу, даже к своей жизни. Еще мне все это дало возможность увидеть себя как бы со стороны, свободно заговорить на иностранном языке, и, не считая за пафосность, появилась трепетная и горячая любовь к Отчизне.

— Вы хотите навсегда остаться в жанре романса? Или все же расширите рамки?

— Периодически возникает желание выйти за рамки песни и романса. Все-таки образование помогает задуматься о создании крупного музыкального спектакля. Даже пытался поставить спектакль в учебном театре в Петербурге. Но это слишком много отнимает времени от того, чем я занимаюсь сейчас. Романс и лирическая песня — востребованный жанр, хотя незаслуженно отвергнутый телевидением и крупными концертными площадками. До 35 лет мне казалось, что жизнь бесконечна и все можно успеть. Сейчас я с тоской понимаю, что многое не сложится. И не хочу менять свое нынешнее дело не только из-за успеха, а из-за предельной самореализации. В любом спектакле мне придется отдавать часть своей свободы, которой я избалован, коллегам по сцене и режиссеру. Над этим я размышляю уже несколько лет. Но желание поработать в спектакле остается.

— Если бы пришлось играть и петь в спектакле, это был бы мюзикл? Он сейчас уж очень популярен в России.

— Я предпочитаю только старый классический мюзикл: "Моя прекрасная леди", "Оклахома", "Вестсайдская история" в особенности. Но играть даже в них не хочу, в силу возраста и другого мировосприятия. В американском мюзикле все-таки глубины мало. Это развлекательный жанр очень высокого уровня. Меня интересует прежде всего смысл того, о чем я пою.

— Вы говорили, что боитесь потерять в театре свободу. А жанр романса вас не сковывает?

— Вот здесь происходят интересные вещи — жанр романса меня не сковывает, его границы точно соответствуют моей психофизике. И это не моя заслуга, а естественный процесс. Могу тысячу раз исполнять один романс, и всегда нахожу что-то новое, необходимое и для меня желанное.

— На ваш репертуар приходит абсолютно конкретная публика. Но попадали ли вы в ситуацию, когда вас слушали не "ваши", как говорится. Как они вас встречали?

— Однажды меня направили с концертом в военную часть. Вот было мучение. Просто произошло несовпадение желаний и интересов. Бедные ребята—"срочники" дружно спали, от скуки. Хорошо еще, что не ходили по залу, не разговаривали, не смеялись.

И еще один случай — в первый и последний раз попал в предвыборную кампанию в Екатеринбурге. Мы поехали в поселок, где какой-то кандидат рассказывал, какой он хороший. После его речей был запланирован концерт. Но поскольку встречу показывали по кабельному телевидению, в зале собралось не много народу: опять какие-то бедные солдаты, несколько жителей и прихожане храма, что меня и выручило. Они-то пришли слушать именно меня, но их оказалось всего человек десять. После концерта мы посетили этот храм, узнали, что в нем молились декабристы, когда шли по этапу в Сибирь. Кстати, во время того концерта один из солдат передал мне записку (оцените!): "Пожалуйста, спойте песню про дембелей". Слово "пожалуйста" меня настолько восхитило, что я едва не заплакал. Но теперь отказываюсь от участия в мероприятиях, от любых выступлений в клубах. Подчас требуются большие усилия объяснить, что это не каприз, не жеманство, что не хочу играть не

свойственную для себя роль. Поэтому прослыл неудобным человеком.

— Как вы относитесь к популярности?

— Отношусь к своей нынешней жизни и к популярности как к особому подарку судьбы. Сейчас поясню. Впервые, она дает мне жить безбедно и даже обеспеченно. Хотя купить квартиру в Москве, вот так с ходу, я не могу себе позволить, или на свою собственную аппаратуру для выступлений я собирал деньги около года. Но, тем не менее, на многое другое хватает. А кроме того, я ощущаю свою ответственность перед публикой. И это счастье, которое не хочется ни менять, ни отдавать кому-то... Впрочем, популярность — очень зыбкое положение.

— Почему? Вы имеете в виду моду на артиста?

— Никогда не позволю себе кого-нибудь из артистов осудить или упрекнуть в том, что он принимает предложение работать, исходя из коммерческого интереса, потому что жизнь артиста очень сложная. И чем он старше, тем тяжелее, так как артист работает с самим собой, своим телом, своими силами, которые бьются на исходе. Часто попадает просто в катастрофическое положение. Такое может коснуться кого угодно. Поэтому я ценю свое нынешнее положение.

— И все-таки, почему вы не хотите петь песни Петра Лещенко? Неужели его тексты так плохи?

— Стихи невероятно слабы и даже неграмотны. Я порой переделываю слова других авторов. Но здесь — невозможно. Если даже постараться привести текст в соответствие с нормами русского языка, песня умирает. Это горько. Поэтому петь то, что он написал, я не могу. И хотя я его люблю, мелодии почти гениальные, но оставляю его песни самому Лещенко.

— Романс и лирическая эстрадная песня — что вам легче петь, что интереснее?

— Никаких усилий при исполнении романсов я не прилагаю. Просто говорю на своем языке, как обычно говорю по-русски. Но усилия приходится прилагать, когда обращаюсь к эстрадной песне или классической музыке. Романс — мое естественное состояние.

И хочу сказать, что для меня имеют большое значение синонимы романса — возвышенность и искренность. Обязательные условия, при которых он будет жить. Иначе романс либо погибает, либо мстит своему исполнителю, доставляя много неприятностей. Романс ведь еще очень умное и тонкое содержание. Также синонимом романса можно считать изящество.

— Кого вы считаете своими учителями?

— Сергея Яковлевича Лемешева, но не как исполнителя романсов, а именно как певца. Надежду Андреевну Обухову — как мастера формы. И замечательного певца Валерия Агафонова. Но ни одного из них не могу назвать своим идеалом. Все они — как грани одного целого. Могу считать своими учителями Эдит Пиаф и Азнавура, хотя их песни только родственники романса. А еще Анна Герман, Клавдия Шульженко. Трудно ограничиться одним именем. Можно называть талантливых людей несколько часов подряд. Учусь у всех.

— Что же, по-вашему, романс?

— Романс — вещь уникальная. Своего рода законсервированное свидетельство правды, любви и жизни в простой и доступной форме для человека любого сословия, любого образования и состояния. В его простой форме заключены самые главные мысли и чаяния. Сколько будет существовать русская культура — столько и русский романс будет востребован. ■

Беседовала Алла ЛЮДЕН.

МОТОШОУ

Бульвар

137-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Министерства
Российской
Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств
массовых
коммуникаций

Стиль
одежек

и
застёжек

Анна ПУСТЫНОВА

■ Ну вот скажите, почему взрослые думают, что лучше знают, как дети должны себя вести, какую музыку слушать и как одеваться? А может, перестать диктовать свою моду, отойти в сторонку и посмотреть, на что способны «неразумные потомки»? А дети могут не только демонстрировать на подиуме придуманную для них взрослыми одежду, но и сами способны ее создавать, и совсем не хуже.

Все эти мысли приходят на уникальном показе — Национальном конкурсе детских студий и театров моды, который уже восьмой раз проводит Ассоциация детских творческих объединений «Золотая игла». Идея проводить конкурс родилась в 1997 году. Ее поддержал мэтр российской моды Слава Зайцев. Он же возглавил жюри конкурса, предложил для показов подиум в своем До-

ме моды и очень внимательно наблюдает за творчеством юных модельеров, которых в России уже немало. В этом году они приехали из 60 регионов России и даже из-за границы — Казахстана.

Тема нынешнего конкурса — «Мода вокруг нас». Ребятам предлагалось обратить внимание на то, что на любую сферу нашей жизни очень влияет мода, даже если мы этого и не замечаем. Экология, политика, туризм, спорт, экономика — все подчиняется ее законам. Тема может показаться легкой, поскольку дает невероятные возможности. Но легкость показная, так как можно попасть в ловушку и не суметь остановиться на одной идее и сделать что-то стоящее.

Все театры моды достойно справились с задачей, устроили на подиуме фейерверк красок, радости, озорства и одновременно показали серьезное понимание задачи, следуя принятым в мире международной моды нормам кроя.

Главной темой многих коллекций было лето, каникулы и все с ними связанное. Театр моды Бийского лицея (Бийск, Алтайский край) размечтался о цветущей поляне, где

звучит музыка, сложенная из песен леса и птичьих переливов, и решил, что лучшей одежды для этого, чем джинсовая, не найти. Яркие юбки из тканей в цветочек и полоску с «писком» моды — резко срезанным подолом, прозрачные рюкзачки у девочек. Мальчики вышли в рубашках, напоминавших коворотки.

Ребята из театра моды «Маргаритки» (Миасс, Челябинская область) готовились к поездке в деревню к бабушке, где им придется не только отдыхать, но и помогать на пасеке, на птичьем дворе, собирать ягоды и грибы. Но при этом хочется выглядеть ярко, современно и привлекательно. Свою коллекцию «В кантри только девушки» они сшили из натуральных тканей в полоску, клетку, цветочек и красиво раскрыли деревенскую тему.

Стать садовниками в пышном саду захотели модельеры из театра костюма «Ренессанс» из Череповца. Так и назвали свою коллекцию: «Я садовником родился». В желто-коричневом сочетании красок блузочки, юбки, гольфы, гетры, пестрые корсеты, соломенные шляпки. В руках грабли, ведерки, лопаты — этот реквизит можно с собой не таскать, а в остальном спокойно выходите на улицу даже в городе. Успех обеспечен.

Кстати, о городе. Не все, оказывается, летом рвутся на природу. Многим комфортно на городских улицах. Например, театр моды «Любава» из Копейска, что в Челябинской области, задумался, как себя чувствуют дети в городе. Понятия улицы, детей и моды слились вместе в их коллекцию под девизом «Без руля и педалей». Оригинальность разного решения и возможность рассказать средствами модных деталей об основах безопасности, досуге, спорте позволили создать очень веселую, озорную, нарядную коллекцию. Ткани в модную полоску и клетку разбавлены пастельными оттенками розового, голубого, салатного. Смело использован серый атлас с металлическим блеском, намекающим на городской асфальт. В руках моделей знаки или символы дорожных знаков, которые не полностью передают общепринятые, а просто дают волю фантазии, импровизации. Вся коллекция сделана в спор-

тивном стиле, полностью позволяющем спокойно носить ее в обыденной жизни. Уральцы предлагают множество актуальных сейчас деталей: шлевки, вытачки, клапаны, карманы, сборки, разнообразие застежки, тесемки, канты. Рекомендуются юбки-баллоны, брюки-шаровары, стянутые на щиколотках.

Восторженные аплодисменты у зрителей вызвала коллекция студии «Фонтаневия» из Санкт-Петербурга, основанная на известной сказке «Алиса в Стране Чудес». Специалисты считают, что созданная ребятами одежда должна привлечь внимание не только детей, но и взрослых. Отправной ее точкой стала сцена игры в шахматы, все костюмы выполнены в черно-белой графике, напоминающей шахматную доску. Тактично введены кружева, полосатые колготки, аппликации. Много непарных деталей, оригинальный, говорящий о мастерстве крой рукава, полоски, клетка, горошек — все очень стильно и красиво сделано.

Про сказку об Алисе вспомнили и в театре моды «Колибри» из города Дзержинска Нижегородской области. Помните сцену «безумного чаепития у мартовского зайца»? Ну вот, почти так же названа и их коллекция, только более ласково они отнеслись к зверюшке, назвав его «зайкой». Но до чего же развеселая игра получилась на подиуме! Яркие, нарядные джинсы всех цветов и оттенков. Ребята строго придерживались модного сейчас стиля 60-х годов двадцатого века. Основные элементы отделки — крупные пуговицы и яркая декоративная строчка. А мартовский зайка — просто озорной солнечный зайчик, весело пляшущий на серых городских улицах и ярких одеждах юных модниц, их шляпках и сумочках.

Наверное, нет ни одной девочки, которая в отсутствие дома мамы не примеряла бы ее наряды: всовывала ноги в сваливающиеся туфли на каблучках, тонула в модных маминых платьях и обвешивалась бусами, клипсами и браслетами. «Мы точно знаем, что модно в нынешнем сезоне, ведь у нас молодые, красивые и модные мамы. Когда их нет дома, мы с удовольствием играем в модниц», — уверенно заявили воспитанни-

цы театра моды «Вдохновение» из Кирова, вызвавшие взрыв хохота и аплодисменты в зале. После прохода по подиуму они затем долго подбирали потерянные туфли, заколки, «взрослые мелочи». Особенно смешно выглядели тапочки с приделанными каблукками из обычных деревянных катушек для ниток. Просто какой-то беспредел фантазии!

Модельеры театра моды «Лора» из Оренбурга также вспомнили о швейных катушках и шпульках. Только они их никуда не пришивали, а сами нарядились в костюмы, изображающие эти швейные предметы. И хотя в такой одежде никуда, кроме как на карнавал, не пойдешь, цель работы — взбудоражить воображение, показать богатство формы в costume. Ну и правильно. Смот-

реть на эти ярко-желтые костюмчики с синей и красной атрибутикой было очень весело и радостно. А разве то, что мы часто видим у взрослых дизайнеров на различных Неделях мод, не выглядит карнавальным, вычурным и часто совершенно непригодным для повседневности? Между прочим, у рядовых потребителей подобные модели вызывают порой раздражение, чего не скажешь о детских коллекциях.

Красочный карнавал вынесли на подиум и некоторые другие юные дизайнеры. Например, очень нарядно выглядели костюмы клоунов, пилигримов, балерин маленького театра «Грация» из краснодарской станицы Тбилисская. Их можно принять за руководство к действию при подготовке к маскараду в

летнем лагере или если уже сейчас начать готовиться к пока еще далекому Новому году. А вот их же разноцветные платица, легкие вязаные шапочки и так же вязаные сапожки на маленьких каблукках спокойно можно носить каждый день.

Фантазию на тему роботов предложила Аня Наборщикова, двенадцатилетняя воспитанница театра моды «Жар-птица» из Рязани. Весьма эффектно выглядели загадочные, сверкающие таинственным галактическим блеском комбинезоны, платья, костюмы из цвет-

ной фольги, которой, оказывается, утепляют стены загородных бань. Работа уникальная, сделанная с помощью степлера и металлических скоб. Как далеко зашла творческая мысль!

Также много выдумки проявил Детский дом моделей из Новокузнецка, вспомнив традиции народного костюма, легенды и сказки Сибири. Ребята рассказали сказку о красивых и смелых людях, живущих в тайге. Перед охотой они обращаются к доброму духу Ульгеню, просят его о помощи. В коллекции использовано льняное полотно, декорированное меховым лоскутом, натуральной кожей, птичьими перьями.

Африканские бусы, испанские юбки, японские кимоно, русские сарафаны, индийские сари. Экспериментами с народным костюмом занялись авторы коллекции «Хиппи-фолк» театра «Илотар» из Петрозаводска. Ее адресовали самым юным, так называемому поколению «NEXT». Им предлагается особая экипировка, благодаря которой так легко выделиться на общем фоне. А если эту одежду примерят хиппи? Отличная получится тусовка!

И еще хочется сказать о коллекции «Оставь телефончик» театра моды «Русь» из го-

рода Саров. Технологический и дизайнерский бум в мире сотовой связи — характерная черта нашего времени. Сотовый телефон для молодого поколения стал незаменимым способом общения. Тип, форма и цвет очень важны для самовыражения. Поэтому модельеры решили поиграть именно на этом. Девиз коллекции «Долой монотонность! Отстаиваем свое право на жизнерадостный вкус». Уютный трикотаж, не сковывающий движений, задорные нарядные юбки, комбинезоны, как основа костюма со спортивной направленностью. Используются новые синтетические материалы с дотканной техникой. А основной цвет — красный, ну просто как модный телефончик!

Юные модельеры дают сто очков взрослым художникам. И в голове крутится одна шальная мысль — а почему бы не выпустить все это озорное, красочное богатство на наши унылые, пыльные, серые улицы? Может быть, прогуляться во всем этом и в ярких солнечных лучах, и в пасмурную погоду? А вдруг и взрослые признают эти радужные краски, что-нибудь наденут на себя и, наконец, отвлекутся от своих мрачных мыслей и начнут улыбаться друг другу? Давайте рискнем! ■

■ "Милиция постоянно нуждается в грамотных кадрах. К сожалению, в Москве пока только два колледжа, а хорошо бы иметь хотя бы один на два округа. Москву должны охранять москвичи, они бережнее относятся к своему городу, нежели те, которые просто приезжают, чтобы устроиться на работу". (Новожилов В.И., зам. начальника Колледжа №1 ГУВД г. Москвы).

"Для воспитания сотрудников правоохранительных органов новой формации и основы наших колледжей. Профессионально ориентировать и готовить детей необходимо на ранней стадии, чтобы ребенок, что называется, с молоком матери впитал понятия честь офицера, порядочность, долг. Тогда и не будет этих оборотней в погонах". (Коровин А.А., начальник 4 курса Колледжа №1 ГУВД г. Москвы)

— Разрешите войти, товарищ полковник?

— А, Николай! Проходи, проходи. Я закончил. Это, ребята, тоже наш выпускник, — обратился полковник к молодым офицерам. — Вы свободны. В следующий раз я принесу вам фотоматериалы по теме, и мы подробно поговорим о корреляционной связи мягких тканей с их костной основой. Ты, Николай, в Москве по делам?

— Нет, Юрий Петрович, мы с другом приехали к вам. У нас большая беда.

— Садитесь. Чем могу помочь?

— Юрий Петрович, мою сестру и ее подругу, его невесту, — Николай кивнул на товарища, — две недели назад убили. Дело ведет непрофессиональный человек. Там полный глухарь. Помогите найти преступников. Я говорил с нашим руководством, оно не против вашего участия.

— Подробности.

— Вечером девчонки вышли прогуляться и не вернулись... Недалеко от места, где обнаружили их трупы, я нашел одну сережку сестры. Вот и все. Как всегда, никто, ничего...

— Вот что, Николай, завтра у меня лекции в университете, послезавтра занятия здесь, в колледже. Я приеду к вам в пятницу, если не возражаешь.

Мальчишки, достойные погон

"Помогите найти ребенка!.." "Помогите найти сына, пропавшего без вести на войне!.." С такими просьбами часто обращаются к нашему преподавателю Юрию Петровичу Дубягину, и никто не припомнит, чтобы он, чрезвычайно занятой человек, кому-либо отказал. Не может наш полковник пройти мимо беды людей.

Авторитет полковника милиции, профессора, доктора юридических наук, эксперта-криминалиста, автора многочисленных трудов и методических рекомендаций, чрезвычайно высок, потому и приглашают его в другие страны. В одном из штатов США ему были настолько благодарны за помощь, что шериф снял с себя звезду и прикрепил ее к пиджаку русского "полицейского". И что вовсе беспрецедентно — он стал почетным шерифом штата.

Юрий Петрович — фанатик своего дела. Он постоянно привлекает наших курсантов к практической работе. Некоторые под его руководством пишут и публикуют статьи и брошюры. Ученик академика Герасимова, он развивает его метод восстановления лица по черепу. Как-то на Воробьевых горах нашли труп женщины, лицо которой преступники сожгли. Обратились к Юрию Петровичу, и тот привлек к работе курсантов нашего колледжа. По реконструированному лицу художник-криминалист нарисовал портрет, его поместили в газеты. Вскоре в квартире полковника раздался телефонный звонок.

— Я звоню вам из Таиланда. Увидел в вашей "Литературной газете" портрет неизвестной женщины... Она очень похожа на мою хорошую знакомую, московскую коллегу... — и собеседник назвал фамилию врача.

По данным, сообщенным тайландским врачом, нашли медицинскую карту женщины, и по зубам, не пострадавшим от огня, доказали, что убита именно она. Так наши курсанты помогли специалистам установить личность человека.

— В литературе часто цитируют великого Суворова, что война считается законченной только тогда, когда похоронен последний солдат, — говорил нам на лекциях

Юрий Петрович. — Но забывают почему-то самое важное слово — "неопознанный". Суворов говорил: "последний неопознанный солдат"! В России раньше никогда не хоронили неопознанные трупы. Их умели сохранять и годами выставляли по большим праздникам перед церквями в надежде, что их распознают. И это правильно, это по-человечески, по-христиански. Дактилоскопия зародилась не у нас, но в деле сыска дореволюционная Россия настолько обогнала весь мир, что учиться приезжали к нам.

Сам Юрий Петрович разработал методику, которая, к сожалению, у нас не введена, зато ее взяли на вооружение некоторые страны. В США, например, после ее введения в деле сыска резко повысился процент раскрываемости.

Нам вообще повезло с преподавателями. Это профессионалы высокого класса. Ни один преподаватель не откажет в консультации. Мы считаем, что знания в нашем колледже дают на порядок выше, чем в других учебных заведениях.

"У нас жесткий отбор: человек не просто должен быть специалистом, но иметь педагогический дар, и самое главное — любить детей, хотеть с ними работать. Преподаватель, как врач: если ему дано от Бога лечить — он лечит, если нет, то калечит. Наши преподаватели душу вкладывают в ребят. Как начальник курса, я часто присутствую на занятиях и, имея два высших образования, с удовольствием слушаю их". (А.А. Коровин)

Многие специалисты до того, как пришли в наш колледж, работали на оперативной работе, в следствии, и им есть, о чем рассказать. Например, майор милиции Сергей Александрович Золотухин, преподаватель криминологии и криминалистики, проработал старшим следователем по экономическим преступлениям. А до этого — несколько лет в ОМОНе. Сергей Александрович был командиром блокпоста в Чечне, участвовал в раскрытии дела Властелины, преподавал в Академии МВД. Он, так же как и полковник Дубягин, восхищается правоохранительными органами им-

ператорской России, считает, что подготовка кадров тогда была на высочайшем уровне.

С оперативной работы пришел и наш командир взвода Дмитрий Александрович Жуков. Мягкий по характеру, он относится к нам по-товарищески. Если возникают конфликты, спокойно разбирается, считая, что всегда можно найти компромисс и прийти к обоюдному согласию. Иногда Дмитрий Александрович рассказывает нам случаи из своей практики.

— Жизнь, ребята, — не книжки, и вы должны быть готовы к суровым реалиям. Это в сериалах всё красиво, а на самом деле всё гораздо приземленнее. В розыск я пришел после окончания Высшей школы милиции, пришел романтиком, но реальность быстро отрезвила. Тяжело вначале было работать с преступниками, понять их психологию.

“Это мой первый выпуск. Тяжело переживать после оперативной работы. Одно дело преступников ловить и совсем другое — воспитывать нормальных мальчишек. Я учился вместе с ними, учился воспитывать и понимать их”. (Д.А. Жуков)

Начальник же нашего курса Анатолий Алексеевич Коровин (до назначения к нам после окончания Академии Управления) и вовсе прошел путь от постового милиционера до заместителя начальника 132 отделения милиции, где проработал во всех службах. Много занимался с детьми, подростками. Как кандидат спорта по вольной борьбе вел кружок при отделении.

Кроме Анатолия Алексеевича, у нас работают его младший брат и старший сын, который закончил сначала наш колледж, затем Академию. Сейчас он командует взводом. В кабинете Анатолия Алексеевича на стене висят его награды, а рядом с ними — орден Материнства третьей степени, орден его матери, воспитавшей семерых сыновей. Теперь у нас учится и его младший сын.

Поначалу, после 9 класса общеобразовательной школы, нам трудно приходилось. Поступая, мы смутно представляли, что нас ждет. А ждал нас КМБ — курс моло-

дого бойца. И с первой же минуты на нас обрушился мощный воспитательный прессинг.

— Не умеешь подчиняться, не сможешь командовать, — первое, что мы услышали от заместителя начальника колледжа по учебной работе, полковника милиции Виктора Алексеевича Новожилова. Поначалу странно было слышать эти слова от такого интеллигентного человека. Тем более, что он по образованию конструктор-технолог, заканчивал МАИ и в милицию попал по партийному набору.

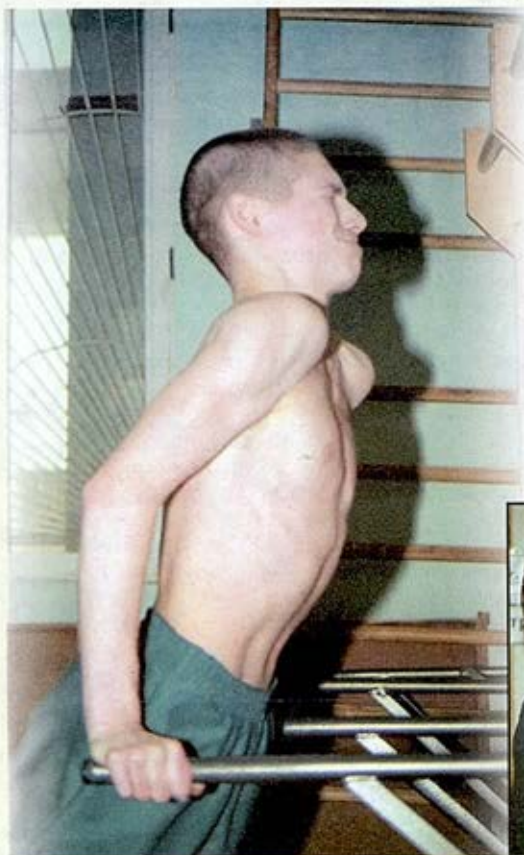
“Ребята, начитавшись детективов, романтиками приходят сюда и должны с первых же дней понять, правильно ли сделали свой выбор, его ли это стезя. Многим тяжело, они не готовы подчиняться. А если не умеешь подчиняться — не в ту систему попал”. (В.И. Новожилов)

Начальник же цикла военных дисциплин и физической подготовки майор Александр Юрьевич Кузнецов, который пришел в органы из большого спорта (играл в волейбол в одной из команд высшей лиги), вовсе давил нас своей эрудицией.

— Офицер — это ум, сила и умение. Человек должен быть гармоничным, тем более вы, будущие офицеры. Вы должны не только овладеть юридическими знаниями, но и быть физически развиты. Как сотрудник может быть слабым? Как может задерживать преступника, если не подготовлен? Знаю, что трудно, но человек должен уметь преодолевать трудности. Не могу — такого нет! Человек может многое, и даже сам не представляет, насколько велики его возможности. Нужно воспитывать в себе волю. И так во всем. В жизни приходится очень много планов преодолевать. Хочу, чтобы вы были достойны погон и формы. Честь офицера — не пустые слова. И запомните, что у нас за неуспеваемость по физической и огневой подготовке отчисляются так же, как и за неуспеваемость по юридическим дисциплинам.

Вжмут из нас все соки, а мы учи на завтра химию, физику, математику да, в придачу, Конституционное право! И на кой она сдалась?! Это потом мы поймем, что Кон-

ституционное право — основа всей юриспруденции, а тогда... К тому же мне все казалось, что преподаватель Михаил Михайлович Апхимович ко мне придирается по чем зря. (Впоследствии, когда он читал нам философию и логику, дошло до меня, какой это образованный и интересный человек.)

— Ничего, — успокаивал нас взводный, капитан Дмитрий Александрович Жуков, — привыкайте. На службу пойдете, еще тяжелее будет.

— Это вам-то тяжело?! — восклицал начальник нашего курса подполковник милиции Анатолий Алексеевич Коровин. — Когда меня направили в колледж, принял я роту ребятишек, только окончивших шестой класс, а не как вас, после девятого. У меня есть фотографии, где они ползают по мне, как по... Как-то на торжественном построении выстроились, команда: "Равняйся! Смирно!" Я по форме докладываю руководству, смотрю, у начальства лица изменились, оборачиваюсь, а моих нет на плацу — они по деревьям висят, как груши. Потом пришли к выводу, что нельзя набирать после шестого класса — слишком рано требовать строгое подчинение в таком возрасте. Дисциплина — она или есть, или ее нет. Полумеры не приемлемы, а как с них это требовать? Но то дети, а вы уже взрослые, сознательные, должны понимать.

"Некоторые из ребят думали, что сборы — это все равно что отдых в пионерском лагере. Тут жизнь по уставу: подъем, зарядка, пробежка несколько километров, затем уроки, самоподготовка, тренировки. Возвращаются оттуда совсем другими. Сборы дисциплинируют". (А.А. Коровин)

Вот так и начинали. Смотрим теперь на запуганных первокурсников, и смешно становится — а ведь мы были такими же. Это теперь понимаем, что у нас не муштра, что нас опекают и любят, просто воспитывают настоящими мужчинами и офицерами.

То, что общеобразовательные предметы зачастую преподавались в гораздо большем объеме, чем в школе, — это правильно. Каждый наш преподаватель считал, что его предмет самый важный, и, что

называется, драл с нас три шкуры. Тогда мы потихоньку ворчали, теперь же — благодарны.

Человек должен быть разносторонним. Знания "лишними" не бывают, и прав Александр Юрьевич Кузнецов, постоянно повторяющий нам:

— Мальчишки должны интересоваться всем. Вы должны много учиться, должны овладеть хотя бы одним иностранным языком и обязательно компьютером. В жизни всякое может случиться, поэтому, помимо своей узкой специальности, вы должны еще что-то уметь.

Готовят нас к будущей профессии серьезно и основательно. Юридические дисциплины делятся на циклы (кафедры), на которых работает немало женщин, что очень приятно. Пришли к нам и новые молодые преподавательницы, которых мы успели полюбить. Раз уж речь зашла о женщинах колледжа, вряд ли кто из курсантов забудет наш медперсонал. Зубного врача перестал бояться даже я, и чуть что — бегу в ее кабинет. Не секрет, что иногда появляется желание прогулять занятия, особенно, если к ним не готов. Но все попытки ребят симулировать болезнь проваливаются — нашу "железную леди" не проведешь. Зато достаточно было одного брошенного взгляда на меня, когда я не совсем здоровый явился в колледж. Она тут же потребовала вернуться домой, хотя я просил допустить меня к занятиям.

Кстати, преподают нам и медицину — офицер должен уметь оказать первую помощь пострадавшим. К тому же, как только курсанты достигают 18 лет, они занимаются в автошколе, поэтому мы все имеем права и видим машины.

Что же касается нашей физической подготовки, это отдельная песня. Право, и смех и слезы. Попробуйте поспорить с мастерами спорта! Работают с нами многие, потому что в программе нашей — легкая атлетика и бокс, гимнастика и акробатика, волейбол и баскетбол, различные виды борьбы... В общем, легче перечислить, чем мы не занимаемся и в каких командных первенствах не побеждаем.

“В основном ребята приходят физически очень слабые. На начальном этапе мы ликвидируем пробелы школ, даем общефизическую подготовку, гоняем и подтягиваем слабейших. Затем уже приступаем к спецподготовке. Мы со стадиона и спортзалов не уходим с 8 утра до 8 вечера. Преподаватели наши занимаются с отстающими и по субботам — в свой выходной день. Хочу, чтобы коллеги, с которыми будут работать наши выпускники, сказали: да, в Первом колледже хорошо готовят ребят. Это не просто тщеславие. Мы ответственны за курсантов. Они покинут наши стены — и сразу же попадут в боевую обстановку. Мы должны быть спокойны за них, уверены, что они справятся”. (А.Ю. Кузнецов)

Но главный наш учитель, которого мы из спортсменов больше всех и любим, — это самбист, смертельный враг курения и великий шутник. Перед началом каждой тренировки Виктор Григорьевич Ткаченко непременно читает нам проповедь о вреде курения и пользе спорта.

— Вы офицерами готовитесь стать или кем?! — заключает подполковник теоретическую часть. — Вопрос риторический, посему, ноги в руки, и вперед!

Эти кроссы перед началом отработки приемов боевого самбо у нас в печенках сидят. Но если вы его хоть раз увидите, то и со смертного одра вскочите да побежите, как миленькие. Попробуй у него похалаявить — нарвешься, мало не покажется.

“Виктор Григорьевич — это преподаватель от Бога! Он ведет боевой раздел самбо, мастер спорта, неоднократный призер. Сам себя не щадит и к ребятам требователен. В лютый мороз в одной кожаной куртке ходит, в мини-футбол может три часа кряду играть. И это в его-то возрасте!” (А.А. Коровин)

Ох, и гоняет он нас! И не только на своих занятиях. На переменах Виктор Григорьевич самозабвенно носится по территории колледжа, устраивая облавы на курильщиков. Хотя третьему и четвертому курсу не запрещают курить, но лучше с сигаретой ему на глаза не попадаться — проклянешь все на свете. Поверьте мне, сам два раза попадался.

Неотъемлемая часть нашей профессиональной подготовки — огневая, которой мы занимаемся два года. Требования к ней очень высокие, а ведет ее молодой, но опытный офицер — капитан милиции Максим Михайлович Солдатов.

— Милиция не копается в бумажках, а имеет дело с людьми, и иногда приходится применять оружие. Стрельба милицейская отличается от спортивной. Вы должны научиться стрелять так в преступника, чтобы сохранить ему жизнь, а для этого нужно знать, куда стрелять. На практике вы убедитесь, что стрелять по мишени и по живому человеку — разница несоизмеримая. Да, вы будете знать, что целитесь в опасного преступника, но вы так же будете знать, что этот преступник — живой человек. И психологически преодолеть такой барьер не каждый может.

Правда, сам я пока не представляю, как смогу направить на человека пистолет, пусть даже преступника. После теоретического курса переходим к практике. Нашему курсу повезло: в колледже открыли тир, которому могут позавидовать многие. Даже в ОМОНе такого нет. У нас стоят компьютеры, и на мониторе видно, куда попал, если вообще попал.

— Человек должен почувствовать оружие, — говорит Максим Михайлович, — как ходят механизмы, как они взаимодействуют.

Сдать экзамены по стрельбе сложно. Сначала стреляем просто по мишени, потом на скорость. Затем сдаем зачет по стрельбе после физической нагрузки и из разных положений во время бега. Стреляем днем, стреляем ночью при свете маяка...

— Вы должны много тренироваться, чтобы довести до автоматизма ваши действия, чтобы в сложной ситуации не растеряться, а быстро достать оружие, перезарядить пистолет.

В общем, ни патронов, ни времени для нас не жалеют, стреляем столько, сколько надо. Максим Михайлович постоянно по субботам на месте, чтобы тот, у кого не получается, мог потренироваться. Он свою

работу считает интересной, но вредной. Большое количество газов, шум стрельбы. Раньше таким сотрудникам полагались дополнительные дни к отпуску, питание и надбавка к жалованью. Теперь этого нет.

Нашему курсу повезло и в том, что мы поступали и проучились три с половиной года при основателе колледжа — полковнике Смирнове Геннадии Федоровиче. Это профессионал с большой буквы. Он душу вложил в наше заведение. Благодаря ему, у нас такие условия обучения, великолепное здание, замечательная библиотека, новейшие компьютеры, современные полосы препятствий и тир. А самое главное — такой преподавательский состав.

— Тяжела работа милицейская, — предупреждает майор Кузнецов, — зарплата маленькая, а время не нормировано. Соблазны есть, и те, кто на легкие деньги падок, кончает плохо. Никогда нельзя использовать служебное положение в корыстных целях. А то смотришь, сержантские погоны нацепил, удостоверение получил — я власть. Маленькая, но власть. Форму надел — и я король. Не хочу, чтобы наши были такими.

Порой человек, называя нас ментами, мусорами, не отдает себе отчет, что за этим стоит. А это бессонные ночи, ненормированный рабочий день, гибнут люди, дети остаются сиротами. В наших газетах чуть ли не на каждой полосе — убит, погиб при исполнении... Если нормальный, законопослушный человек задумается над этим, повернется ли у него язык назвать нас такими словами? Эти слова из зоны пошли, а некоторые обыватели, не задумываясь, повторяют. Обидно, правда, но Бог с ними. Старайтесь не обращать внимания.

Сейчас мы проходим практику. Затем сдадим государственные экзамены, надеждем офицерские погоны, примем присягу на Поклонной горе и прощай, Первый. Нас ждет город, больная, но любимая Москва. А наши наставники и преподаватели, готовя нас к боевым будням, думают уже о других воспитанниках. ■

ЖИЗНЬ

Россия поистине огромная страна. В ней "теряются" даже города, не говоря уж о небольших поселках. И неважно, что от поселка до столицы каких-нибудь полчаса на маршрутке и большинство молодых его жителей — студенты престижных московских вузов. Жители поселка с романтическим названием "Шишкин лес", которое есть не на всякой карте, считают себя настоящими провинциалами. И гордятся этим.

Вы можете себе представить, чтобы жители одного из московских районов, увидев на улице объявления о предстоящей уборке территории, послушно взяли веники и другие орудия общественного труда и вышли убирать родной двор, родную улицу?

В ШИШКИНОМ лесу

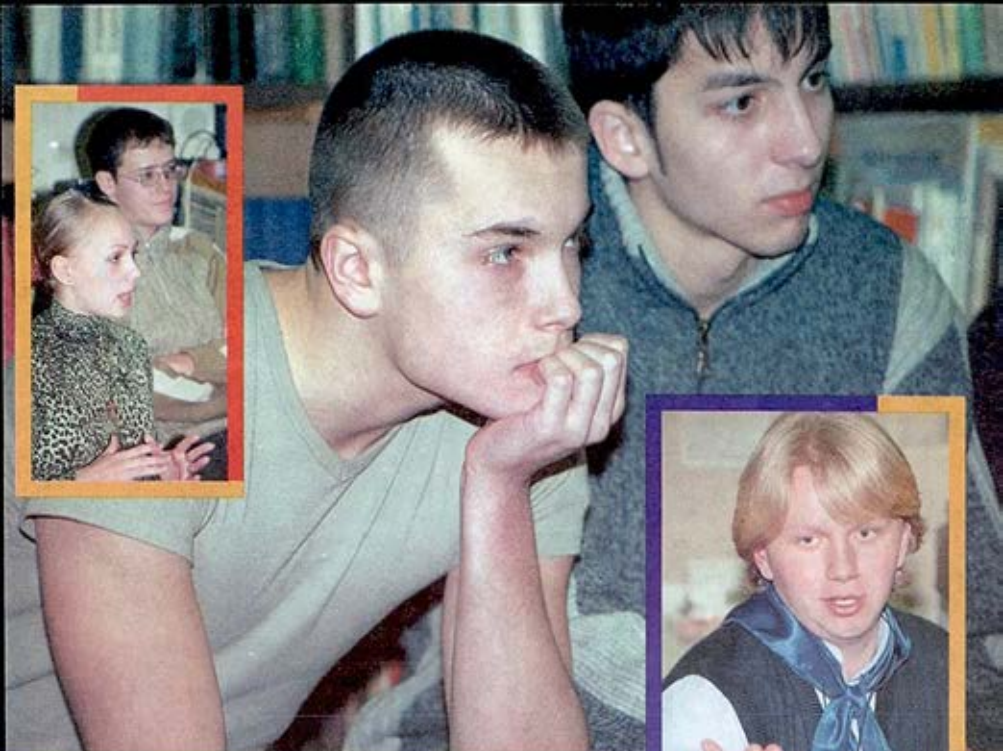
Марина ФЕТИСОВА

Смешно даже! А вот для жителей Шишкина леса это в порядке вещей. Весной здесь стараниями членов Союза творческой молодежи буквально на каждом столбе всегда появляются вышеупомянутые объявления. Поначалу ребятам из Союза творческой молодежи приходилось задействовать все свои творческие способности, чтобы пробудить в жителях родного поселка патриотические чувства. Для каждого нужен особый подход: кому напомнить славное прошлое, кого заинтересовать веселым общественным мероприятием, а для кого устроить бесплатную дискотеку по его окончании. Тут, как говорится, все средства хороши, лишь бы народ пошел! И люди отклик-

нулись: более сотни шишкинцев ежегодно принимают участие в уборке поселка. Кстати, главным пунктом программы по уборке поселка ребята считают наведение порядка на местном кладбище. И действительно, по состоянию городского (или деревенского) кладбища можно судить о том, какие люди там живут. Уважение к родным могилам рождает уважение к родителям, к Родине. Некоторые скажут, это только красивые слова, что ж, доказательство обратного — вся деятельность шишкинского Союза творческой молодежи.

Ребята из Союза убеждены, что Нетворческой молодежи просто не бывает: каждый человек обязательно талантлив, а мо-

фото Владимира Чейшвили

лодой человек еще и имеет силы найти применение своему таланту. Каждый. Другое дело, что существуют внешние обстоятельства, которые препятствуют этому: начиная от неблагополучной семьи и заканчивая отсутствием денег. Цель Союза творческой молодежи — объединить молодых людей, школьников, студентов, и даже закончивших уже вуз и работающих людей, и сделать все возможное, чтобы каждый смог найти применение своему таланту. Цель прекрасная, дело за малым — воплотить ее в жизнь. И в отличие от нас, москвичей, привыкших надеяться на социальные службы (мы ведь налоги платим!), эти "провинциалы" засучивают рукава и все делают сами, от уборки территории до создания собственной рок-группы. Администрация, конечно, тоже помогает: для уборки предоставила перчатки и даже мешки для мусора, а рок-группу обеспечили ударной установкой. Но согласитесь, для уборки территории одних мешков маловато, а чтобы получилось что-нибудь похожее на рок, нужна хо-

та бы гитара. Вот ребята и крутятся, и щ у т ,

где бы подработать. Ладно, гитары куплены, таланты налицо, а помещения для репетиций не дают. Может, для кого-то это и проблема, но не для русского человека. Нашли свободный подвал, поставили установку — вот вам и "зал для репетиций". Так живет шишкинская рок-группа "Замок снов", о которой, судя по качеству их музыки, скоро узнают многие.

Конечно, постоянный финансовый кризис — нормальное состояние для молодого человека в России. Но если студенты способны как-то выкрутиться, подработать, то что делать школьникам, малышам? К сожалению, именно в школьном возрасте ребята чаще всего попадают на улицу, становятся "беспризорниками". Говорят, что обратного пути для этих детей уже нет. В Союзе творческой молодежи считают по-другому.

Отъявленные хулиганы, "трудные" по общественным понятиям подростки находят в Союзе дело по душе, будь то бокс или танцы, театр или КВН. Алла Виноградова, методист, ведущая танцевальное направление клуба, говорит: "Они как волчата, забившиеся в угол. Главное для меня — через танцы подарить им немного любви и научить верить в себя". Учиться танцевать к Алле приходят более 25 ребят. Они уже многого достигли: их неоднократно приглашали выступать в Москву. Но это не самое главное. Алла знает, что каждый из них собирается делать в будущем, куда пойдет учиться — это неоднократно обсуждалось с ребятами. При встрече она обязательно спросит каждого, как у него дела в школе, какие проблемы в семье, если надо, предложит свою помощь: кому переночевать негде, приютит, а кому есть нечего, накормит.

Она слишком много значит для своих учеников. Помните мудрые слова: мы в ответе за тех, кого приручили...

Лев Николаевич Толстой считал детство и отрочество самыми важными этапами жизни любого человека. В детстве человек получает самые яркие впечатления, в детстве формируется его характер. Весь мир учится у великого русского писателя ответственному отношению к семье и детям. Весь мир, но только не Россия. В нашей стране принято с пренебрежением относиться к детским проблемам, мол: маленький человек — маленькие проблемы.

Тринадцатилетняя девочка Оля очень любила танцевать. Может быть, только закружившись в танце, она забывала свою унылую квартиру и постоянные скандалы с родителями. В шишкинском клубе современного танца Оля нашла друзей, клуб стал ее настоящим домом. И все бы хорошо, если бы родители Оли не препятствовали ее увлечению. Девочку не пускали, она начала убежать из дома. Опять скандалы. Руководитель клуба Алла пыталась поговорить с родителями Оли, но это оказалось не просто — они не хотели ее слушать, обвинили в том, что дочь убегает из дома. Всем было ясно: что-то должно произойти, ни один че-

ловек не может выдержать постоянного давления, причем со стороны самых близких и, конечно же, любимых людей. Оля решила покончить с собой. Еще мгновение — и эта история не имела бы продолжения. Пять этажей до земли — и все кончено. Но кто-то на небе посчитал, что это слишком суровый урок для родителей девочки. В тот момент, когда Оля собиралась сделать последний шаг, они вошли на балкон и успели удержать дочь. Часто лишь потеряв то, что имеем, мы начинаем ценить это. Так и родители Оли наконец поняли, что могут лишиться самого дорогого, что у них есть — дочери. Они сами пришли к Алле просить позволить их дочери танцевать. Больше девочка не убегает из дома, наоборот, с удовольствием возвращается туда, где ее любят и понимают.

Пусть эта история послужит уроком тем, кто еще не научился понимать своих детей. У них тоже есть проблемы, едва ли не более важные, чем у взрослых. Только в отличие от взрослых, дети порой не в состоянии сами решить их, и, к сожалению, часто находят способ избавиться разом от всех проблем, в том числе и будущих.

Есть в обществе еще одна категория граждан, которая нуждается в нашей помощи — пожилые люди. Хорошо, когда у пенсионера есть дети и внуки, которые заботятся о нем, помнят, помогают. А если нет? Помочь им — долг молодых. И пенсионеры — желанные и почетные гости всех мероприятий, проводимых Союзом творческой молодежи. И скучать им не приходится. Конечно, от некоторых забав старики воздерживаются. Не каждому пенсионеру под силу залезть на щедро смазанный маслом столб, на вершине которого прикреплен вожденный приз. Эту старинную русскую забаву организовали ребята на Масленицу. Зато танцы — дело святое. Как услышат старики музыку, сразу в пляс, весь ревматизм как рукой снимает!

И, надо сказать, такая возможность им предоставляется довольно часто. Шумные, а иногда, впрочем, и тихие, праздники для шишкинцев — обычное дело. Нашей редакции сильно повезло — мы поучаствова-

ли в одном из них. А было это так. Нам в редакцию "Молодого бульвара" позвонили ребята из Союза творческой молодежи и предложили приехать к ним, пообщаться с читателями нашего журнала. Мы удивились. Выездные читательские конференции, так это называется на профессиональном языке, давно не в моде. Однако "очная ставка", как по инерции после занятий выразилась студентка юридического факультета МГСУ, член шишкинского Союза творческой молодежи, превратилась в настоящую дружескую встречу. Никто из нас не ожидал столь теплого приема. Оставив позади шумную Москву, мы как будто попали в другой мир, мир, где незнакомому человеку могут радоваться, как другу.

Встреча проходила в шишкинской библиотеке. Надо сказать, горячий чай, домашняя выпечка и домашние же соленья, предложенные нам гостеприимными хозяевами, немало расположили голодных журналистов к дружеской беседе. Вы смеетесь, но далеко не всегда люди задумываются о таких "мелочах"! И вот в библиотеку стали приходить жители поселка. Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что возраст пришедших колеблется от восьми лет до восьмидесяти. И каждый из них высказал свое мнение. А началась встреча, вы не поверите, со стихов, которые прочитала заведующая библиотекой, с бумажкой, волнуясь, как на утреннике в детском саду. Потом ребята из Союза творческой молодежи немного рассказали о своей работе, показали снятый и смонтированный ими фильм. Слезы умиления наворачивались на глаза, когда мы видели малыша, поднявшего с земли очередной фантик во время уборки территории и радостно сообщивший об этом старшим. Затем настало время собственного общения: хотелось обсудить так много! Отдали мы должное и политике, и проблеме чтения, и, конечно же, многочисленным проблемам молодежи. Как приятно встретить думающих, имеющих собственное мнение собеседников!

А в конце нас ждал подготовленный ребятами сюрприз: целый букет блестящих творческих подарков. Мы услышали выступ-

ление уже упомянутой рок-группы "Замок снов" с Виталием Штейманом во главе. Для нас пели и играли лауреаты вокального конкурса "Соловушка" Анна Шульгина и Оля Филимонова, подарившая нам несколько песен собственного сочинения. Слушая их, я думала, что редкий участник суперпопулярного проекта "Фабрика звезд" столь же талантлив, как эти девчонки. И как обидно, что по радио нам приходится слушать прекрасно обработанные дорогой техникой "голосочки" эстрадных звезд, а нежные сильные голоса этих по-настоящему талантливых людей раздаются только в шишкинской библиотеке! Пела и танцевала для нас и Алла Виноградова. Если она смогла создать образ, танцую на небольшом пятачке в библиотеке, предварительно скинув для удобства туфли, на что же она и ее коллектив способны на сцене и в костюмах! Самыми стеснительными оказались ребята из шишкинской команды КВН — они до последнего отказывались раскрывать перед нами свои таланты, но приказ их очаровательной руководительницы пересилил смущение. И они все-таки сыграли несколько забавных сценок, подарив нам пять минут чистого искреннего смеха. Спасибо вам, ребята! Нечасто в полном недоверия современном мире мы оказываемся в такой теплой дружеской атмосфере.

Это удивительно, что, постоянно осаждаемые всевозможными проблемами, ребята способны творить и радоваться жизни. Они не жалуются, но нужно быть слепым, чтобы не заметить, мягко говоря, натянутых отношений руководителей Союза с официальным руководством поселка. И, наверное, не от хорошей жизни ребятам приходится самостоятельно шить костюмы для выступлений. Они не ругают правительство и министерства, которые ДОЛЖНЫ помогать таким организациям. Они рассчитывают на собственные силы. И дай Бог, чтобы им хватило этих сил, чтобы стать настоящей, официальной молодежной организацией. Пусть и провинциальной. Недаром ребята гордятся тем, что они провинциалы. Они имеют на это право! Они доказали. ■

старик в бой не идут

Екатерина ПОСТНИКОВА

■ Ну что ж, о наказаниях мы поговорили и больше возвращаться к ним не будем. В армии достаточно хорошего, так давайте лучше об этом.

Знаете, какое слово больше всего греет душу не только солдата, но и офицера? Слово это — ДЕМБЕЛЬ, то есть — увольнение в запас, демобилизация. Сладкое, волшебное слово. Особенно, конечно, для солдата. И совсем уж особенно — для "духа", который начинает мечтать о дембеле буквально с первых мгновений службы.

Приблизить свое увольнение можно, хотя и незначительно. Допустим, призвали 9 июня, и ты дожидаешься именно 9 июня. Но если ты не съездил в положенный тебе отпуск на 20 дней, то тебя должны уволить на 20 дней раньше. Получил звание "младший сержант", то выигрываешь еще 10 дней, имеешь благодарность от командира плюс 5 суток у тебя в кармане. Можно попытаться уйти раньше по семейным обстоятельствам, но это не у всех получается. Ведь надо еще умудриться изобрести такие семейные обстоятельства...

Два года тянутся долго. А хоть какой-то свободы хочется. Ее и дает дедовщина (одна из причин ее живучести).

По уставу "дедушка" — обычный солдат, а вот негласно...

1. "Дедушке" не положено выполнять никаких работ по подразделению: делать уборку, вытирать пыль, застилать кровать,

таскать тяжести. Конечно, если у него есть желание, он может чем-то заняться на благо родной части. Например, существует такое понятие как "дембельский аккорд" (об этом в следующем номере).

2. "Деды" могут прийти в столовую, сесть за отдельный "стариковский" стол, заказать повару мяса, и тот принесет, даже если никому другому оно в итоге не достанется. Или, допустим, кто-то из "лысых" приехал из увольнения, привез варенье, шоколадки, сигареты — все это достается "дедушкам". В столовой солдатам каждый день дают масло или сгущенное молоко, по 70 граммов на человека. Такой кусочек (или ложечка) называется "пайка". Так вот, "дедушка" получает на завтрак или ужин "пайки" по четыре. В общем, не голодают старички.

3. "Деды" имеют право носить носки, теплые вещи, употреблять спиртные напитки, целый день валяться на кровати, не ходить на зарядку.

4. Как только в части появляются новобранцы, призванные на год позже "дедушки", то есть, его "духи", он может распорядиться ими, как хочет. Гонять по поручениям, заставлять стирать свою форму, добывать продукты, приносить деньги. Если специально напрячь "духа", он станет считать, сколько дней тебе осталось до приказа об увольнении. Полный простор фантазии, одним словом.

Шагом марш!!!

Но! Есть одно "но". Чтобы превратиться из "духа" в "дедушку", недостаточно прослужить в армии год. И недостаточно даже старательно работать на своего "дедушку". Для окончательного перерождения бесправного существа в хозяина мира наши изобретательные солдаты придумали два ритуала.

Итак, первый. Он называется — **"расслабить" солдата.**

Что это значит? Ты перестаешь выполнять работы для подразделения и отныне работаешь только на "дедов". Чем активнее ты выполняешь поручения, тем скорее твое положение изменится. Произойти это может и через два месяца службы, и через три, а может, через год — это зависит только от твоего усердия. Все решает твои "дедушки" — ребята, для которых стараешься.

Сама процедура "расслабления" происходит так: "дедушки" собираются вместе, вызывают тебя, и каждый из них бьет тебе "в душу" (в солнечное сплетение). После этого берут ремень, пишут на нем, когда и кем был "расслаблен" данный солдат, и каждый расписывается. Если же человек переводится в другую часть, ему дают "маляву", письмо, адресованное тамошним "дедам": мол, такогото числа этот человек "расслаблен" такими-то (фамилии и подписи). Часто оставляют адрес или телефон для связи. "Малява" нужна, чтобы переведенный в другое место солдат не утратил там своих привилегий и вновь не оказался на положении "духа". Конечно, встречаются и подлоги. Был случай, когда в подмосковную часть прибыл рядовой и с ходу заявил, что он, дескать, уже "расслаблен". Ему ответили: "Давай маляву!" Малявы у него не оказалось, но на следующий день она возникла неизвестно откуда, и вот что там было написано: "Просим вашего содействия в любой трудной ситуации этому военному служащему, который "расслаблен" нами..." — ну, и так далее. Излишне говорить, что таким официальным языком настоящие "малявы" не пишутся...

Заметили, как все это похоже на тюрьму? Даже само слово — "малява" пришло к нам из блатного жаргона. А все потому, что солдаты по своему положению отличаются от заключенных крайне мало, разве что пост-

ледние знают, за что сидят. Это мнение самих солдат, я всего лишь его цитирую.

Ну, хорошо. Допустим, солдата "расслабили". Но он все равно пока остается "духом", разве что привилегированным. И начинается ждать и надеяться, что его вскоре "переведут" в "дедушки" или "хлопнут", что одно и то же.

"Переводить" молодого имеют право только его "деды", солдаты, которые призвались на год раньше его. И если они уволились, не "переведа" кого-то, он уже не имеет шансов стать "дедом". Даже в случае, если они пока не уволились, но приказ о демобилизации уже подписан, они не могут никого "переводить". Поэтому ребята, живущие по дедовщине, стараются изменить свое положение как можно раньше.

Как сказал мне один солдат-срочник, самая прелесть — когда тебя "переводят", а твои "деды" еще не уволились. Ты можешь вести себя, как равный им, и они ничего не скажут...

А теперь — слабонервных прошу закрыть журнал и дальше не читать. Рассказ Олега: **"Как переводят в дедушки"**.

— О том, что на днях я стану "дедушкой", мне сообщили мои "деды". Нас было трое, и всех троих решили перевести в один день. Просто сказали: "Ты, ты и ты — вам нужно найти 1500 рублей, каждый по 500. Если найдете, мы вас "хлопаем". Вы свое отбегали". Кстати, меня предварительно не "расслабляли", такое тоже иногда случается. Уж не знаю, почему так вышло именно со мной. Но так или иначе, мы троим, высунув языки, принялись добывать деньги. На поиски полутора тысяч у нас было всего пять дней. А где взять деньги в войсковой части? Ну, бегали, брали взаймы, сколько-то привезли из увольнения. Я мог попросить у родителей, но не хотел этого делать: они бы такого просто не пережили. Ведь считай, за эти деньги тебя должны очень сильно избить. Денег мы набрали. Но тут возникло осложнение: зная, что через 5 дней они будут нас "хлопать", "дедушки" напоследок свое урвали. Накопим денег, а они: "Надо бы в магазин сходить, водички купить, пельменeschек..." И нам приходилось тратить, потом

опять бегать и занимать... В итоге заплатить нам пришлось не 1500, а примерно 2200 рублей.

Но, наконец, настал решающий день. На 50-й день до приказа, ближе к вечеру, проходим мимо бытовки, а "дедушки" там, в бытовке, стоят с солдатскими ремнями в руках и бляхи на них натирают. Нам и так страшно, а тут еще такое зрелище... Ощущение, словно палач стоит и топор точит. Потом — сидим, ждем. Первым из нас пошел Мишка, мой друг. Его дневальный позвал: "Такой-то, на выход!" Дверь бытовки за ним закрылась, и оттуда слышны только звуки ударов, вскрики и стоны. На психику давит — ужас. Лучше уж идти первым, чтобы все эти звуки не слышать и не мучиться ожиданием. Вернулся Мишка весь белый, как стена. Мы к нему: "Что там? Как там?" Молчит. Пошел следующий, Леша. А мне последним идти. Сижу, уже трясти начинает. Сниму шапку, надену, снова сниму — не знаю, как лучше. В конце концов, просто в угол ее забросил... Наконец, прозвучала моя фамилия. Зашел. Стоят деда и свидетели (свидетели — это мой старший призыв). На случай, если деды увольняются и у меня возникают проблемы, свидетели подтвердят, что все сделано правильно. Этим было двое. А дедов с моего подразделения — четверо, и один — из другого, причем самое гадкое, что он пришел пьяный.

Ну, свидетели берут тебя под руки, дед наматывает на руку мокрое полотенце, чтобы синяков не оставлять, и этой рукой, кулаком, изо всех сил бьет тебя под дых. От каждого "дедушки" тебе достается по четыре-пять ударов. Я помню, было не столько больно, сколько сразу перекрыло кислород: уже на третьем "дедушке" я потерял сознание. Дышал-то только тогда, когда они местами менялись, в остальное время просто не мог вдохнуть. Ноги онемели, все поплыло, в общем, стал отключаться. Водой меня отлили, спрашивают: "Ну что, нормально?" Я им: "Нормально, давай дальше".

С этим закончили. Потом тебе по очереди дают "лоса". (Примечание автора: что такое "лос", читайте в следующем номере.) После этого командуют: "**К бою!**" Падаешь

и начинаешь отжиматься, а в это время тебе свободным концом ремня делают "банки". Что это такое, словами объяснить сложно, надо показывать. Что-то вроде резкого удара, когда ремень выбрасывается вперед наподобие резинки и изо всех сил хлещет тебя по "пятой точке". Потом приказывают: "**Стреляй!**" Упал, делаешь вид, что у тебя автомат, и ты из него стреляешь. Спрашивают: "Попап? Куда?" Отвечаешь: "**В духанку**". То есть, как бы уничтожаешь свое "духовское" прошлое.

Ну, а потом идет заключительная часть. Снимаешь штаны, ложишься на лавку. Полотенце в зубы, чтобы очень громко не кричал и язык не прикусил. Один "дедушка" садится тебе на спину, второй на ноги. И тебя снова начинают бить по твоей многострадальной заднице, но теперь уже тяжелыми металлическими бляхами от солдатского ремня. Одновременно, все впятером. И с такой силой, что бляхи, бывает, отрываются. Мне, например, особенно досталось от деда, который пришел пьяным. Он все больше по копчику попадал...

(В этом месте своего рассказа Олег немало нервно засмеялся, а я подумала: "Боже, как мне повезло, что я родилась девчонкой!") Однако продолжаем:

— Все длилось не слишком долго, но 40 или 50 ударов мне досталось... И сразу же тебя начинают лечить, то есть мазать избитые места зубной пастой. Она немного холодит и снимает боль. Кроме того, паста засыхает и останавливает кровь, если где-то бляха попала ребром (у меня было два рассечения). Ну, а после "лечения" мы сходили на развод, вернулись в каптерку, где уже накрыли на наши деньги стол, посидели, выпили с "дедушками" на равных.

Когда меня "**хлопнули**", я три ночи не мог уснуть. Как ни ляжешь, все болит. Причем болеть начинает наутро после "перевода", в первый-то момент не очень: и психическое напряжение сказывается, и водка, конечно. А потом здорово мучаешься. К тому же, тебя еще и поздравляют, все "хлопнутые" подходят, пожимают руку, легонько бьют "в душу" и так же легонько дают дружеский шлепок. Но даже это "легонько"

причиняет боль. Поэтому три дня я ходил только на обед, потому что на обеде в столовой присутствует офицер, а завтраки и ужины пропускал, и все время скрывался от сослуживцев...

Ну как, товарищи, впечатляет?.. Меня, автора этой статьи, впечатлило настолько, что пару дней я видела во сне исключительно дедушек с ремнями и прочие кровавые ужасы.

Да, в армии бьют. Не всех и не всегда, но бьют. Но не правы те, кто думает, что это — проявление именно дедовщины. Нормальный "дед" не станет бить своего "духа" только за то, что тот — "дух". Бьют за другое. Отказывается выполнять не требование деда, а свои прямые обязанности, стучит офицерам, подставляет своих. Например, был один солдат по имени Федя, который неожиданно для всех пошел к командиру роты и заявил ему: "Меня называют Федя, а я привык, чтобы называли Федором, и вообще, я — творческая личность! Мне здесь, в армии, не нравится." Естественно, "дед" может побить "духа". Допустим, велели ему принести сигарет, он не нашел, ему для профилактики, чтобы лучше искал — "лося". Но человек, добровольно соглашающийся жить по дедовщине, жаловаться не побежит.

Тот, кто жалуется, "дедушкой" не станет никогда. Все два года он живет только по уставу, и ребята из своего же призыва имеют право гонять его, как "вечно молодого". Если живешь по уставу, то даже когда придут твои "лысые", не имеешь права их напрягать. Ничего не делал сам — не можешь заставлять другого, таков неписанный закон. Если же его нарушаешь, тебя накажут "деды" из твоего призыва, которые в свое время достаточно побегали, чтобы заслужить себе привилегии.

Но вот — боль прошла, страшная ночь забылась, ты выходишь на финишную прямую, в конце которой — обычные ворота воинской части, которые так хочется увидеть с другой стороны... И сладкое слово **ДЕМБЕЛЬ** все ближе и ближе. На пути у тебя теперь лишь радостные вехи — отсчет дней до приказа.

Но об этом — в следующий раз. ■

К проблеме наркотиков этот текст не имеет никакого отношения. Речь пойдет о вполне мирных вещах, об автомобилях и их молодых владельцах. Почему именно о молодежи и ее автомобилях? Да просто потому, что пора уже об этом говорить. В то время, как в Европе и Америке автопроизводители ведут почти что войну за молодого покупателя, постоянно разрабатывая новые модели, чтобы привлечь молодежь, а у нас, создается впечатление, такого вопроса даже нет в принципе. А это не так, юность любит драйв, только зачастую мы видим ее за рулем абсолютно не молодежных средств передвижения (что у папы в гараже стояло, то и взял, или на что хватило денег, то и купил). Так не пора ли разобраться, что есть автомобиль молодежный, что мы требуем от него, и как насчет этого у них и у нас.

Хочу, чтоб обязательно зеленый, и антенка выдвигающаяся

Молодежный автомобиль... Что это за зверь? В нашей стране до некоторого времени такого понятия вообще не существовало. Только после того, как иностранные автомобили свободно пошли к нам из-за грани-

Ододняк

Максим БАШКЕЕВ

на

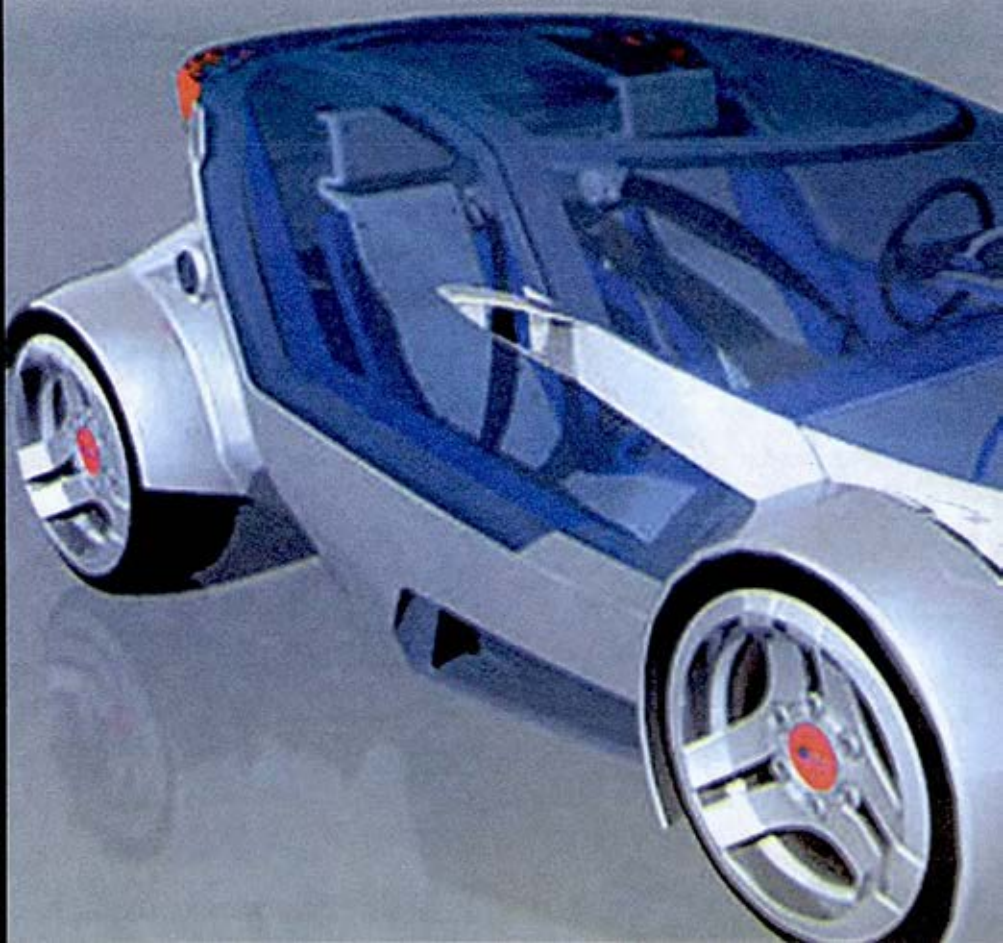
цы, мы смогли их увидеть. Если обобщить, то это: небольшой автомобиль, по европейской классификации А.В или С класс (если проще, то размерами от "Оки" до вазовского "десятого" семейства); обладающий вызывающим стилем; нетривиальными формами; разно-

цветной отделкой салона, передней панелью с явно неклассическими пропорциями; кондиционером или климат-контролем; резвым моторчиком и, конечно, механической коробкой и — полный улет — отъезжающая крыша, в смысле, убирается сама или с вашей помощью в багажник, подставляя водительское тепло ласковому ветру на Лазурном берегу... Мечты, мечты.

Что касается нашей страны, то ко всем перечисленным требованиям прибавляется еще одно, которого однако достаточно, чтобы термин "молодежный автомобиль" так и остался на печатных страницах, не обретя веществен-

колесах

ную форму в виде "живого" авто — цена, которая не должна превышать 5 тысяч у.е. Что у нас можно купить за эту сумму? "Оку"? Вазовскую классику? "Иж"-оду? Так какие же они, молодежные? Из всех вышеперечисленных требований они удовлетворяют только трем: цене, размерам и нетривиальной отделке салона. Ибо, несмотря на то, что конвейер изобретен давно, и в идеале все детали должны быть одинаковыми, изрядная доля индивидуальности сохраняется у каждого автомобиля: в смысле, каждый скрипит по-своему, да и угадать, что и куда прикрутят на заводе, зачастую не представляется возможным. На моей памяти был случай, когда у человека, только что купившего авто в салоне, на первом же светофоре улетело лобовое стекло — забыли приклеить. Да и чтобы эксплуатировать данное транспортное средство, требуются недюжинные навыки в авторемонтном деле. К примеру, погорит у вас реле где-нибудь между Рязанью и Скопным (довольно безлюдное место). Что делать будете? Куда полезете? Кого позовете?

Что у них?

США. Тенденции. Население этой страны постепенно стареет, в связи с этим понятие "молодежный автомобиль" основательно размыто и встречается чаще в рекламных стратегиях. Даже правило существует: молодежную машину можно продать всем, а автомобиль для пожилых — уже никому. Поэто-

му в рекламе никогда не встретить героя за рулем, которому перевалило хотя бы за 40. По данным одной статистической организации, средний возраст человека за рулем Thenderbird — 63 года, PT Cruiser — 50 лет, Corvett — 48. Почему так? Все просто, человек в молодости покупает не ту машину, какую хочет, а ту, на которую хватает денег. А когда денег хватает уже на все, молодость, увы, безвозвратно потеряна, вернее, осталась лишь в душе. Поэтому и покупают состоятельные дядечки то, что давно хотели иметь, когда дороги были длиннее, трава зеленее, а деревья выше. Как говорят рекламщики, они "хотят внести ощущение молодости в свою жизнь".

В Америке самыми "молодежными" марками являются "фольксваген" и "хонда" — покупатели: 40 и 44 года соответственно. Причем, в дилерских центрах Хонда для продавцов проводят специальные тренинги под названием "Как продавать молодым". Ведь когда работаешь с молодым клиентом, то не нужно ему ничего навязывать, он должен сам сделать свой выбор, а пожилого надо уговаривать и направлять, неудивительно, что на долю тех, кому "за 30" приходится львиная доля всех продаж.

Чего новенького?

К характерным новинкам "молодежного" рынка можно отнести несколько автомобилей, презентованных публике в этом и прошлом годах.

Япония.

Sorel от Daihatsu. Явно необычный вид, компактность, псевдоспортивность, обводы кузова, напоминающие Audi TT — агрессивный нос, высокие подоконные линии, две выхлопные трубы; металлическая крыша, за 25 секунд превращающее и без того неординарный автомобиль в экстравагантный кабриолет, плюс цена в 8000 долларов вкуче с традиционным японским качеством превращают

авто в хит продаж. Моторчик, правда, всего 0,7 литра, но в Японии особо и не погоняешь, жаль, что машинка пока предназначена исключительно для внутреннего рынка.

Toyota RSC, показанная на автосалоне в Чикаго, строилась специально под молодежь. Toyota давно и успешно работает на ниве разработки ниши "молодых" машин, за это в компании отвечает целый дизайнерский центр. Немудрено, что объемы продаж постоянно растут. Сам же автомобиль выглядит, по крайней мере, вызывающе, два ряда сидений, спартанский салон. Планируется, что если машина пойдет в серию, то обязательно будет выступать в различных ралли-рейдах, что немедленно скажется на популярности модели. Приблизительная стоимость детища группы Genesis — 2000 долларов, однако окончательного решения о производстве не принято, но если вопрос решится положительно, то продавать машину будут исключительно через Интернет.

SUV. Sport Utility Vehicle — гибрид внедорожника и легкового автомобиля, причем здесь внедорож-

ные характеристики носят характер скорее развлекательный, чем утилитарный. В этом сегменте рынка производителям тоже есть место где развернуться.

Model X от Honda — классический "молодежник", рассчитанный на публику, частенько посещающую пляжи и горнолыжные курорты. Из неординарных достоинств — распашные двери и откидной багажник, увеличивающий площадь погрузочной площадки, куда легко поместится, например, доска для сёрфинга. А вот SUP от Мицубиси — это нечто: стильный, молодежный внедорожник кроме всего прочего имеет встроенный душ и водонепромокаемую обивку салона! Интересно, каковы ощущения от принятия душа прямо за рулем? Плюс ко всему, абсолютно ровный пол и гибридная силовая установка (ДВС крутит передние колеса, электромоторы — задние). Короче, полный уют!

А что у нас?

Повод для оптимизма. Блуждая по просторам Интернета, наткнулся на один интереснейший сайт, на котором во всех красках были представлены дипломные проекты студентов Уральской государственной архитектурно-художественной академии. Особо меня заинтересовали два: "городской молодежный автомобиль" и "Kafe-Racer XXI века". Автомобиль, по моему сугубо личному мнению, переплюнул все дизайнерские ухищрения господ японцев, а Racer — так вообще новое слово в дизайне двухколесной техники, ни один современный байк даже намека не имеет ни на одно дизайнерское решение уральского студента. Так что абсолютно логичным становится тот факт, что наших молодых специалистов приглашают на работу ведущие зарубежные автопроизводители. Жаль, что у

нас в стране им негде проявить свой талант.

Еще один глоток оптимизма. Я, наверное, слишком категоричен. Московский автосалон этого года показал, что некие подвижки уже существуют. Как говорится, процесс пошел. Уже существует ходовой макет пластикового автомобильчика "Мишка" от ЗИЛа — симпатяга величиной с "Оку", оснащенная 53-сильным моторчиком, способным разогнать нетяжелую машинку до 150 километров в час. Кстати, пластиковый только кузов. Lada Revolution от ВАЗа — подающий надежды спортивный автомобиль, который возможно первый подойдет под определение "российский, молодежный". На стенде была представлена экстремальная, "боевая" версия (200 л.с. и 260 км/ч), которая уже успешно прошла все ходовые испытания на гоночных трассах и получила лестные отзывы гонщиков и журналистов. Планируется, что уже чуть ли не в этом году завод построит аж 21 автомобиль. Далее машины станут принимать участие в гонках, а финальным аккордом станет создание монокласса Lada Revolution (то есть в заездах будут принимать участие только модели Revolution). Мы же ждем дебют гражданской версии, пригодной к каждодневной эксплуатации. Планируется, что это станет двухместный родстер, двигатель которого будет дефорсирован до 120 лошадиных сил.

Но это все в перспективе. А есть ли уже сегодня автомобиль для молодежи? По мнению некоторых изданий есть, вернее, был, потому как в 2003 году премия "За лучший молодежный автомобиль" была вручена... "восьмерке", ныне снятой с производства.

Вместо эпилога. С первого взгляда понятно, что в автомобилестроении мы далеко не впереди планеты всей. И где уж тут изобретать "молодежное" средство передвижения? Но дело стронулось с мертвой точки, уже есть талантливые дизайнеры, даже появились прототипы, готовящиеся к серийному производству, так почему бы, наконец, не появиться и самим автомобилям? Как говорил Остап Бендер, "заседание продолжается!" ■

В одном из мужских журналов я прочитала заметку. В ней, с присутствиями мужчинам уверенностью и юмором, автор делился своими наблюдениями. Он пишет, что на свадьбе все незамужние девушки буквально дерутся из-за брошенного невестой букета. Потому что та, кто его поймает, будет следующей невестой. А, когда жених кидает подвязку, то его дружки разбегаются в разные стороны, чтобы только не стать женихом.

Что же пугает так молодых людей в женитьбе, в законном браке? Почему такое огромное количество пар предпочитают жить, как правило, по инициативе мужчин, в гражданском браке. Неужели несчастный штамп в паспорте столь страшен для сильной половины человечества?

Многим известна подобная ситуация: девушка знакомится с молодым человеком, он ухаживает за ней, изображая принца на алых парусах, закидывает подарками, клянется в вечной любви. Естественно, у девушки возникает ответное чувство. Отношения становятся более близкими, и, кажется, не за горами веселая свадьба. Но вдруг принц исчезает по-английски, не звонит, избегает встреч. В другом варианте они продолжают видеться, но на все намеки о женитьбе молодой человек отвечает холодным взглядом или категорическим отказом.

Психологи много трудились над тем, чтобы объяснить подобное поведение. Но к общему знаменателю так и не пришли. В основном, они утверждают, что подобная группа мужчин имеет эмоциональный дефект, который может быть следствием психических заболеваний.

Однако, опросив добрую половину неженатых и на вид более чем психически здоровых молодых людей, я пришла к выводу, что нежеланием жениться является "разумный эгоизм", невероятная любовь к себе, к комфорту, к свободе, полное нежелание принимать решения и нести хоть какую-нибудь маломальскую ответственность. Впрочем, вы сами можете в этом убедиться.

Андрей, 27 лет. "Мужчина, на самом деле, куда серьезнее, чем женщина, и брак он воспринимает совсем иначе. Мне кажется, что

Имею честь

Полина ТЕСЛЕР

"Прими меня таким, как есть.
Зачем нам Гименейя слуги?"

Жорж Брассанс.

не предлагать

себя в супруги

для женщины брак — логическое завершение любовного ухаживания, доказательство того, что она достойна быть самой любимой на свете и стать женой и матерью. Точнее, доказательство ее женской полноценности. И отказ мужчины жениться она, прежде всего, воспринимает так, как будто он нашел в ней серьезные дефекты, обнаружил какую-то неполноценность. Но это не так. Для мужчины брак — это готовность обеспечивать семью и воспитывать детей. Он реально оценивает и умом, и душой, что в данный момент не готов еще взять на себя столь огромную ответственность".

Дима, 23 года. "На любые вопросы о браке я отвечаю всегда одной и той же фразой: "Мама мне этого не простит". Она с девяти лет воспитывала меня одна. Просто боготворила, тряслась над каждым шагом. И теперь, когда мне стукнуло двадцать пять, ее жизненная установка такая: "Я жертвовала собой только ради тебя, а не ради какой-нибудь свистушки, которой ты по глупости достанешься". Я тоже думаю: "Бедная мать, всю жизнь выкладывалась, чтобы поставить меня на ноги, а я теперь брошу ее, променяв не известно на что".

Ну, эдипов комплекс — вещь давно известная, а вот, что брак зависит от роста мужчины — нечто новое. Британские ученые провели исследование, в результате которого выяснилось, что рост мужчины прямо пропорционально связан с его склонностью к вступле-

нию в брак. Чем ниже мужчина, тем слабее у него склонность к женитьбе. Как правило, закоренелые холостяки на 2-3 сантиметра ниже своих женатых собратьев. Специалисты утверждают, что ограничение роста влияет на формирование личности, сексуальных особенностей и критериев выбора сексуального партнера. Кстати, интересно отметить еще и тот факт, что мужчины небольшого роста считаются великолепными любовниками. Может быть, именно поэтому им труднее всех терять столь драгоценную свободу?

Василий, 29 лет. (Кстати, маленького роста.) "Каждый мужчина по сути своей охотник, но охотник, на которого везде расставлены сети. И особенно туго приходится нам — холостякам. Мы только и успеваем избегать этих самых ловушек. А наша "неженатость" в столь позднем возрасте обусловлена всего лишь одним словом — "свобода". Это тот идеал, которому поклоняются все без исключения мужчины, и лишь немногие женщины. Приведу один забавный пример, который помог мне избежать брака. Я загрузил свою временную подругу криминальными байками: "Ты знаешь, кто я такой? Моя жизнь — это кровь и слезы людей. Но это мой хлеб. А ты та самая женщина, которая мне нужна. Я готов жениться хоть завтра". Гарантирую вам на сто процентов, что женщина с амбициями и высокими жизненными требованиями немедленно задумается, надо ли ей вскоре остаться вдовой или носить передачи в тюрьму".

Даниил, 25 лет. "Я на тебе никогда не женюсь, я лучше съем перед загсом свой паспорт". Помните песенку Аркадия Укупника? Я могу подписаться под каждым словом этого забытого хита. Все мои попытки не то что жениться, а жить гражданским браком претерпевали полное фиаско. Представьте себе картину: в пятницу вечером после работы я решил сходить в бар с коллегами, выпить по кружечке пива. Казалось бы, что тут такого?! Тем более я даже предупредил свою подругу об этом. Посиделки немного затянулись. Вернувшись домой, я застал ее в обиженном состоянии, а мое желание выяснить причины привело к жуткому скандалу, слезам и истерикам. Чего я просто не переношу. После года жизни в таком трэше, я понял — женитьба не для меня".

Володя, 21 год. "Ну, зачем мне жениться, посуди сама? Живу с родителями. Они меня вполне устраивают. Денег на карманные расходы дают, придерживаются со мной вполне демократичных отношений. Сами — нормальные старики, веселые, молодые, да и друзья у них прикольные. Они все часто собираются, куда-то сваливают, квартира свободная бывает. Приходит домработница, стирает, убирает, вкусно готовит. Мама вечером нежно

поцелует, скажет: "Какой ты у меня красавец вырос, просто загляденье". Папа слегка пожурит за что-нибудь, но денег даст, и засыпаешь счастливым человеком. Потом, посмотри, сколько девушек вокруг прекрасных. Мне с ними со всеми хочется перезнакомиться, если не сказать более откровенно... А тут будешь сидеть с одной и той же клячей, которая делать ничего не умеет, вечерами начнет гундеть, что ей нужны шмотки, а я не зарабатываю, или, еще хуже, приревнует к какой-нибудь своей подруге, устроит скандал. Мои предки такого не перенесут, и придется переезжать куда-нибудь, снимать комнату в коммуналке или квартиру в спальном районе. А еще хуже, под бок к ее предкам в квартиру переехать. Вот ужас какой. Мне прямо не по себе стало, когда я так живо представил себе все эти тяготы. Давай лучше на другую тему поговорим. Кстати, что ты сегодня вечером делаешь?"

Сегодня вечером я не делала ничего, но, на всякий случай, сказала, что еду в гости к бабушке.

Михаил, 22 года. "Наверное, я когда-нибудь и женюсь. Но сначала надо крепко встать на ноги. Иметь возможность содержать семью, детей. Не будет денег — начнутся вся-

кие неприятности. Потом и ребенка сейчас вырастить — дорогое удовольствие. У меня сестра родила. Там на одних памперсах разоришься. Да и много интересного сейчас вокруг. Все хочется попробовать, поискать себя, свое место в жизни определить, попутешествовать, с друзьями пообщаться. Семья — это для оседлого человека, у которого острота

желаний притупилась. А для молодого человека — вообще камень на шее. Но, повторяю, наверное, и я когда-нибудь женюсь, когда мне будет далеко за тридцать”.

Алексей, 25 лет. “Конечно, жениться придется рано или поздно, хотя совсем не хочется. Но все будут думать, что у меня что-нибудь со здоровьем не в порядке, детей не могу

иметь, женщин удовлетворяют. Или, еще хуже, подумают, что я голубой. Сейчас это модно. Хотя, если честно, меня пережившиеся просто бесят. Сами влипли, а еще пристают к другим с вопросами: "А что это ты не женат до сих пор?" И смотрят так на тебя лукаво, словно ты человек второго сорта".

Одиль, 23 года. "У нас во Франции вообще сразу никто не женится. Сначала так живут вместе. Приглаждаются друг к другу, притираются. Кошельки, как правило, разные. Совместные расходы пополам. Родители не мешают, мы им тоже. Каждый сам решает свои проблемы. Когда вы поймете, что ваша партнерша как раз та женщина, с которой можно подписать брачный контракт и завести детей, вы станете мужем и женой, если она, конечно, согласна. У нас разводы вещь утомительная и дорогостоящая. Поэтому, вступая в брак, надо все хорошо взвесить, рассчитать. Ведь брак, это, прежде всего, деловой контракт двух сторон. И, если одна сторона нарушает его, другая может требовать компенсации. Все это очень серьезно. Думаю, что в ближайшие десять лет я буду холостяком, официально, конечно".

Безусловно, можно сказать, что у молодых людей семь пятниц на неделе: сегодня они заядлые холостяки, а завтра — жадут семейного очага. А вот, что думает поколение постарше, которому уже за тридцать.

Станислав, 35 лет. "Я ни разу не был женат и совсем не жалею об этом, но зато длительных романов у меня было полно. В них я вижу намного больше плюсов, нежели в женитбе.

Плюс № 1. Для мужчины очень важно ощущать себя независимым, да, у меня есть постоянная девушка, но при этом я совершенно не обязан сохранять ей верность, мне кажется, что пока мужик не связан узами брака, он не лишен чувства собственной независимости, которое гораздо сложнее сохранить в законном браке.

Плюс № 2. Всегда есть, кого попросить сделать домашнюю уборку, что-то приготовить. Редкая женщина, навещая "холостяцкую берлогу" любимого, не хватается инстинктивно за веник и тряпку. Да и приготовить

еду ей тоже вроде как не в тягость, а в удовольствие. Желая почувствовать себя хоть на некоторое время хозяйкой дома, женщина наводит в квартире уют и порядок, и немалая посуда, и грязное белье исчезают вроде бы сами собой. Но согласитесь, при таком раскладе основным хозяином "логова" остаетесь все же вы. Ваше право — намусорить сразу после ухода подруги, ходить в ботинках по вычищенному ковру, наполнить раковину грязными тарелками — слова не скажет никто! Если, конечно, самому не противно, можно положить грязные носки на стол, и они будут там лежать неделю. А любимая скоро снова придет и делает уборку...

Плюс № 3. Выгода длительных внебрачных отношений заключается еще и в том, что не нужно чересчур тратиться, к тому же всегда остаешься хозяином своего кошелька. Женщина, с которой просто делишь постель, не столь требовательна, как жена. При таких отношениях мужчина может позволить себе забыть о какой-то дате, подарках. И, скорее всего, не услышит особых претензий, поскольку всегда может в сердцах ответить: "Да, я такой, не нравлюсь — уходи!"

Здесь я уже не выдержала и строго спросила: "А вы о старости задумывались? Кто же стакан воды подаст, бабушку какую-нибудь запряжете, если, конечно, повезет?" Станислав рассмеялся:

— На эту тему анекдот хороший есть. Мужик живет один, живет хорошо, спокойно, а все ему говорят: "Женись, помирить будешь, некому стакан воды подать". Он послушался, женился. Баба редкостная дрянь попала. И ругались и дрались. В конце концов, развелись. Опять живет мужик, жизнью наслаждается. Ему все: "Подумай о старости. Женись, а то некому стакан воды подать будет". Он послушался и женился вновь. И все то же самое началось. Не жизнь, а мука. И так повторялось несколько раз. Наконец, пришло время помирить. Лежит он и думает: "Надо же, и пить со всем не хочется".

Долго я думала, что можно ответить Станиславу, закоренелому холостяку и эксплуататору прекрасной половины человечества, и решила промолчать. А чтобы вам не тягостно было это молчание, **возьмите карандашик**

и ответьте на вопросы теста. Потом более внимательно присмотритесь к своему другу, партнеру, жениху, сожителю и решите, уж так ли вам нужен будет этот "стакан воды" в старости.

Из трех вариантов ответов — А, Б, В — выберите тот, который вам больше всего подходит.

1) Какие чувства вы чаще всего испытываете при разговоре с партнером о ваших проблемах?

- А. Доверие.
- Б. Мне трудно говорить.
- В. Надеюсь на понимание.

2) Бывает ли, что, поссорившись, вы потом жалеете об этом?

- А. Частенько.
- Б. Иногда.
- В. Очень редко.

3) В каких красках вы изобразили бы эмоциональную сторону вашего совместного времяпрепровождения?

- А. В самых ярких.
- Б. В темных.
- В. Все цвета — от темных до светлых.

4) Как вы оцениваете моральный вклад ваш и вашего партнера в совместную жизнь?

- А. Оба заботимся.
- Б. Вклад партнера больше.
- В. Мой вклад больше.

5) С какими чувствами вы возвращаетесь после работы?

- А. Не хочется идти домой.
- Б. С радостью.
- В. Смотря по обстоятельствам.

6) Обсуждаете ли вы тему денег? И каким образом это происходит?

- А. Довольно редко.
- Б. Советуемся.
- В. У нас всегда жаркие споры.

7) Свойственна ли вам "дикая" ревность по отношению к близкому человеку?

- А. Я ему доверяю.
- Б. Да.
- В. Иногда.

8) Нет ли у вас такого чувства, что вы попали в ловушку и хотите из нее выбраться?

- А. Да, есть.
- Б. Если и есть, то это не касается женитьбы.

В. Нет.

9) Как ваше совместное проживание влияет на вашу карьеру и общественную деятельность?

- А. Мешает.
- Б. Дает силы и уверенность.
- В. Трудно сказать.

10) Скажите, каково "качество" интимных отношений в вашей семье?

- А. Бывает всякое.
- Б. Не удовлетворяет обоих.
- В. Все просто замечательно.

А теперь сосчитайте, сколько в ваших ответах тире, ноликов и плюсики.

Ключ к тесту:

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А	+	-	+	+	-	0	+	-	-	0
Б	-	0	-	0	+	+	-	0	+	-
В	0	+	0	-	0	-	0	+	0	+

Итак, чем больше в ваших ответах знаков "-", тем менее гармонична ваша личная жизнь и напряженнее ваше состояние. Вам следует подумать, а может быть, даже поговорить о ваших отношениях с партнером, выяснить, почему между вами непонимание. Может, стоит обратиться за помощью к психологу или разбежаться.

Если в ваших ответах преобладают знаки "+", значит, ваша личная жизнь сложилась удачно. У вас всегда царят взаимопонимание, любовь, доброжелательность, и вы, и партнер всегда рады помочь и поддержать друг друга, в любой ситуации вы способны найти общий язык и решить проблему спокойно, без криков и взаимных упреков.

Чем больше у вас ответов со знаком "0", тем в более "подвешенном" состоянии вы находитесь: вы не можете однозначно оценить свою жизнь как удачную или неудачную, что-то вам очень нравится, что-то категорически не устраивает. Задумайтесь, может быть, вы сами виноваты в подобной неустойчивости. Обсудите это со своим партнером. ■

Желаю счастья в личной жизни.

Загорелые парни и очаровательные девушки в легких купальниках прогуливаются вдоль моря, где пара серферов "мучают" доски при полном штиле. Понятно, что у этих ребят наступила грустная пора ожидания больших волн и ветра. Еще по морю несется катер. Его динамики далеко разносят оглушительные звуки музыки, а человек, несущийся за катером, выделяет головокружительные трюки. Нет, это не съемки захватывающего фильма про очередного супергероя — это реальная зарисовка из жизни вэйкбордистов. А жизнь на-

Над волнами

Николай КУРАКИН

стоящего отвязного вэйкбордиста и впрямь напоминает видеоряд, вызывающий острые ощущения.

Вэйк-борд — своеобразная комбинация серфинга, сноуборда и водных лыж — новый вид спорта, название которого дословно означает — «доска на волне». Вэйк-борд представляет собой доску длиной порядка полутора метров и шириной около 40 сантиметров, немного выгнутую в сторону скользящей поверхности, оборудованную двумя креплениями на внешней стороне и небольшими направляющими кильками

(плавничками) на корме и носу. Иногда они, правда, бывают только на корме скользящей поверхности. Также для занятий этим видом спорта потребуется мощный катер, в кормовой части которого, возле мотора, положен специальный балласт — мешок с водой литров на триста. Пониженная посадка судна на скорости создает особую повышенную волну за катером, а она-то, как раз, и является “ключиком” — своеобразным трамплином для всех прыжков вэйкбордиста. В центре судна расположен шест, к верхней его части прикреплен пятнадцатиметровый веревочный фал. Держась за него, спортсмен набирает скорость, позволяющую исполнять разнообразные трюки. Катер идет не более тридцати пяти километров в час. Спортсмен несется перпендикулярно движению, описывая большие дуги. Его скорость достигает пятидесяти километров и еще больше увеличивается во время прыжка или сальто, так что, при приземлении, ее приходится даже “гасить” доской, поднимая огромный столб брызг.

Главное преимущество вэйк-борда в том, что гонять на нем можно практически при любой погоде. Не надо ждать попутного ветра, большой волны или горячего солнца. Не надо ехать за сотни или тысячи километров к океану. Как только весенняя температура воды становится подходящей, чтобы окунуться, надевайте гидрокостюм и дерзайте. Правда, уверяю вас, что с первого раза ничего не получится, так как встать на вэйк-борд задача не из простых.

Вэйк был изобретен в начале восьмидесятых американцем Эриком Перезом для того, чтобы убить время в ожидании “серфовых” волн. Ему удалось оптимально сконструировать новое приспособление, чтобы извлечь максимальную выгоду из мотора катера и наличия волны за ним. Желание попробовать себя в новоиспеченном виде спорта сразу же возникло у многих экстремалов. Популярность вэйк-борда так молниеносно росла, что уже в начале девяностых Джимми Редмен основал Всемирную ассоциацию вэйк-борда во Флориде, где в девяносто втором году прошла первая серия соревнований. А в девяносто шестом на летних экстре-

мальных играх “X-games” победителем стал самый юный за всю историю вэйк-борда пятнадцатилетний школьник Паркс Банифэй.

После пары лет затишья вэйк добрался из Штатов в Европу. И в девяносто восьмом году в Германии, при поддержке самых известных спортивных фирм, успешно был проведен первый чемпионат мира. Действие происходило по принципу “do-it-yourself”, то есть каждый желающий, кто спокойно стоит на доске, мог за весьма небольшую плату присоединиться к соревнованиям и выступить в ранге “Top level” (высший уровень катания) вместе с признанными звездами вэйк-борда.

У нас же, например, в Москве заняться вэйк-бордом можно в Строгино. Нечего сидеть в раскаленном городе. К черту тенечки, скверы и парки. Вперед, на освоение водного пространства!

В Строгино вэйк-борд активно культивируется в частном воднолыжном клубе, при котором вот уже несколько лет успешно существует детская воднолыжная школа. Здесь, в стороне от громадного столичного мегаполиса, течет совсем иная жизнь. И чтобы погрузиться в нее, необходимо приобрести доску. В вэйк-борде существуют два основных типа досок: для фристайла, то есть для выполнения трюков, и для фрирайда — обычного катания по водной глади. Между собой различаются по форме, количеству килей и устройству днища. Чем прямее доска, тем более она скоростная. А чем сильнее ее изгиб, тем легче отрываться от воды. Подбирается доска для вэйк-борда в зависимости от роста и веса человека. Примерный ориентир следующий: если ваш вес больше 100 кг, покупайте доску длиной 143-147 см; если весите от 60 до 100, то вам понадобится доска чуть короче — 133-143 см. Ну, а ежели вес меньше 60, то длина доски должна быть не больше 133 см. Кстати, у разных производителей доски различаются и по ширине. Чтобы разобраться во всех нюансах, желательно изучить их проспекты.

Свободный полет над волнами требует хорошей экипировки. Безопасность при исполнении трюков обеспечивают полиуретановые крепления. Они должны быть жестки-

ми, надежно фиксировать голень, предупреждая травмы, и задавать необходимый изгиб ноги при катании. Задняя шнуровка упрочщает надевание и снятие креплений, а толстые стельки смягчают удары о воду. Перед тем как взгромоздить свое тело на это хрупкое сооружение, каждый уважающий себя вэйкбордист надевает цветные шорты и плотно облегающую майку, подчеркивающую игру мышц и открывающую всем на обозрение экзотическую татуировку. (Конечно, в прохладную погоду хорошо бы надеть гидрокостюм, но это не обязательно.) Но, увы, каким бы потрясающим не было ваше тело, кататься хорошо вы от этого не станете. Поэтому приступим:

Урок №1. Перед тем, как встать на доску, необходимо определить, какая нога будет ведущей: для этого встаньте по стойке смирно и попросите кого-нибудь толкнуть вас в спину, разумеется, несильно. Та нога, что шагнет первой, и будет впереди. Углы крепления на доске должны располагаться так же, как и у начинающих сноубордистов, то есть задняя нога — 0 градусов (перпендикулярно доске), а передняя — десять-пятнадцать (немного развернута по курсу). И самое главное, не забудьте договориться с водителем катера об условных сигналах, которыми вы будете обмениваться во время попыток "встать" на вэйк-борд.

Урок №2. Итак, существует два предстартовых положения вэйкбордиста: торс — вы прямлен, (вэйк-борд внизу, его нос приподнят по направлению движения), ноги — согнуты, в руках — трос. Крикнув о своей готовности, начинай двигаться, сохраняя положение. Центр тяжести на задней ноге. Ни в коем случае нельзя рано распрямиться — нужно выйти из воды с согнутыми ногами и только потом, медленно разгибая их, полностью выпрямиться.

Хочу предупредить сразу, что помучаетесь вы долго, так как доска все время будет всплывать на поверхность, а ее нужно топить. В этом случае можно отстегнуть одно крепление и ногой погрузить доску в воду. (Потом не забудьте пристегнуться.) Для тех, кто вымок с ног до головы и наглотался воды, но так и не почувствовал себя бегущим

по волнам, предлагаю второй вариант: положение тела в воде — горизонтально, вэйкборд перпендикулярен направлению старта, руки держат трос. После начала движения необходимо удерживать "борд" в этом же положении и медленно сгибать ноги. Как только почувствуете, что ваше тело наклоняется вперед, и что трос вырывается из рук — разворачивайте доску носом по ходу движения. Уменьшившееся сопротивление приводит к увеличению скорости, теперь смело разгибаем ноги и выходим на глиссирование. Если будете молодцом, то уже на второе или третье занятие подниметесь на ноги и освободитесь от опеки тренера. А хорошо подготовленный физически человек за летний сезон может достичь весьма хороших результатов, даже если он начал с нуля. Только учтите, что после первых попыток катания адски будут болеть мышцы ног, плеч и шеи. Так что не помешает недельку-другую перед уроком поразминать и дополнительно нагрузить эти мышцы, а затем сходить в баню.

Ну вот, вы внимательно изучили этот материал, поехали в Строгино, постигли первые азы катания и теперь уже уверенно скользите на доске по водной глади. Но для настоящего экстремала этого недостаточно. Поговорим о фишках.

Начнем с простейшей — разворот на сто семьдесят градусов. Она заключается в том, что буксировщик снижает скорость. Когда она значительно упала, вы должны резко изменить направление движения. Сразу же за этим катер вновь набирает скорость, не дав вам "провалиться" под воду.

Вот аналогичный вариант, но без снижения скорости буксировщика. Катер выполняет разворот по дуге с радиусом двадцать пять-тридцать пять метров. Вэйкбордист, находящийся внутри дуги этого поворота, теряет скорость и разворачивается на сто семьдесят. При этом нужно быть очень внимательным, чтобы не оказаться в самом центре, где скорость равна нулю градусов — это вызовет неизбежное погружение в воду. Как только маневр выполнен, водитель начинает двигаться прямолинейно, что позволяет вам снова набрать скорость.

В выполнении прыжков различной степени сложности заключается дальнейшее совершенствование техники вэйкбординга. Вариантов здесь очень много, подробности исполнения каждого из них лучше смотреть на видео, причем в замедленном темпе. Но поскольку в данный момент этой возможности у нас нет, попробую описать один из самых захватывающих трюков.

"Дабл-ап". Буксировщик выполняет разворот по дуге определенного радиуса, после этого пересекает собственный волновой след под углом, близким к девяноста градусам. В месте пересечения возникает так называемая зона конвергенции волн с образованием нескольких стоячих волн с высотой, вдвое превышающей высоту обычной. Вэйкбордист, оставаясь во время разворота внутри дуги, стремится использовать одну из этих волн в качестве трамплина для суперпрыжка. Сложность при выполнении "дабл-апа" заключается в выборе удачной волны. Зона конвергенции чрезвычайно нестабильна. Волны в ней перемещаются, меняют форму и даже исчезают. Кроме того, они имеют различную крутизну скатов и размер. Все это требует колоссального опыта и определенного риска.

Конечно, для полного владения вэйкбордом, безусловно, надо быть прирожденным бордером — человеком, катающимся на различных досках. Для некоторых почитателей он стал уже частью повседневной летней жизни. Каждый день, после работы, в любую погоду, вэйкбордеры приезжают на водохранилище в Строгино, чтобы прокатиться на доске, почувствовать скорость, покрутить сальто.

Вэйк-борд — это маленький "островок экстрима", позволяющий расслабиться и почувствовать себя в суматохе современной жизни личностью. Но, общаясь с водой, учтите, что она может быть не только нежной, как женщина (не зря же вода женского рода). Вода умеет огрызаться, как волчица, рвать сухожилия, тянуть мышцы. К тому же она жестоко наказывает за излишнюю самоуверенность. Однако не будем о грустном. Берите доску и вперед! ■

■ Максим Фадеев, бывший продюсер певицы Линды и теперешний — групп "Тотал" и "Моноклини", познакомился с Наташей Ионовой, молодой певицей из Поволжья, через сайт в Интернете год назад. Вернее сказать, это она сама его нашла, прислав свою песню "Шуга" по электронной почте. Песня сначала зазвучала на региональных радиостанциях, а потом стала популярна и в московских эфирах "Русского радио", "Хит FM", "Радио Максимум", "Нашего радио" и других станций. Долгое время певицу никто не видел — в мультипликационном клипе пела рисованная фигура под сценическим псевдонимом "Глюк'оза", который существует и сейчас. С июня прошлого года Наталия Ионова начала выступать на концертах и ездить на гастроли, развеивая мифы о своей якобы безобразной внешности и о голосе, якобы принадлежащем либо Жанне Агузаровой, либо Ирине Салтыковой. На сегодняшний день "Глюк'оза" — не только певица, но и полноценная группа.

Кроме продюсирования, Максим Фадеев пишет музыку, подавая традиционные рок-н-рольные ходы с совершенно новым электронным звучанием, добавляет то, что делает музыкальный материал особенным по содержанию и оригинальным по саунду.

Второй песней, попавшей в двадцатку радиостанций, была "Ненавижу", на которую тоже снят клип в компьютерном фор-

мате "три-д видео". Клип на эту композицию является первым музыкальным в нашей стране такого высокого качества. Следующая работа под названием "Невеста" попала на первые позиции сводного радионного чарта "ТОП 10", а клип более трех месяцев занимал первое место телевизионных хит-парадов, в том числе на музыкальном молодежном канале MTV.

Если суммировать мнения экспертов и музыкальных журналистов, то стиль коллектива определен как "поп-ретро-панк". А если говорить простым языком, то это красивая, легко воспринимаемая музыка, которую хочется слушать и слушать.

Дебютный и единственный пока альбом Глюк'Озы под названием "Глюк'Оза nostra" увидел свет в конце мая 2003 года с помощью выпускающей компании "Студия Монолит". В него вошли 10 музыкальных треков, среди них: "Шуга", "Ля Мур", "Снег", "Воззал" и другие, два видеоклипа на песни "Ненавижу" и "Невеста".

Песни "Шуга" и "Ненавижу" за три месяца изданы в 10 музыкальных сборниках ("xxxI", "Подсолнухи", "Хит-Мейкер", "Русская тридцатка", "Новая игрушка").

На фестивале современных технологий в области создания и обработки электронных изображений "Цифровые технологии сегодня" проект "Глюк'Оза" с клипом "Ненавижу" победил в двух номинациях: "Лучший клип" и "Лучший персонаж".

Проект "Глюк'оза" стал участником Международного танцевального фестиваля "Бомба года 2003" — 19 марта прошлого года в Москве в СК "Олимпийский", а 20 марта в Санкт-Петербурге в ЛДС Глюк'оза смотрела на "себя" из зрительного зала: на песню "Ненавижу" на экранах демонстрировался видеоклип, а на сцене артисты балета в пародийно-ералашной манере инсценировали боксерский поединок — эпизод клипа.

Самой Наташе Ионовой "...очень интересно быть как бы на сцене и в то же время смотреть на все со стороны. Я видела, как какая-то ненормальная, может и фанатка, пыталась сорвать очки с одной из девушек, изображавших Глюк'озу, то есть меня. А вообще мне показалось, что атмосфера была какая-то карнавальная-ночная. Все такие нарядные и все бегают".

— С первого клипа вы стали известны. Как считаете, это благодаря удачно выбранному сценическому псевдониму, Интернету, режиссеру?

— Что касается псевдонима, то он появился ещё до того, как я стала петь.

Друзья и родственники меня называли Глюком из-за характера. Сыграло ли это прозвище значительную роль в моей сценической судьбе — не знаю. Знаю точно, что главное — песни. Ну а затем сыграла роль личность моего продюсера — Максима Фадеева. Согласитесь, если у тебя есть вокальные данные, а песни при этом — не очень, то вряд ли слушателям понравится то, что ты исполняешь. С режиссёрами клипов, не стану отрицать, тоже повезло.

Интернет помог мне заварить всю эту историю. В общем, думаю, что всё это вкупе и сопутствовало успеху проекта.

— Ваши клипы отчасти — комикс. Что это такое?

— Я была на закрытии русской части выставки комиксов, которая прошла в рамках фестиваля "КомМиссия-2003", и, имея о таком жанре искусства довольно смутное представление, поразила, каким разноплановым, выразительным и кратким в изложении может быть комикс. Три-четыре листа, а как много работы: сюжет, картинка, работа художника, разные стили... Раньше

казалось, что это должно быть обязательно смешно, а оказывается, бывают и трагичные сюжеты.

А что касается непосредственно нас, то "Студия Монолит" заключила контракт с Наташей Бронниковой, художницей из города Миасс, для проекта "Глюк'оза".

— Глюк'оза — какой она должна быть в нашем восприятии: мультипликационной или "живой"? Проектом или певицей?

— Я бы сказала, что есть два образа в одном проекте — живой и мультяшный. Но мы с куклой находимся в полном согласии — она не делает ничего такого, что бы меня раздражало, ну а я, в свою очередь, дополняя её жизнь своими "живыми" делами.

— Как вас воспринимает публика на концертах?

— У меня было всего несколько концертов. На финале "Фабрики звёзд", где я впервые выступала, весь зал пел вместе со мной. Но, кто знает, как меня примут в Южно-Сахалинске или Владивостоке, например. Думаю, этот вопрос лучше задать, когда мы проедем хотя бы несколько городов. Мне кажется, Москва — не показатель.

— Как вы относитесь к своим фанатам?

— Я к фанатам отношусь с любовью. Они первыми дали знать, что моё творчество кому-то по вкусу. Правда, известные музыканты постоянно жалуются на своих поклонников — те их достают своим вниманием и даже требуют что-то. Надеюсь, что мне не будут мешать, а только помогать жить.

— Собираетесь менять имидж, манеру исполнения? Может, планируете снять не компьютерный клип?

— Ничего менять не собираюсь. Вообще, сейчас главное — концерты. Я же не модель и не актриса, чтобы постоянно думать о смене имиджа.

А манера исполнения — не знаю, что это такое. Пою, как умею.

— Как охарактеризуете музыкальное направление, в котором вы работаете?

— Ничего я не "охарактеризовываю". Кому интересно, тот пусть это и делает. Для меня есть только хорошие песни и хорошие певцы... Вот и все характеристики. ■

Беседовала **Ольга БЫСТРЫХ.**

У Вовки Михайлова была богатая биография. Армейскую службу он прошел в отдельном разведывательно-десантном батальоне, под самый дембель получил тяжелое ранение и провалялся в госпитале несколько месяцев, прежде чем отправиться домой. Вернувшись с войны, он обнаружил, что Родина совершенно не собирается заботиться о своем солдате, доблестно исполнившем интернациональный долг: никто не предоставил ему нормальную работу, даже долечиваться пришлось в районной поликлинике, а уж что касается жилищных условий... Об этом Вовка даже вспоминать впоследствии не хотел: коммунальная квартира на восемь человек, из которых семеро вели друг с другом ожесточенные стычки за каждый квадратный сантиметр полезной площади — здесь и не отдохнешь толком.

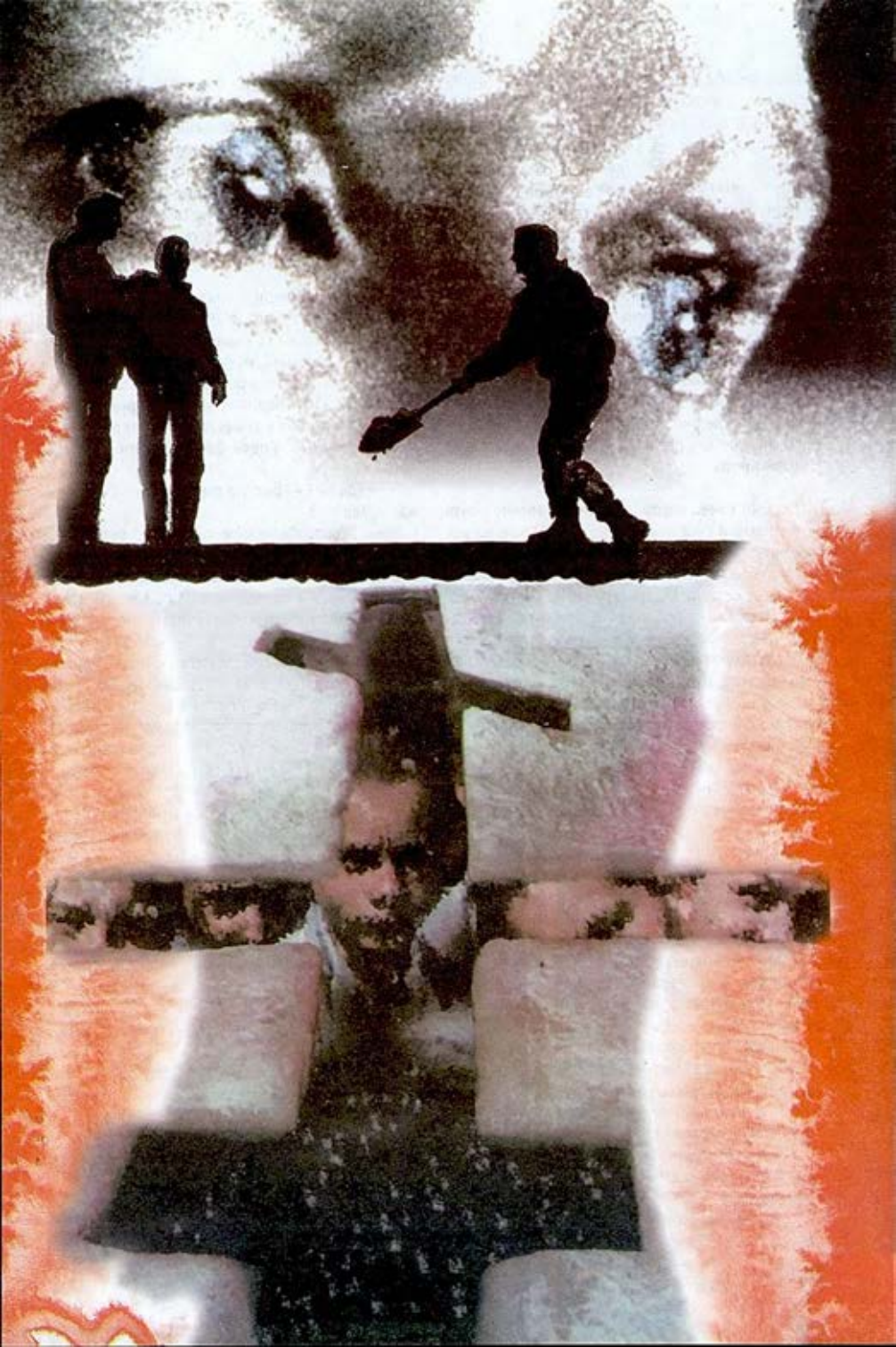
Впрочем, в то время Вовка об этом не очень задумывался. Отличное здоровье заменило дорогостоящий курс реабилитации, который Вовке почему-то так и не прописали, а проблемы с жильем он решил и вовсе просто: устроился водителем на рефрижератор — и с тех пор бывал дома дня три в месяц, не больше. Как-то однажды, остановившись пообедать в придорожном кафе, он встретил двух бывших одноклассников, которые за прошедшее время успели стать большими людьми, во всяком случае, ездили на "ауди", имели толстые бумажники и по пистолету на брата. После недолгих размышлений Вовка поддался на их уговоры и вскоре был принят в так называемую ОГП, проще говоря — в бригаду. Ездил на разборки, выполнял обязанности "крыши" на рынке. Нельзя сказать, чтобы этот род деятельности сильно пришелся ему по вкусу, но Вовка привык делать всё с душой, уж если взялся.

Его "стаж" составлял пять или шесть лет, когда Вовка, подсчитав деньги на нескольких банковских счетах и срок тюремного заключения, на который он при неблагоприятном раскладе мог бы рассчитывать по совокупности, решил, что самое время завязывать. Старые школьные друзья не возражали, зная Вовкину самостоятельность и склонность идти напролом, если, упаси Боже, кто-то попытается ему помешать. Забрав из банков свои сбережения, Вовка пригласил в компаньоны бывшего однополчанина и открыл на городской окраине забегаловку "Балтика". Там он с удовольствием проводил целые дни за личным столиком в окружении водки, пива, шашлыка и довольно разншерстной компании.

Уже после, задним числом оценивая результаты своей коммерческой деятельности, Вовка не мог не признать, что его "Балтика" так или иначе со временем разорилась бы и была бы перекуплена кем-нибудь из конкурентов. Ну какая, на фиг, разница, работаешь ты "крышей" на рынке или в собственном кафе — "крыша", она и в Африке "крыша", а чтобы преуспеть в бизнесе, нужно еще очень много разных положительных качеств. Впрочем, до банкротства дело не дошло: однажды ночью, когда Вовка после затяжной попойки на полном автопилоте довел свой дешевенкий джип до дома и завалился спать, в кафе завелись "конкуренты" и перестреляли всех, кто не успел "сделать ноги", в том числе и Вовкиного компаньона, после чего, уже под визг милицейских сирен, подождли всё, что могло гореть. На следующее утро Вовка, с опухшей от похмелья головой, созерцал руины, оставшиеся от его коммерческой деятельности, и довольно-таки вяло отвечал на вопросы унылого следователя из прокуратуры. Он вовсе не воспыал жадной мести: достаточно знакомый с тем, как делаются дела в мире криминала, он знал, что пытаться что-либо изменить в принципе бесполезно, да и компаньон Петья, даром, что однополчанин, а дерьмом-то был порядочным. Однако такой философский подход к жизни никоим образом не мог восполнить финансовые и материальные потери. Алкоголиком Вовка, правда, не был, но ведь у нормального человека и без водки есть много потребностей. По прошествии полугода Вовка с неудовольствием обнаружил, что в его квартире не осталось ничего мало-мальски ценного, что можно было бы продать (джип и гараж уже давно перешли в руки другого владельца).

Так Вовка пришел к выводу, что пора начинать поиски работы. А поскольку хорошую работу найти оказалось затруднительно — даже ох-

ранник автобазы должен был являться в отдел кадров с лицензией, — в один не очень прекрасный день Вовка занял должность кладбищенского сторожа, получив в свое распоряжение покосившийся деревянный домик, который номинально считался сторожкой. Сторожка находилась не у центральных ворот кладбища, а на северной его окраине, на обрыве — внизу тек безымянный ручей, через который был перекинут узенький мостик, а за ручьем, метрах в ста, находился кладбищенский морг, которому почему-то не нашлось места на территории кладбища. В ограде возле сторожки имелась калитка, известная как "северный вход": обычно ею пользовались, если нужно было доставить кого-то из "клиентов" в морг или обратно. На этот самый "северный вход" следует обратить особое внимание, поскольку он как раз и сыграл в Вовкиной жизни роковую роль.

...Был конец марта, но солнце светило почти по-летнему, и снег на могилах и на дорожках между ними полностью стаял. Чуть позже полудня хорошо отоспавшийся Вовка, потягиваясь, вышел из своего "коттеджа", прикуривая на ходу папиросу. К сторожке торопливо приближался Сан Саныч, Вовкин сменщик. Вовка недовольно скрикнул: в такую прекрасную погоду ему только Сан Саныча и не хватало. Лысый коротышка, вечно умудряющийся найти проблемы там, где их и близко не было, да и говорил он о них с каким-то странным выражением: не то ухмыляясь, не то просто рожа такая гнусная.

— Вовка, беда-то какая! — крикнул Сан Саныч, не добежав до сменщика шагов десяти-пятнадцати.

— Ну, что у тебя там еще случилось? — грубовато спросил Вовка, с ленцой стряхивая пепел в клумбу. — Бакс опять вырос?

— Да какой там бакс! — Сан Саныч преодолел оставшееся расстояние и теперь размахивал руками прямо перед Вовкиным носом. Вовка предсудометрительно сделал шаг назад. — Мишка в яму свалился, напоролся на гвоздь. Все кишки себе выпустил!

Вовка поперхнулся. Младший в команде гробокопов, Мишка Ширяев, был хорошо известен как запойный алкаш, но с самого утра довести себя до такой кондиции, чтобы грохнуть в могилу, — это уже совсем странно.

— Так он что, бухой, что ли, был? — несколько растерянно спросил Вовка Сан Саныча. Тот пожал плечами.

— Да вроде бы нет... Перегарище со вчерашнего остался, конечно, так куда же он без этого?

У Вовки мелькнуло странное предчувствие, что здесь что-то не так. Как бывший разведчик, он вообще отличался хорошей интуицией, которая не раз спасала ему жизнь. Например, как в тот раз, когда в горах он чуть было не прошелся по мине, и лишь в последний момент что-то его остановило.

— Так и знал — что-нибудь да случится... говорил же, не надо могилу трогать, — бубнил между тем Сан Саныч.

— Всё-таки решили раскопать? — нахмурился Вовка. Собственно, в данном случае он был согласен со своим сменщиком. Настоящее безобразие — отобрать могилу у парня, страшной смертью погибшего в республике Ичкерия только потому, что у бедняги никого из родни в живых не осталось, а его место перекупил кто-то из муниципалитета. Вовка бросил окурочек на траву.

— Где он? — быстро спросил он у Сан Саныча. — Увезли?

— "Скорая" за ним приехала. Вроде еще там...

Сначала быстрым шагом, а потом бегом Вовка направился к последней могиле Мишки Ширяева — предпоследней, если считать его собственную.

...Возле вскрытой могилы стояла машина "Скорой помощи". Вокруг с подавленным видом топтались несколько человек из местного персонала. Врачи склонились над Мишкой — долговзый, худой, лежа на земле, тот словно уменьшился в размерах. Рядом всё было залито кровью, а на распоротый поперек живот было жутко смотреть — казалось, будто Мишка наткнулся не на гвоздь, а минимум на кувалду. В обе руки Мишке вливали физиологический раствор через капельницы.

— Мих, ты не дрейфь, всё нормально будет, — прошептал Вовка, просунувшись между врачами. Те оттеснили его назад.

— Уйди, мужик, мешаешь, — бросил один из врачей.

— Вовик... — из раскрытого рта Мишки вместе с кровью вырвался хриплый шепот. — Вовик, я не сам... Не сам упал...

— Как же тебя угораздило? — удивился Вовка.

— Столкнули меня... Я на краю стоял, яму выкопал уже...

— Кто? — напрягся Вовка.

— Так, мне разговаривать нельзя! — отталкивая Вовку, прикрикнул на него тот же врач. — Ты его приятель, что ли?

— Работаем вместе, — пожал плечами Вовка.

— Работали, — уточнил медик. — Не довезем его до больницы.

Вовка машинально бросил взгляд на умирающего и почти прочитал по губам то, что он пытался произнести:

— Рукав... пятнистая куртка... военная...

...Вовка озадаченно смотрел, как носилки загрузили в машину. Взвыв сиреной, "Скорая помощь" выехала с кладбища, провожаемая удивленными взглядами редких в будний день посетителей.

Пятнистая куртка. Военная. Комбез? Получается, Мишку столкнул в могилу какой-то военный? Но зачем? Неужели из-за того, что парень раскапывал могилу? Но ведь надо быть идиотом, чтобы так сделать, понятно ведь, что гробок только копает, где ему скажут. А может, кто-то пришел на могилу, увидел Мишку с лопатой... Да нет, опять ерунда какая-то получается. По крайней мере, сначала, скорее всего, был бы задан вопрос: почему раскопали могилу?

Следующие полтора часа Вовка провел, тщательно осматривая свои "владения". Однако, несмотря на то, что он заглянул за каждое надгробие, раздвинул все кусты, которые только попались ему на дороге, никаких подозрительных личностей, тем более в камуфляже, он не обнаружил. Тогда Вовка вышел с кладбища и направился в магазин на соседней улице — купить пива. Собственно, пиво продавалось и в ларьке рядом с главными воротами, но Вовке хотелось поразмыслить, а на ходу ему думалось очень даже неплохо.

Когда Вовка уходил с кладбища, у главного входа начала собираться толпа: подъезжали в основном на иномарках, на черных "Волгах" с федеральными номерами. Вернувшись, Вовка увидел, что процессия уже двинулась в глубь кладбища, к вскрытой только сегодня могиле, и сообразил, что это доставили нового "постояльца". Держась на некотором удалении, Вовка не торопясь шел следом за процессией, отхлебывая из бутылки "Клинское". Некоторое время спустя он уже стоял на аллее, изредка перебрасываясь репликами с мужиками из похоронной команды и наблюдая, как гроб опускают в яму. Откопанный ранее гроб отнесли за ручей в морг, где останки пока что дожидались решения своей дальнейшей судьбы. Скорее всего, сказал бригадир похоронной команды, их просто кремируют по-быстрому, и все дела.

По внешним данным пришедших на проводы Вовка сделал вывод, что покойный был одним из тех деятелей, которые в свое время "позаботились" о нем после возвращения с войны. На портрете усопший выглядел довольно-таки хитроум-

ным и злобным, это впечатление не смог сгладить строгий черный костюм с галстуком — такие физиономии Вовке случалось раньше видеть у воров в законе. Впрочем, никто из участников процессии явно не выглядел расстроенным, несмотря на огромное количество венков с траурными надписями. Даже вдова, крашеная блондинка лет сорока, стояла над могилой с таким выражением лица, словно ей хотелось побыстрее убраться отсюда и больше не вспоминать про всю эту нудятину.

Когда пиво в бутылке закончилось, Вовка закурил и пошел к двухэтажному домику правления — а вдруг узнает что новое? Возле правления он снова натолкнулся на Сан Саньча, который хнычущим голосом сообщил ему, что Мишка приказал долго жить: полчаса назад позвонили из больницы. Случилось это, как и предсказывал врач "скорой", еще по дороге. Поскольку никого из родственников у Мишки не осталось, заботы о похоронах, видимо, придется взять на себя бывшим коллегам. Вовка сплюнул и пошел к секретарю сдать деньги на венок. Настроение у него было окончательно испорчено. Он до вечера шлялся по кладбищу, одевшись от пронизывающего ветра в куртку, и высматривал кого-нибудь подозрительного. Никто подозрительный так и не попался ему на глаза, только ветер завывал в ветвях деревьев, колыхал кусты и был, пожалуй, единственным откровенно враждебным элементом среди покосившихся надгробий и поржавевших от времени и недостатка ухода могильных оград. Вовке вдруг пришло в голову: а что, если Мишке, который, собственно говоря, был суеверен до чертиков, попросту померещилось и в яму он свалился, в таком случае, по собственной козопалости? Ведь не хотел же Мишка раскапывать эту могилу, припомнил Вовка, боялся, как бы чего не вышло. Сам себя накрутил, а с похмелью воображение и сыграло с ним свою последнюю шуточку.

Да, но откуда, в таком случае, в могиле взялся гвоздь, которым Мишка выпустил себе внутренности? Из гроба торчал, что ли?

Вовка пожал плечами и, так ничего не придумав, полпелся в свою сторожку. Поужинав консервами и проглотив на ночь сто грамм, он улегся спать. Всё равно Сан Саньч сегодня опять на смене, а составлять ему компанию у Вовки не было ни малейшей охоты. Пускай сам рыщет по ночному кладбищу, до жути напоминающая при этом коротенького, лысенького, суетливого духа смерти.

В ту ночь Вовка просыпался два раза. Говорят, после второго он уже никогда в жизни не спал нормально.

Первый раз его сон был прерван звуком осторожных шагов по гравийной тропинке, ведущей мимо сторожки к северной калитке. Было немного за полночь. Поднявшись с раскладушки, Вовка выглянул в окно и успел заметить два силуэта, проскользнувших за забор и растворившихся в темноте. "Кто-то из местных", подумал Вовка. Наверняка поперлись к дежурному в морг пить горькую. Он сходил к калитке, закрыл ее на щеколду — всё равно те, кто ушли, вряд ли вернутся назад до утра и снова завалился на раскладушку.

Во второй раз его разбудило лязганье железа на улице. Продав глаза, Вовка сообразил, что это кто-то осторожно дергает на себя калитку. Он вновь вышел из сторожки, прихватив с собой фонарь.

За калиткой стояли двое. Щелкнув выключателем, фонарь высветил пятнистые камуфляжные куртки и вздвзанные береты визитеров. Нахмурившись, Вовка шагнул вперед.

— Чего надо? — грозно спросил он.

Однако посетители не выказывали ни малейших признаков агрессивности. Когда один из них заговорил, голос его звучал просительно:

— Братишка, пусти, пожалуйста. На могилу к другу пришли вот.

Приблизившись, Вовка увидел его лицо: обожженное, пугающее. Понятно было, что этому человеку пришлось пережить такое, что выдержит не каждый. Второй стоял сзади, держась в тени, и Вовка смог только рассмотреть, что в руках он держит довольно объемистый сверток.

— А что, мужики, днем придти в подляк, что ли? — осведомился Вовка.

— Да не можем мы днем, братишка, пусти, а? Вовка отодвинул щеколду и посторонился, пропуская солдат.

— Спасибо, браток, — кивнул ему первый. Второй — несмотря на ночное время, на нем были темные очки — следовал сзади со своим большим свертком на руках, ступая почти бесшумно, словно привык передвигаться по вражеской территории с тяжелым вооружением — наверное, подумалось Вовке, так оно и есть. Когда тот проходил мимо, Вовка наконец разглядел, что именно он несет. Будь на Вовкином месте человек, который меньше повидал в жизни, наверное, он похолодел бы от ужаса. Но даже Вовку слегка пробрал мороз по коже, когда сверток на руках солдата вдруг улыбнулся ему в свете фонаря.

— На мину наступил, братишка, — спокойно произнес "сверток". — Вот всё, что от меня осталось. Не повезло, да и только.

— Да уж, точно... — пробормотал Вовка, машинально закрывая за сошедшими калитку и глядя вслед удаляющимся фигурам.

На этот раз он не пошел спать, только забрал из сторожки куртку и сигареты. Усевшись на скамейку в зарослях репейника, закурил и некоторое время сидел, слушая, как постепенно затихают шаги ночных посетителей в глубине кладбища. Вовке показалось, что они пошли в сторону, где была раньше разрытая могила и где сегодня похоронили "партийного деятеля", хотя на кладбище было довольно много могил ребят, погибших в "горячих точках". Вскоре наступила тишина — глухая кладбищенская тишина, в которой можно слышать каждый шорох, если только он прозвучит. Постепенно в голове Вовки начали всплывать события трех- или четырехлетней давности — кажется, именно тогда похоронили этого парня, который теперь дождался кремации в море за ручьем. В тот день Вовка, так же как и сегодня, стоял на аллее, слушая, как перешептываются между собой ребята из похоронной команды, а мать погибшего голосила на всё кладбище: "...Ручки-ножки тебе оторвало, как же ты теперь будешь?!" — словно для ее сына существовало какое-то "теперь".

Вовка всё обдумывал эти крики, пытаясь как-то образом ухватить их смысл с сегодняшними происшествиями, включая жуткий "сверток" на руках у десантника. А может ли здесь быть вообще какая-то связь? Вовка вздрогнул, неожиданно осознав, что эти трое появились со стороны кладбищенского морга. Что они могли там делать?

Внезапно до его слуха донеслись ритмичные глухие удары откуда-то издалека. Этот звук был прекрасно знаком Вовке: кто-то копает землю. Но кто, с какой стати будет тебе оторвать в такой час? Вовка схватил прислоненную к боковой двери сторожки лопату и бросился в ту сторону, откуда доносились звуки, соблюдая лишь минимум осторожности, чтобы не свернуть себе шею.

Очень скоро он с ужасом убедился, что не ошибся в своих предположениях. Источник звуков действительно находился где-то там, на этой проклятой могиле. К тому моменту, когда Вовка выскочил на аллею, звуки стихли, но он уже не сомневался в том, где всё это происходит. Он бежал, торопясь миновать ограды и надгробные памятники, мешавшие ему увидеть, что там творится. А, добравшись, наконец, до могилы, почувствовал, как его захлестывает ледяная волна кошмара.

Могила снова была раскопана. В кучу земли рядом с ее краем были воткнуты две лопаты, гроб "партийца" выволокли из ямы и грубо отшвырнули в сторону. Двое в камуфляжной форме склони-

лись над могилой и что-то опускали в нее. Приблизившись, Вовка, сжимая в похолодевших руках своё "оружие" и не забывая о том, что его могут заметить, заглянул в темноту ямы.

Туда медленно опускался тот самый "сверток" — в такой же пятнистой куртке и в голубом берете с эмблемой ВДВ.

— Вы что же, уроды, живым его решили закопать?! — взревел Вовка, замахинаясь лопатой.

— Чего же тебе не спится, братишка? — мягко спросил его десантник в солнцезащитных очках, чуть повернув голову на крик. — Не надо было тебе этого видеть.

— Видеть?! Не надо видеть?! Ах ты, сволочь! Вы что с парнем делаете? Ну-ка быстро достали обратно, а то бошки поотрываю! — Вовка орал больше со страху, надеясь своими криками привлечь хоть чье-то внимание, хоть бы Сан Саныч появился — и то хорошо. Но кладбище оставалось всё таким же лозоще-тихим, словно на его территории остались лишь сам Вовка и трое ночных монстров.

Но еще больше его напугал прозвучавший из могилы голос:

— Да ты, братишка, не волнуйся. — Безрукий-безногий улыбнулся ему, и почему-то только сейчас Вовка заметил, что во рту у него нет ни одного зуба. — Здесь мой дом. Хотели меня выгнать, но ребята не позволили. Ты-то ни при чем. — Он помолчал несколько секунд и добавил: — Ну, ладно, мужики, спускайте меня.

Лопата вывала у Вовки из рук. В каком-то оцепенении он наблюдал за этими чудовищными похоронами, если только можно было их так назвать, и уже жалел, что прибежал сюда, как придурок, жалел, что открыл им калитку... жалел, что вообще пошел на эту работу. Теперь он точно знал, что именно эти двое вышли после полуночи через северный вход, отправились в могг и потом пришли оттуда — к другу на могилу... вместе с другом. Когда Вовке удалось наконец преодолеть оцепенение, он, повернувшись на деревянных ногах, бросился к главным воротам и выбежал с территории кладбища...

На следующий день на кладбище поднялся переполох. Кто-то вскрыл могилу партаппаратчика Моисеева, явно в спешке и неаккуратно выбрасывая землю из ямы. Гроб Моисеева валялся в кустах на другой стороне аллеи, а в могиле обнаружили тело погибшего на Чеченской войне десантника, в каком-то неизвестном селе попавшего на минное поле. Рядом было брошено три лопаты. Это почти всё, что смогли внести в протокол сотрудники прибывшей на кладбище следственной бригады. Прав-

да, тщательный осмотр территории кладбища показал, что еще две могилы, судя по всему, были вскрыты, скорее всего, также минувшей ночью, но провести параллель с могилой аппаратчика оперативники не смогли. Дежурный по кладбищенскому моргу был найден с разбитой головой. Его отправили в больницу, где врачи с большим трудом привели его в сознание, но, даже полностью придя в себя, он ни слова не смог сказать о том, что произошло с ним ночью. Один из следователей, которым было поручено дело о вандализме, позднее поделился со своим начальником: "Явно же он знает, кто ему врезал, но говорить не собирается. Как будто здорово боится кого-то". Возможно, так оно и было. Не исключено, что парень действительно видел тех, кто вскоре после полуночи пришел в могг. Во всяком случае, выйдя из больницы, он уволился, даже не отработав положенных двух недель. Если бы стало известно, что погибший вчера рабочий похоронной бригады был сброшен в раскопанную им яму неизвестным, это еще больше запутало бы следствие. Но об этом знал лишь Вовка Михайлов.

А вот Вовку искали почти три дня, пока кому-то не пришлось в голову заглянуть к нему в городскую квартиру. Поскольку на одной из лопат были обнаружены отпечатки его пальцев, он автоматически был включен в число соучастников акта вандализма, тем более как очевидно скрывшийся с места преступления. Но было не похоже, что Вовка пытался скрыться — тогда бы он наверняка не сидел дома с бутылкой водки (три пустых бутылки уже валялись под кухонным столом) и не бормотал себе под нос какую-то несурезицу. Оперативникам, задержавшим Вовку, удалось только разобрать несколько отдельных фраз: "Господи, я это видел! Неужели это может быть? Я же это сам видел!". Судебная медэкспертиза показала, что Вовка полностью невменяем и пребывает в состоянии психотравматического шока, из которого, как обнадеежил сотрудников милиции врач-психиатр, он может вообще никогда не выйти. Поэтому Вовку поместили в психиатрическую клинику, где он и находится до сих пор. Трудно сказать, боится ли Вовка нового визита ночных кладбищенских гостей, или та сцена повторного захоронения до сих пор стоит у него перед глазами, но Вовка почти не спит. Перед сном ему регулярно делают усиленные инъекции реланиума, и долго он так не протянет. Наверняка его мучают кошмары. Даже поздней ночью, когда усыпляющие препараты входят в фазу наиболее интенсивного действия, дежурному медперсоналу часто слышится из Вовкиной палаты его свирепый рев:

— Вы что же, уроды, живым его решили закопать?!

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию тематическую подборку — новинки комедий. Давайте немного повеселимся!

ДЖУЛЬЕТТА

Германия, 1 час 36 мин.
 Режиссер КРИСТОФ ШТАРК
 В ролях: ЛАВИНИЯ УИЛСОН, БАРНАБИ МЕТШУРАБ, МАТТИАС КЕБЕРЛИН
 ЗАО "Фирма ВДВ", ПУ № 221019804 от 10.02.04

Фильм получил немало призов на Международных фестивалях в Порто, Бруклине, на московских "Лицах любви".

Молодежная комедия "Джульетта", конечно же, о любви. Ее 18-летняя героиня приезжает в Берлин к бойфренду Иржи. Желая "оторваться на полную катушку", девушка пробует все: и наркотики, и посещение всяческих увеселительных заведений, и секс, и рок-н-ролл... Закрутившись в

бурлящем потоке развлечений, Джульетта теряет из виду парня, к которому приехала.

Однажды, накачанная "травкой", девушка буквально падает к ногам диджея Макса, с первого взгляда очарованного ею... По прошествии полутора месяцев Джульетта узнает, что беременна. За это время ее парни успели познакомиться и подружиться. В надежде на прощение, она бросается к Иржи, и, как ни странно, парень признает свое отцовство. Тут Макс признается девушке, что же произошло на самом деле в ту единственную ночь, когда они были вместе...

ЮЖНЫЙ КЕНСИНГТОН

Италия, 1 час 52 мин.
 Автор сценария и режиссер КАРЛО ВАНЦИНА ("Герои", "Банзай")
 В ролях: РУПЕРТ ЭВЕРЕТТ ("Лучший друг"), СТИВЕН БОСВЕЛЛ ("Гром в штанах"), ЖАН-КЛОД БРИАЛИ ("Замок Монте-Кристо")
 "Парадиз"/"Спайр", ПУ № 221308203 от 01.11.03

Лондон — город деловых костюмов и изысканных манер, не располагающий к романтическим приключениям. Но что поделать, если ты молод, а в жилах твоих течет горячая итальянская кровь — влюбляться и шалить! Именно так и поступают два приятеля, приехавшие в Англию, чтобы набраться уму-разуму. Какая уж тут учеба, когда головы просто кружатся от бесконечных любовных авантур! А ведь и Массимо, и Антонио родители послали в Лондон совсем за другим — учиться торговле и повышать свои знания в английском. Кто же знал, что на одного "положит глаз" самая богатая и сумасбродная дамочка, как видно, неспроста прозванная знакомыми "мисс Катастрофа", а другой влюбится в самую лучшую девочку на Земле. Все это закончится двумя веселыми свадьбами.

КИКА

Испания, 1 час 50 мин.
Автор сценария и режиссер ПЕДРО АЛЬМОДОВАР ("Поговори с ней", "Все о моей матери")

В ролях: ВЕРОНИКА ФОРКЕ, ПИТЕР КОЙОТ, ВИКТОРИЯ АБРИЛЬ
ЗАО "Фирма ВДВ", ПУ № 221010404 от 10.02.04

Режиссер фильма, испанец Педро Альмодовар, прекрасный знаток женских душ.

Эта его работа получила премию "Гойя" и семь ее номинаций.

...Кика — молода, взбалмошна, соблазнительна и наивна одновременно, возможно, поэтому вечно попадает в немыслимые истории, о некоторых из которых мы узнаем из фильма. Имея в руках вполне экзотическую профессию — Кика гримирует покойников, она и со своим новым возлюбленным познакомилась при вполне пикантных обстоятельствах: — его отчим Николас, довольно известный автор криминальных романов, позвал ее, решив, что юноша скончался во сне.

На самом деле у Рамона редкое заболевание — он порой впадает в какое-то странное оцепенение, похожее на смерть.

Причина тому — перенесенное в детстве потрясение — самоубийство матери, почти на его глазах. Рамон — отличный фотограф, знает цену женской красоте.

Несмотря на довольно большую разницу в возрасте, Николас настоятельно зовет Кику под венец.

Но та не торопится сказать "да", она пока не решила, кто же более мил ее сердцу — юный смазливый пасынок или мужественный и вместе с тем загадочный отчим.

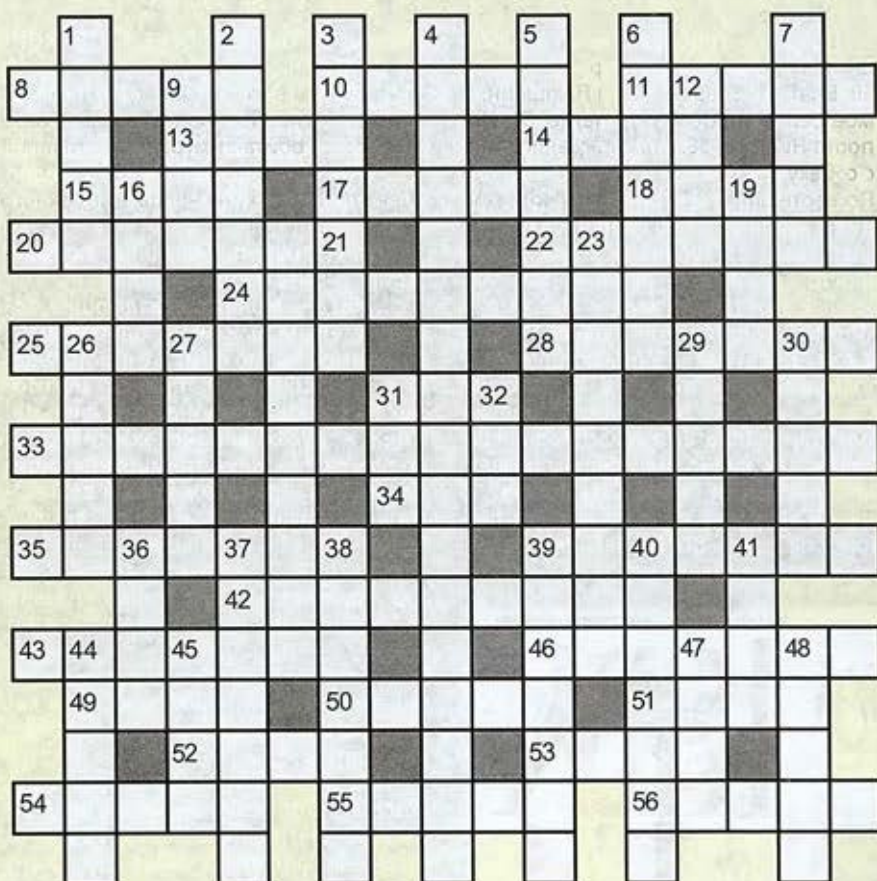
А пока она выбирает, на свет случайно выплывает нелицеприятная история — оказывается, Николас на самом деле не только летописец чужих преступлений и драм — все, что он так талантливо представлял на бумаге, он сначала совершал в действительности...

Видеогид Наталья Тендора

молодой бульвар

187

Бульвар — видео

КРОССВОРД

По горизонтали. 8. Утверждение, отвергающее возражения. 10. Один из двух жуликов в повести А. Линдгрена "Карлсон, который живет на крыше". 11. Спектакль певцов. 13. Итальянское вино, воспетое О. Мандельштамом. 14. Цветок, отвечающий колкостью посягающим на него. 15. Сначала — медовый, затем — яблочный и последний — полотняный. 17. В стихотворении "Поэт" М. Лермонтов говорит о кинжале: "Булат его хранит таинственный...". 18. Один восторгает меломанов, другой — наркоманов. 20. Ведомство, чей шеф Мюллер охотился на Штирлица. 22. Посматривание назад. 24. Активные действия шахматиста в ответ на атаку противника. 25. "Акушерка гения" (Наполеон). 28. Трава, чей плод похож на голову птицы, по которой она названа. 31. Доска для написания иконы на Руси. 33. Наука, изучающая ископаемые растения. 34. И Батый, и Чингис. 35. Монашеская одежда. 39. Английский писатель и просветитель XVII-XVIII веков. 42. Песенный персонаж.

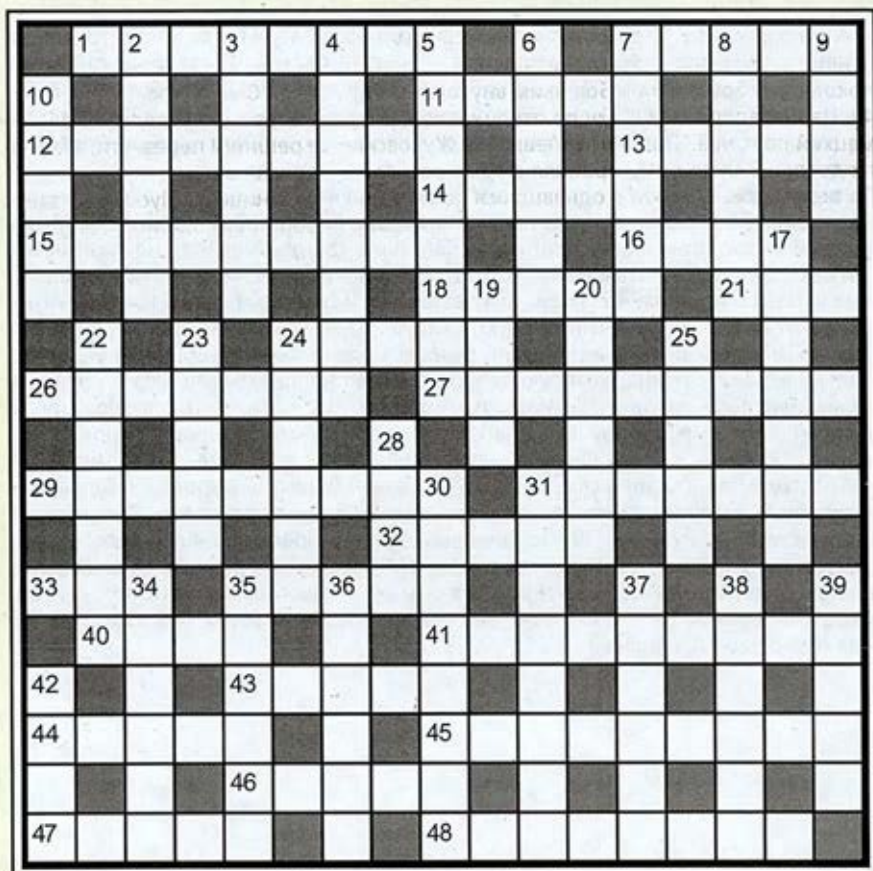
понимающий, что "с девушкой я прощаюсь навсегда". 43. Тригонометрическая функция. 46. Первое лекарство при отравлении. 49. Сказочный старичок с ноготок. 50. Блат. 51. Современный Плюшкин. 52. Сельский дом в горах Швейцарии. 53. Самое религиозное междометие. 54. Искусственное русло. 55. Японский город близ порта Ниигата. 56. Страна, где, по старику Хоттабычу, обитают муравьи величиной с собаку.

По вертикали. 1. Серость под колесами. 2. Цвет лент у теткина чепца, найденного Лаврецким (И. Тургенев. "Дворянское гнездо"). 3. "Штат апачей" в США. 4. Медицинский метод прижигания тканей. 5. Квартира, где два медведя не уживаются. 6. И "ах!", и "ох!", и "мамочки!" 7. Порода европейских гончих. 9. Египетская богиня истины и порядка. 12. И кол для частокола, и свая. 16. Река на границе Абхазии и России. 19. Знаменитый советский хирург. 21. Толстосум на зарплате. 23. Русский драматург и поэт, чьи родители были однофамильцами. 26. Человек, бредущий языком. 27. Птица, которую теперь в окрестностях Львова можно увидеть только на гербе города. 29. Малость, чуть-чуть. 30. Популярный в свое время фильм Т. Абуладзе "Я бабушка, ... и Илларион". 31. Житель пивной европейской страны. 32. Жена Жерара Филипа, написавшая о нем интересные воспоминания. 36. Гроссмейстер, бывший самым юным студентом Великобритании. 37. Слива для популярных в Грузии приправ. 38. Первый с 1601 года живописец Антверпена, предшественник Рубенса. 39. Постоянное свойство предмета. 40. Тверской поэт-крестьянин, у которого в 1900 году гостил Р.М. Рильке. 41. Жвачка, чью свежесть оценивает корова. 44. Одна из героинь в романе Ф. Достоевского "Идиот". 45. Бытовое имя героя А. Баталова в фильме "Москва слезам не верит". 47. Прах. 48. Потеря озверевшего человека. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 1. Скрэб. 5. Плов. 9. Дуло. 10. Фора. 11. Ангел. 12. Жлоб. 13. ...мгла. 14. Лечо. 18. Римлянин. 19. Ландрин. 20. Интуиция. 25. Евгеника. 29. Шпорник. 30. Гипотеза. 32. Юнак. 33. ТАСС. 36. Нары. 37. Троил... 38. Зять. 39. Рева. 40. Таль. 41. Омега.

По вертикали. 2. Конь. 3. Эдем. 4. Булгарин. 5. Пожарник. 6. Обормот. 7. Роден. 8. Харон. 14. Ляхи. 15. Чили. 16. Алле. 17. Снег. 21. Нашатырь. 22. Удобство. 23. Цинк. 24. Явка. 26. Воин. 27. Едок. 28. Икебана. 30. Гюрза. 31. Пасть. 34. Срам. 35. Ринг.

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 1. Выпускник школы обмана, если верить Вовенаргу. 7. Осторожная речная рыба с вкусной икрой. 11. Армянский писатель V века, автор книги "История религиозной войны армян с персами". 12. Художник Н. Ге как поборник благотворительности и добродетели. 13. Химический элемент, облучивший супругов Кюри славой. 14. Палец десницы или шуйцы. 15. Морской шум громче соловьиного пения (А. Блок. "Соловьиный сад"). 16. Аз, буки, ..., глаголь. 18. Цветок, чьи семена прорастают только вблизи грибов. 21. Рыба чистой воды, поэтому в речках Мещеры она пока есть. 24. Внесистемная единица измерения качества. 26. Стремянный князя Курбского, герой баллады А.К. Толстого. 27. Тип здания, первое из которых было построено в Тибете в XVII веке. 29. "Духовное опьянение" (Д. Байрон), превращенное в СССР в физическое. 31. Польский географ, один из первых исследователей Чили. 32. Германское герцогство, где в 1831-1832 годах семь месяцев действовал закон о свободе печати. 33. Немецкий музыкальный педагог, чей авторитет держался на славе его дочерей-пианисток — Клары и Марии. 35. Пер-

наты символ красоты у таджиков и узбеков. 40. "Омерзительное одяние души" (Григорий Великий). 41. Родоначальник неаполитанской оперной школы. 43. Колокол под парусами. 44. Бог, чьим внуком назван Боян в "Слове о полку Игореве". 45. Царь Федор Иоаннович по отношению к роду (из царей — последний). 46. Немецкий поэт, чье "Проклятие певца" В. Жуковский не решился перевести. 47. Муж людоедки Элочки. 48. Крайняя форма расовой дискриминации.

По вертикали. 2. Туман, поднявшийся по служебной лестнице. 3. Мускусный зверь с хвостом, почти равным длине тела. 4. Князь, герой Бородинской битвы. Эпиграмма на него А. Пушкина гнусна и полностью лжива. 5. Немецкий конструктор, построивший первый сигарообразный металлический дирижабль. 6. Обращенная к Мекке молитвенная ниша в стене мечети. 7. Самый красивый шахматный ход. 8. Касогский богатырь, убитый в поединке князем Мстиславом Владимировичем. 9. Английский астрофизик, написавший фантастический роман "Андромеда". 10. Тип гравюр Э. Мане с портретами Ш. Бодлера. 17. Русский сарказм. 19. Дерево в Чили, дающее пальмовый мед. 20. Дерево с драконовой кровью. 22. Приверженец одного из двух главных течений в индуизме. 23. Место в вестернах, где стреляют в людей и в бутылки. 24. Нижняя часть шатровой кровли, отводящая от сруба дождевую воду. 25. Два трио плюс дуэт. 28. Деревенская "лаборатория жизни, из которой выходит животное очеловеченным" (М. Пришвин). 30. Помещение, где маленький Гендель тайком от всех постигал музыку на старом клавесине. 31. Художник, о котором Ш. Бодлер сказал: "Это кратер вулкана, искусно спрятанный за охапками цветов". 34. Горная птица, бегающая порой к водопою за 2-3 километра. 35. Индюк в штанах. 36. Подземная тюрьма в Средней Азии. 37. Орлиный вокал. 38. Голубая часть "низкого дома" в стихотворении С. Есенина. 39. Аруаки, бари, брибри, куна, мискито, пазс, рама, тунебо (общее название). 42. Древнее растение, из которого скандинавы делают кисели и компоты. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 1. Жакерия. 6. Габи. 10. Талер. 11. "Рафли". 12. Ермолин. 13. Удав. 14. Извод. 15. Ницше. 16. Натиск. 19. Китс. 20. Лала. 21. Пипа. 25. Фурор. 27. Церера. 28. Скит. 30. Улитка. 32. Характер. 34. Личность. 38. ...города... 39. Таис. 40. Модель. 41. Напев. 42. ...зады... 44. Афар. 47. Эмма. 48. Шкалик. 50. ...Валле... 51. Водка. 53. Юлия. 54. Шишкина. 55. Бубал. 56. ...зарок... 57. Рань. 58. Изяслав.

По вертикали. 1. Жрец. 2. Кимвал. 3. Ралли. 4. Ятник. 5. Плавки. 6. Грудка. 7. Брантвейн. 8. Иавис. 9. Олуша. 16. Наука. 17. Тафта. 18. Спрут. 21. Природа. 22. ...поклоны. 23. Месса. 24. Вальс. 26. Олег. 28. Схема. 29. Ирида. 31. "Аида". 33. Колумелла. 35. Чапек. 36. Отвал. 37. Тилак. 42. Завязь. 43. Дударь. 45. Филиал. 46. Разум. 47. Элюар. 48. Шашки. 49. Аюшья. 52. Баев.

Вадим Панов создает миф о Тайном городе, и, наделив его представителями могущественных Домов — Чудь, Людь и Навь, размещает его на берегах Москвы-реки. Разумеется, город сокрыт от непосвященных, но отдельные представители человеческой расы все же не только проникают в Тайный город, но и периодически спасают его обитателей от различных угроз. Маги и чародеи, коварство и интриги, тайны и удивительные события — все это в изобилии можно найти в романах Панова. О том, как это все создавалось, мы и поговорили с самим автором.

— Вадим, расскажите, пожалуйста, как возникло стремление к литературному творчеству?

— Уже в школе я увлекался написанием сначала стихов, а в старших классах — прозы. В то время появилось много переводных боевиков и фантастических романов и я, соимещая книжных персонажей и реальных людей, например, одноклассников, придумывал свои истории в жанре боевой фантастики. Поступив в Московский Авиационный Институт, я познакомился с ребятами из легендарного студенческого театра "Зеркало" и примкнул к их рядам. Причем не только в качестве актера, но и в качестве автора. На последних курсах я написал пьесу, которая была поставлена с помощью привлеченных профессиональных режиссеров и имела успех.

После окончания института я много работал и совершенно не имел возможности заниматься сочинительством, однако тяга к литературной работе была непреодолима, и то, что приходило в голову, я записывал в виде отрывков. К какому-то моменту отрывков накопилось столько, что стало очевидно — их надо объединить в виде книги. Я понимал, что буду стараться создать произведение, не похожее ни на что. Так возник замысел первой книги — "Войны начинают неудачники". И надо признаться, что от замысла до воплощения мои герои претерпели значительные изменения.

— И как развивались события дальше? Когда была готова книга, и когда вы увидели ее напечатанной?

— В первом приближении книга была готова к 1999 году. Я отнес ее в несколько издательств, и везде получил отказ. Но в одном издательстве мне удалось добиться встречи с редактором, который читал мою книгу, и он рассказал мне, в чем ее недостатки и почему в таком виде выпускать ее нельзя. Я всегда относился к себе критически, и, прекрасно понимая, что это лишь мой первый серьезный опыт, принял все высказанные замечания. В течение последующего года я, сохранив основной сюжет, переписывал книгу, занимался "оживлением" персонажей, словом, делал ее более читабельной и интересной. Кстати, благодаря столь кропотливой работе, эта книга многими признается лучшей из того, что я написал.

Через год я вновь отнес ее в несколько издательств, получил из "Эксмо" согласие на публикацию, и весной 2001 года она появилась в продаже.

— Вы с самого начала знали, что это будет серия книг, или мысль о продолжении родилась в процессе?

— Уже при создании первой книги я знал, что это будет сериал. Я создал большой самостоятельный мир, населенный большим количеством героев и имеющий массу перспектив для развития.

Конечно, я понимаю, что любая серия рано или поздно выдыхается, но пока, как мне кажется, есть еще масса сюжетных ходов, которые могут быть интересно воплощены.

— Какие литературные произведения произвели на вас наиболее сильное впечатление?

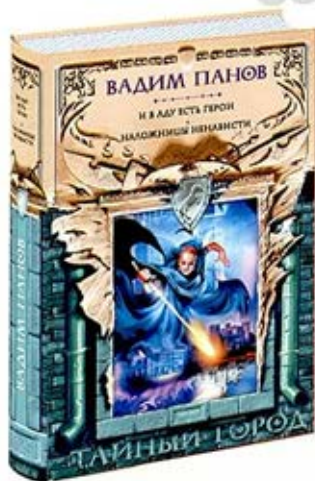
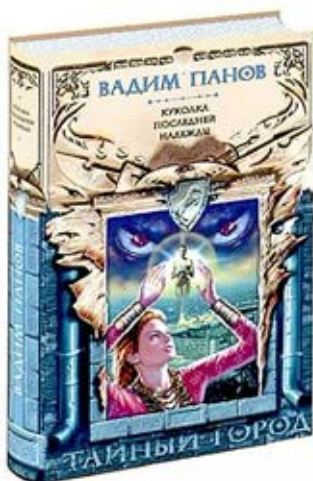
— Есть произведение, чье влияние я ощущаю до сих пор — это “Мастер и Маргарита” М. Булгакова, особенно если говорить не о философской, а о юмористически-бытовой части романа. Кроме этого, я очень люблю западную фантастику 60-х годов — Хайн Лайн, Саймек, Шекли, Рассел. Мне нравится атмосфера обманчивой легкости и абсолютная психологическая достоверность, которая есть в их произведениях.

— Как вы представляете себе своего читателя?

— Как правило, больше всего любителей фантастики среди молодежи, так что и мои читатели, я думаю — это прежде всего люди молодые — 15-30 лет.

— Вы учитываете реалии современного мира?

— Конечно. У меня нет идейных борцов-бессребренников, чей образ был так популярен в отечественной фантастике. Кроме того, мои герои не выхватывают оружие по любому поводу, они сначала ищут компромисс, пытаются договориться и решить все проблемы полюбовно. Если этого не получается, то тогда они уже “встают на тропу войны”, и, как взрослые люди, они относятся ко многому со здоровым цинизмом. Я стараюсь донести до своих читателей мысль, что любое мероприятие, будь то даже борьба со злом, должно быть кому-то выгодно и кем-то оплачено. И, на мой взгляд, герои должны быть заняты в первую очередь действием, а не размышлением по его поводу. Все остальные — просто болтуны. Так что в этом смысле реальность получает полное отражение в моих книгах.

ПОИГРАЕМ?

IRBIS M

IRBIS L

IRBIS Favorite

IRBIS Lux

Упорно работаете и хорошо отдыхаете?
Теперь на это способен и

ВАШ КОМПЬЮТЕР IRBIS

на базе процессора Intel® Pentium® 4
с технологией Hyper-Threading

*Воплощение мечты о машине, скорость
которой измеряется тысячами мегагерц,
а «тюнинг» вовсе не сводится к регуляр-
ной смене скрин-сейверов и обоев
на рабочем столе.*

Розничные продажи: М.ВИДЕО (095) 777-777-5,
ЭЛЬДОРАДО (095) 5-000-000, МИР (095) 780-0000

www.k-systems.ru

Москва (095) 495-1167, 948-3650
С.-Петербург (812) 327-6556

